

УЧАСТИЕ МАЯКОВСКОГО В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

(1906—1910)

Публикация В. Ф. Земскова

Скучно и отрывисто написана автобиография Маяковского. Немного места уделено в ней рассказу о его связи с большевистским подпольем. Маяковский редко упоминал об этом в кругу литераторов, скромно оценивая свою революционную работу как работу рядового пропагандиста.

Изучение жизни и деятельности Маяковского за период 1906—1910 гг. фактически началось после его смерти. При жизни Маяковского только в воспоминаниях И. И. Морчадзе вскользь упоминалось об участии поэта в организации побега 13 политкаторжанок из Новинской тюрьмы¹.

Первым исследователем, опубликовавшим в журнале «Каторга и ссылка» статью об арестах и пребывании в тюрьмах будущего поэта, был Г. И. Лурье². В его распоряжении находились следующие материалы: дело об аресте тайной типографии по Ново-Чухнинскому переулку (из фонда Московского охранного отделения)³, материалы предварительного следствия, производство и переписка прокурора Московской судебной палаты по делу тайной типографии (из фонда Московской судебной палаты)⁴, дело об обысках и арестах в январе—марте 1909 г. и дело о побеге 13 политкаторжанок⁵ (оба из фонда Московского охранного отделения). Кроме того, Лурье привлек автобиографию Маяковского и воспоминания Морчадзе.

Лурье рассказывает о первом аресте Маяковского, связанном с раскрытием большевистской типографии. Размеры журнальной статьи не позволили автору опубликовать все документы, которыми он пользовался. В статье полностью или почти полностью приведено содержание только восьми документов, причем, на наш взгляд, далеко не все они являются самыми важными для выяснения деятельности Маяковского.

Статья начинается с описания ареста Маяковского 29 марта 1908 г. Следовательно, весь период до ареста, приход Маяковского в партию и работа в ней остались вне поля зрения исследователя. Второй арест Маяковского не освещен совершенно. Лурье только констатировал факт ареста, приведя сообщение об этом охранного отделения департаменту полиции. Весьма кратко изложена история третьего ареста.

Статья Лурье явилась первым шагом в изучении революционной работы Маяковского. В ней в общих чертах было рассказано об участии Маяковского в большевистском подполье, были введены в научный обиход документы, освещающие эту сторону юношеской биографии поэта.

В 1936—1937 гг. в журнале «Молодая гвардия» были опубликованы воспоминания сестры поэта Л. В. Маяковской⁶ (доведены до 1914 г.). В них показана атмосфера, в которой проходила юность поэта, раскрывается процесс формирования его политических взглядов. Л. В. Маяковская приводит данные, которые не нашли отражения в полицейских

документах и которые значительно расширяют наше представление о жизни и деятельности поэта. Л. В. Маяковская включила в свои воспоминания тексты писем Маяковского и сестры Ольги с Кавказа в Москву, где в то время жила Людмила Владимировна.

В воспоминаниях Л. В. Маяковской имеются некоторые ошибки, неизбежные у мемуариста, восстанавливающего картину событий по памяти. Так, объединены вместе факты, имевшие место при втором и третьем арестах Маяковского. Здесь, по-видимому, известную роль сыграло то обстоятельство, что автор использовал автобиографию поэта, где была допущена та же ошибка⁷. Тем не менее, эти воспоминания дают ценный материал для изучения биографии Маяковского.

В 1939 г. появилась статья В. О. Перцова «Товарищ Константин»⁸. Статья охватывает весь период революционной деятельности Маяковского, начиная с момента переезда семьи в Москву в 1906 г. и кончая 1910 г. Перцов пользовался в основном теми же материалами, которые были в распоряжении Лурье. Кроме того, Перцов беседовал с участниками революционного движения, встречавшимися с Маяковским. Отрывки из стенограмм бесед обогатили статью фактическим материалом. Автор статьи не ставил своей задачей публикацию документов. Он привел лишь несколько цитат из них и из воспоминаний, на пересказе которых построена в основном эта статья.

В работе Перцова существенно то, что он, не преувеличивая революционных заслуг Маяковского, показал, какую роль в формировании мировоззрения молодого Маяковского сыграли увлечение марксизмом и работа в подполье, определившие направление творчества будущего поэта. Перцов правильно указывал, что истоки революционного творчества Маяковского необходимо искать в том большом влиянии, которое оказала на него марксистская литература, во впечатлениях от первой русской революции, в непосредственном участии будущего поэта в подпольной работе.

Имевшиеся в распоряжении автора материалы не давали ему возможности во всех деталях проследить деятельность Маяковского за интересующий нас период. Не имея документов, Перцов шел по пути гипотез и, как теперь можно установить, иногда ошибался. Так, например, второй арест Маяковского в освещении Перцова, как, впрочем, и у всех других биографов, оказывался случайным, не связанным с деятельностью Маяковского. То, что за Маяковским была учреждена слежка агентов наружного наблюдения, трактовалось как результат первого ареста. В действительности же, наблюдение явилось следствием связей Маяковского с подпольем, и именно результаты слежки были основанием для второго ареста.

Статья Перцова в переработанном виде вошла в его монографию «Маяковский. Жизнь и творчество»⁹. Автор дополнил ее документами Охранного отделения и выдержками из воспоминаний современников. Однако, заботясь о доступности книги для широкого круга читателей, он, как правило, дает лишь сжатый пересказ документов. Разумеется, книга Перцова не могла дать свода архивных материалов о жизни и деятельности Маяковского за 1906—1910 гг.

Работа Г. В. Бебутова «Ученические годы Владимира Маяковского»¹⁰ посвящена пребыванию Маяковского в Кутаисской гимназии. Автор привлек много неизвестных документов из местных архивов, подробно освещающих жизнь гимназии в период революционных событий 1905 г. В книге показано, как отразились эти события на настроении юного Маяковского. Период ученья будущего поэта в Московской гимназии автором не освещен.

Книга В. А. Катаняна «Маяковский. Литературная хроника»¹¹, вышедшая в свет уже третьим изданием, в первых двух изданиях в основном

МАЯКОВСКИЙ

Скульптура (гипс) Г. А. Колпаковой, 1954 г.

Собрание скульптора, Москва

повторяла (в публикации документов за 1906—1910 гг.) ранее известные работы. В третье издание своей книги Катанян включил большое количество материалов, относящихся к этому периоду, в частности — донесения агентов наружного наблюдения за август 1908 и январь 1909 гг., а также выдержки из протоколов допросов. Большая часть этих материалов была предоставлена Катаняну автором настоящей статьи.

Катанян не ставил своей задачей полностью опубликовать документы, а тем более — дать их анализ; они приводились лишь в качестве иллюстраций к определенным фактам и событиям из жизни Маяковского.

Небольшая статья Е. З. Балабановича «Журнал „Порыв“»¹² представляет собой сообщение о содержании двух номеров журнала. Об этом журнале Маяковский вспоминал в автобиографии. Найденные автором номера журнала дали ему возможность показать первую литературную среду Маяковского.

Тема «Революционная деятельность Маяковского» затрагивалась также в некоторых журнальных и газетных статьях¹³. Как правило, в этих статьях излагались уже известные документы.

Таковы основные работы, освещающие жизнь и деятельность Маяковского за 1906—1910 гг. Общими усилиями исследователей было выявлено и частично опубликовано большое количество документов. Но все они оказались рассеянными по разным научным статьям и монографиям. Большинство из них известно читателю преимущественно по пересказу.

Задача настоящей работы — дать наиболее полный свод документов (как известных ранее, так и вновь найденных) и на их основании показать революционную деятельность Маяковского, выявить степень и характер его участия в большевистском подполье.

Мы произвели дополнительные розыски в архивах. Так, в частности, нами были просмотрены за 1907—1910 гг. архивы бывших Московского охранного отделения, Департамента полиции, Московской судебной палаты, Военно-окружного суда, Центральной пересыльной (Бутырской) тюрьмы, Канцелярии московского градоначальника. Мы стремились в большей степени использовать воспоминания и материалы, хранящиеся в Государственном литературном музее, Государственной библиотеке-музее В. В. Маяковского, Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Не ставя своей целью дать полный свод воспоминаний, мы привлекали их в качестве иллюстраций и дополнений к документам. Некоторые из приведенных в статье фактов установлены в личных беседах с непосредственными участниками событий.

Вновь выявленные материалы позволили значительно расширить наше представление о характере деятельности Маяковского в тот период, устранить неточности и ошибки, допущенные в предыдущих работах.

В первом разделе, построенном в основном на уже известных исследователям документах, в более широком объеме, чем это делалось прежде, используются воспоминания современников.

Во втором разделе вновь публикуется ряд документов, характеризующих деятельность Маяковского в качестве члена МК РСДРП, и значительно полнее приводятся документы следственного дела о тайной типографии.

Третий и четвертый разделы почти целиком (за исключением дневников наружного наблюдения, опубликованных Катаняном) построены на новых документах.

В пятом разделе также публикуется ряд документов, известных ранее только по пересказу.

Работа, естественно, не могла вместить всех имеющихся в нашем распоряжении материалов. Часто в начале документа перечисляются все

обвинения, возводимые полицией на Маяковского, а потом, в заключение, излагается суть дела. Такие документы приводятся не полностью. Не приводятся также документы малозначительные, ничего не добавляющие к общей картине событий.

Настоящая работа отнюдь не исчерпывает тему во всей ее полноте. Некоторые материалы, о существовании которых можно предполагать, до сих пор не разысканы и, возможно, безвозвратно пропали. Известно, например, что в феврале 1917 г. служащие Московского охранного отделения, пытаясь скрыть следы своих преступлений, подожгли здание охранки. В огне погибла часть архива. До сих пор не увенчались успехом поиски дела Маяковского в Бутырской тюрьме, где могла сохраниться тетрадка стихов, написанных поэтом во время заключения.

Изучение архивов далеко не закончено и может дать новые и новые находки. Так, еще недостаточно исследовано богатейшее собрание дневников наружного наблюдения, хранящееся в Центральном государственном историческом архиве СССР. В этих дневниках (их насчитывается за 1907—1910 гг. свыше двух тысяч) имена революционеров заменены кличками, расшифровать которые можно только по косвенным данным. Подобное исследование могло бы дать новый материал и составить самостоятельную работу.

I

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1905—1907)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. — ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ. — НАСТРОЕНИЕ В МОСКОВСКИХ ГИМНАЗИЯХ. — ВСТРЕЧИ С РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ-ПОДПОЛЬЩИКАМИ. — ПЕРВЫЕ ПАРТИЙНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ. — ВСТУПЛЕНИЕ В ПАРТИЮ.

Владимир Маяковский встретил революционный 1905 год в Кутаисе, куда он приехал учиться в гимназии. Впечатления этого года остались для Маяковского памятными на всю жизнь. Больше того — они определили становление его мировоззрения, мировоззрения материалиста-революционера.

Революционное движение в Кутаисе не ослабевало даже тогда, когда в других местах революция уже шла на убыль. «Лично я не могу не подчеркнуть то, что Кутаис положительно поражает своей революционностью, — писал 20 августа 1905 г. начальник полиции на Кавказе генерал Ширинкин наместнику царя, графу Воронцову-Дашкову. — Кажется, что вся атмосфера этим полна. Это я говорю не для красного словца, а это самый настоящий факт...»¹⁴

Большевистский Имеретинско-Мингрельский комитет, руководя революционным движением, привлекал к работе в качестве пропагандистов учащуюся молодежь. Маяковский в автобиографии, в главке «Японская война» писал: «... появилось слово „прокламация“» (I, 13). Может быть, поэт знал прокламацию Имеретинско-Мингрельского комитета, выпущенную в феврале 1904 г. и обращенную к учащимся Кутаиса в связи с «беспорядками», вызванными событиями русско-японской войны.

Прокламация эта заканчивалась словами:

«Вперед, друзья!.. Мы жаждем новой жизни и бесстрашно идем к ней; мы ненавидим насилие и ложь и боремся против них; мы ищем правду-справедливость и страдаем за нее, и каждая жертва самодержавия кует новый булат его погибели. Не бойтесь этих жертв. Уже настал желанный час; настал момент, когда всеобщая скрытая злоба и ненависть, вырывающаяся из истомленных грудей сынов народа, превращаются в грозный клич:

Долой самодержавие!
 Долой героев кнута и насилия!
 Долой хищника-кровопийцу и его опричников!
 Да здравствует демократическая республика!»¹⁵

Этот страстный призыв несомненно дошел до учащихся Кутаисской гимназии. За «шипение» во время молебствия о ниспослании победы русскому оружию было исключено из гимназии несколько учеников. А в январе 1905 г. начальству гимназии пришлось заводить специальное дело «об ученических беспорядках». Живое дыхание революции ворвалось в стены гимназии. В журнале заседания педагогического совета Кутаисской гимназии появилась следующая запись:

«25 января в гимназии после первого и второго урока в верхнем и нижнем коридорах среди учеников раздавались шум и крики, которые, однако, быстро прекращались, когда к ученикам подходили гг. директор, инспектор и преподаватели.

В конце большой перемены, несмотря на присутствие в коридорах как инспектора, так преподавателей и помощников классных наставников, ученики сгруппировались в верхнем и нижнем коридоре; среди них слышались крики „долой“ (по-грузински и по-русски); ученики особенно сильно шумели и кричали в верхнем коридоре; там их крики прерывались нестройным пением песни революционного содержания, слышались отдельные возгласы „да здравствует свобода“, и кто-то крикнул: „долой самодержавие“»¹⁶.

В такой атмосфере жил и учился молодой Маяковский. Живо воспринимал он события, развертывавшиеся вокруг него. «Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел. Хорошо», — вспоминает Маяковский (I, 13). Вместе с другими революционно настроенными учащимися Маяковский читал прокламации, ходил на митинги, посещал марксистский кружок.

В это время Людмила Владимировна училась в Строгановском училище в Москве. На лето она приезжала в Багдади, куда возвращался из Кутаиса на каникулы Маяковский. Жили неподалеку от Багдади, в деревне Нергеты. Приезд сестры из Москвы бывал большим событием для всей семьи. «Приехала сестра из Москвы, — писал Маяковский в автобиографии. — Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. Нравилось: очень рискованно. Помню и сейчас. Первая:

Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
 скорей брось винтовку на землю.

И еще какое-то, с окончанием:

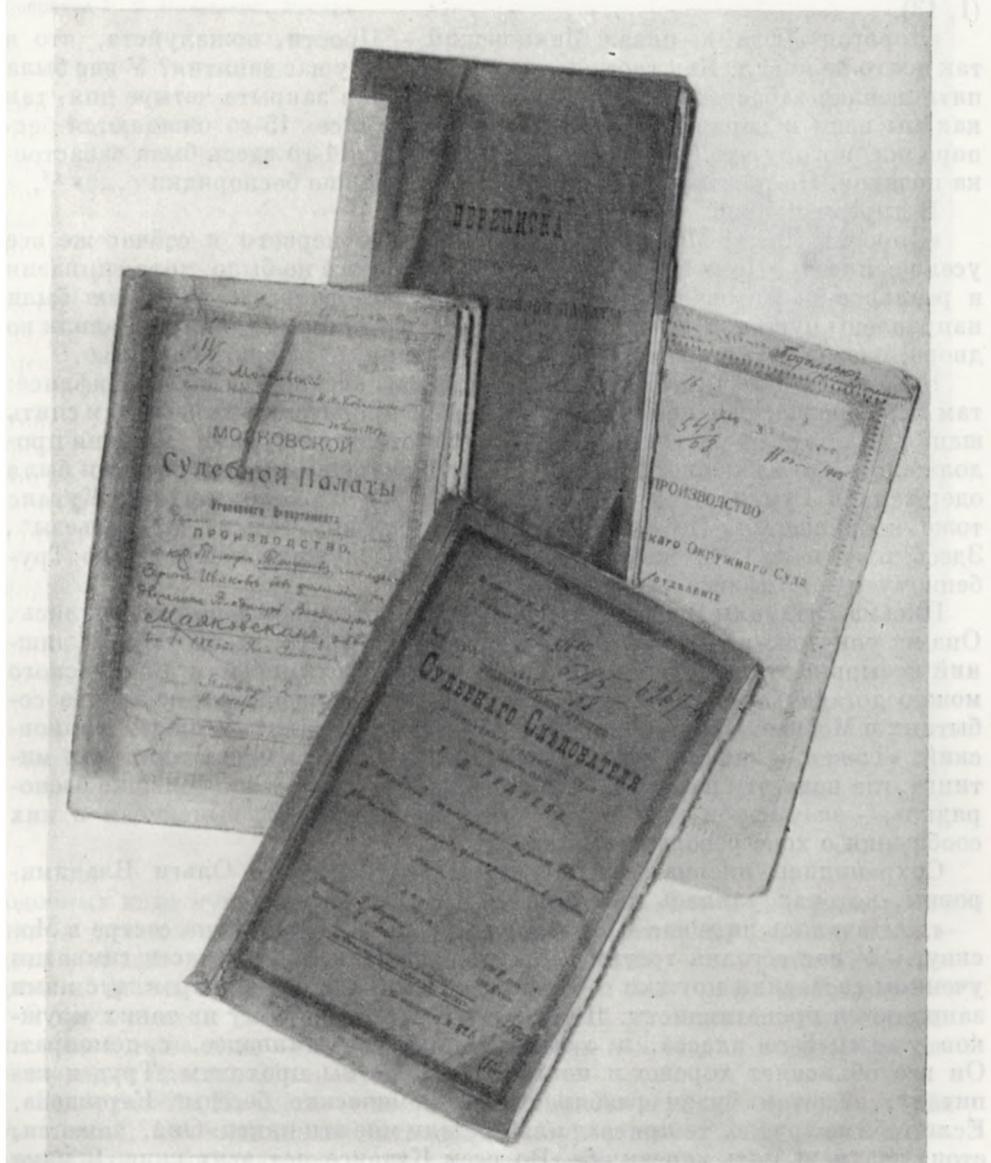
...а не то путь иной —
 к немцам с сыном, женой и с мамашей...

(о царе).

Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове» (I, 13).

«Володю я нашла выросшим во всех отношениях. Он был насыщен революцией, горел и жил ее судьбой! Я видела в нем юношу, которому было близко и интересно все, что касалось революции, поэтому я давала ему читать все, что я привезла», — вспоминает Л. В. Маяковская¹⁷. Кроме того, Людмила Владимировна привезла с собой толстые клеенчатые тетрадки с выписками из прочитанного. Все это видел и читал Маяковский.

Волна революции захватила юношу. В письмах Маяковского сестре описания революционных событий перемежались с попытками их анали-

ДЕЛА МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ О ТАЙНОЙ ТИПОГРАФИИ, 1908 г.

В связи с «провалом» этой типографии Маяковский был впервые арестован и привлечен к ответственности

Исторический архив Московской области

зировать. Это уже не живописное восприятие: «... в черном анархисты, в красном эсеры, в синем эсдеки, в остальных цветах федералисты» (I, 13).

«Дорогая Люда! — писал Маяковский. — Прости, пожалуйста, что я так долго не писал. Как твое здоровье? Есть ли у вас занятия? У нас была пятидневная забастовка, а после была гимназия закрыта четыре дня, так как мы пели в церкви „Марсельезу“. В Кутаисе 15-го ожидаются беспорядки, потому что будет набор новобранцев. 11-го здесь была забастовка поваров. По газетам видно, что и у вас большие беспорядки <...>»¹⁸.

В другом письме:

«Дорогая Люда! Мы получили твое письмо первого и сейчас же все уселась писать. Пока в Кутаисе ничего страшного не было, хотя гимназия и реальное забастовали. Да и было зачем бастовать: на гимназию были направлены пушки, а в реальном сделали еще лучше. Пушки поставили во дворе, сказав, что при первом возгласе камня не оставят на камне.

Новая „блестящая победа“ была совершена казаками в городе Тифлисе: там шла процессия с портретом Николая и приказала гимназистам снять шапки. На несогласие гимназистов казаки ответили пулями. Два дня продолжалось это избиение. Первая победа над царскими башибузуками была одержана в Гурии, этих собак там было убито около двухсот. Кутаис тоже вооружается. По улицам только и слышны звуки „Марсельезы“. Здесь тоже пели „Вы жертвою пали“, когда служили панихиду по Трубецкому и по тифлиским рабочим»¹⁹.

Письма Людмилы Владимировны домой за этот период не сохранились. Она их уничтожила, когда впервые арестовали брата, чтобы не дать лишней козырь в руки охранки. Но по сохранившимся письмам Маяковского можно догадаться, что письма сестры были насыщены рассказами о событиях в Москве. «Здесь тоже пели „Вы жертвою пали“, — пишет Маяковский. «Тоже» — значит, сестра писала о какой-то демонстрации или митинге, где пели эту песню. «По газетам видно, что и у вас большие беспорядки», — значит, он уже внимательно читал газеты, выискивая в них сообщения о ходе революции в стране.

Сохранились письма другой сестры Маяковского, Ольги Владимировны, которая училась в те годы в Кутаисе.

«... Начались ли у вас в училище занятия? — писала она сестре в Москву. — У нас сегодня третий день идут занятия <...> У нас в гимназии ученицы составили кружки с.-демократок и с.-революционерок, и с ними занимаются пропагандисты. Я тоже примкнула к одному из таких кружков учениц 6-го класса, и с нами занимается Цинцадзе, с.-демократ. Он все объясняет хорошо и понятно. Сейчас мы проходим „Труд и капитал“, а потом будем разбирать „Экономические беседы“ Карышева. Если тебе не трудно, то привези или пришли мне эти книги. Они, кажется, стоят двадцать пять копеек обе. Во всем Кутаисе нет этих книг. Я маме говорила, что я занимаюсь в кружке, и мама ничего не имеет против, и я очень рада. Мы в неделю два раза собираемся у этих учениц.

Вчера днем я с Володей была в театре. Какой-то приезжий русский читал „Что такое политическая свобода“. Он читал очень хорошо, и я все поняла. Ученические места были по десяти копеек, так что все учащиеся были в состоянии слушать. Наш учитель, пропагандист, говорил, что ему очень приятно, что я, русская, тоже изъявила желание заниматься <...> Из всей гимназии из русских занимается только человек пять. Я теперь читаю очень интересные книги. Я купила себе книги: „Положение женщины в настоящем и будущем“, „Долой социал-демократов“, „Социализм в Японии“, „О программе работников“, „Что такое рабочий день“, „Идеи марксизма в германской рабочей партии“, „Об избирательном праве“, „Буржуазия, пролетариат и коммунизм“, „Среди людей мозга“.

В. В. КАНДЕЛАКИ

Фотография, 1907 г.

Собрание Р. Е. Канделаки, Москва

Подобных книг купил себе и Володя десять штук. Такого же рода много книг я прочла, которые мне одалживали Каргановы, а также гимназисты — наши соседи. Эти книги очень дешевы — по десять, пятнадцать и восемь копеек. Их теперь привезли и они прямо нарасхват²⁰.

О двух книгах из этого списка Маяковский упоминает в автобиографии. Одна из ее глав — «Социализм» — очень важна для понимания мировоззрения юноши Маяковского:

«Речи, газеты. Из всего — незнакомые понятия и слова. Требую у себя объяснений. В окнах белые книжицы. „Буревестник“ <«Буревестник» — издательство, выпускавшее социал-демократическую литературу. — В. З.> Про то же. Покупаю все. Вставал в шесть утра. Читал запоем. Первая: „Долой социал-демократов“. Вторая: „Экономические беседы“. На всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир. „Что читать?“ — кажется, Рубакина. Перечел советуемое. Много не понимаю. Спрашиваю. Меня ввели в марксистский кружок. Попал на „Эрфуртскую“. Середина. О „лumpенпролетариате“. Стал считать себя социал-демократом: стащил отцовские берданки в эсдечий комитет.

Фигурой нравился Лассаль. Должно быть, оттого, что без бороды. Моложавей. Лассаль у меня перепутался с Демосфеном. Хожу на Рион. Говорю речи, набрав камни в рот» (I, 13—14).

Как видно, громадное количество впечатлений, новых понятий, слов втрюглись в сознание Маяковского. Увлечение подобными книгами лиш-

ний раз показывает, что Маяковский по своему умственному развитию далеко обогнал своих сверстников. «Многое не понимаю», — признавался он. Но в то же время его «на всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир». Он «стал считать себя социал-демократом» и даже подкрепил свое решение делом — «стащил отцовские берданки в эсдечий комитет» (I, 14).

В Кутайсе стало известно об убийстве видного члена социал-демократической партии Н. Э. Баумана. Рабочие и учащиеся устроили большую демонстрацию протеста. Маяковский был среди ее участников. Полиция напала на демонстрантов. «... При панике (может, разгоне) в демонстрацию памяти Баумана мне (упавшему) попал большущим барабанищем по голове», — вспоминал Маяковский (I, 14).

Тяжелое горе, постигшее Маяковских, — смерть отца, — сделало Владимира еще более взрослым. Он был теперь единственным мужчиной в семье.

В июле 1906 г. Маяковские переехали в Москву и поселились в небольшом трехэтажном доме на углу Козихинского и Спиридоньевского переулков. Вокруг жило преимущественно студенчество. К студенческому кварталу примыкала Спиридоньевская улица и Гранатный переулок, населенные буржуазией и дворянской знатью. А далее, на рабочей Пресне, ютились убогие казармы и лачуги рабочих Прохоровской мануфактуры.

Шел 1906 год. Совсем недавно здесь отгремели жестокие баррикадные бои. Улицы Пресни были залиты кровью рабочих. На каждом шагу все напоминало о героическом декабрьском вооруженном восстании московских рабочих, центром которого стал этот район.

Материальное положение Маяковских было тяжелым. Денег не хватало. Чтобы как-нибудь сводить концы с концами, матери, Александре Алексеевне, приходилось «сдавать комнаты и обеды». «Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты. Помню — первый передо мной „большевик“ Вася Канделаки», — писал Маяковский (I, 15).

В воспоминаниях В. Канделаки читаем: «В действительности он (Маяковский) увидел вскоре много большевиков в своей комнатке. Это были студенты Московского университета — товарищи и приезжие. Говорили, курили, спорили много, горячо. Тащили вороха нелегалщины. Иногда, спохватившись, оглядывались на неподвижно сидевшего долговязого мальчугана. Я успокаивал: „Это сын хозяйки, Володя Маяковский, свой“. В горячке учебы и кружковщины мне было не до „ребенка“, каким я считал Володю. Помню мимолетное свое удивление, когда он смущенно, робко, боясь, что откажут, брал почитать „что-нибудь революционное“. Потом он перестал спрашивать, просто брал, глотал. Когда приходили товарищи, бросал свое выпиливание и присаживался в уголке, жадно слушаю»²¹.

В августе 1906 г. Маяковский поступил в 4-й класс 5-й московской мужской гимназии, которая помещалась на углу Поварской и Молчановки. Учился Маяковский неважно. «Единицы, слабо разнообразимые двойками. Под партой „Анти-Дюринг“, — шутливо вспоминал поэт (I, 15).

Знакомый старшей сестры, студент И. Б. Карахан, которого попросили помогать Маяковскому по математике, ближе познакомившись с ним, увидел, что гимназия его тяготила, уроки не ладились. Карахан был членом Московской организации большевиков, он участвовал в декабрьском вооруженном восстании и сражался на баррикадах Пресни. В то время, занимаясь с Маяковским, Карахан работал в качестве пропагандиста и агитатора в рабочих кружках. Начав с занятий по математике, с рассказов о революционных событиях 1905 года и прогулок по

местам боев, Карахан стал давать Маяковскому партийные поручения и систематически заниматься с ним теорией марксизма²².

Гимназическое начальство ревниво следило за поведением своих учеников. Отвечая на запрос попечителя Московского учебного округа²³, директор 5-й гимназии П. И. Касицын сообщал:

«Не наблюдалось и не наблюдается в гимназической урочной жизни учащихся никаких признаков распространения между ними предложенных относительно участия в тех или других противозаконных обществах.

В равной мере, не имеется до сего времени сведений о причастности учащихся во вверенной мне гимназии к каким-либо противоправительственным организациям также и вне их школьной жизни, насколько можно предполагать по весьма частым беседам с родителями учеников и их общему школьному поведению и отношению к их прямым занятиям».

Однако настроение в гимназии было далеко не таким верноподданническим, как казалось ее директору. Об этом красноречиво свидетельствует донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции от 18 января 1908 г., в котором говорится о влиянии партий социал-демократов и социал-революционеров на учащихся:

«Политические события, захватившие в 1905 году в свой круговорот высшие учебные заведения России, не могли не отразиться и на настроении учеников средней школы. Движение это выливается в средних учебных заведениях 1 мая в форме „митингов“ и всевозможных „резолуциях“; вскоре, под влиянием мер, предпринятых администрацией и учебным начальством, <движение> потухло, но в каждом почти учебном заведении, конечно, остались отдельные ученики, которые не прочь были продолжать свою „политическую работу“. Этот период как раз совпал со временем самого широкого распространения всевозможных союзов. Под влиянием

МОСКОВСКАЯ 5-Я МУЖСКАЯ
ГИМНАЗИЯ НА УГЛУ ПОВАР-
СКОЙ (ТЕПЕРЬ УЛ. ВОРОВСКО-
ГО) И БОЛЬШОЙ МОЛЧАНОВ-
КИ. ЗДЕСЬ В 1906—1908 гг.
УЧИЛСЯ МАЯКОВСКИЙ

Фотография, 1950-е гг.

Литературный музей, Москва

этого движения и в среднеучебных заведениях стали организовываться „кружки“, состав которых самый разнообразный; сюда входили и считающие себя социалистами-революционерами и социал-демократами и даже анархистами. В „кружках“ велись разговоры на политические темы, но, по свидетельству участников собраний, разговоры эти скоро надоели, и „кружки“ стали посещаться весьма неохотно, а с наступлением каникул „кружки“ и совсем распались*.

В начале 1906—7 учебного года партийные организации гор. Москвы (социал-демократов и социалистов-революционеров) направили свою пропаганду в среду учеников средней школы и организовали 2 союза среднеучебных заведений: один — партии социалистов-революционеров, а другой — социал-демократов. Первый союз просуществовал недолго и распался; партия же социал-демократов приобрела связи почти во всех учебных заведениях гор. Москвы; вскоре был выпущен Устав среднеучебных заведений Российской социал-демократической рабочей партии, выработанный этой партией. В состав союза входили „кружки“ и „клубы“; в „кружки“ вступили все сочувствующие партийной программе, а в „клуб“ допускались принявшие всю программу целиком. В кружках происходили занятия под руководством пропагандистов, читались рефераты на политические темы и делались сообщения о положении партии в данное время. Из членов союза учащихся выяснены следующие лица: гимназисты — Антонов, Владимир Бухарин, Григорий Яковлев Брильянтов, Николай Лямин, Валентин Неймарк, 5-й гимназии — Осколков, Медведниковской гимназии — Попов, Михаил Ромм, Владимир Соколов, Алексей Сидоров, Николай Сахаров, Владимир Петров Файдыш, Алексей Щербakov, Илья Гиршев-Эренбург и гимназистки Анна Ильина Выдрина, Вера Николаевна Сахарова, Конкордия Карловна Ивенсон, Надежда Григорьевна Львова, Халютина, Ольга Сидорова, Елена Шарапова; более выдающуюся роль играли Брильянт, Файдыш, Эренбург и Анна Выдрина. Цель, преследуемая социал-демократической партией, — подготовка будущих партийных работников, увенчалась известным успехом, — и партия приобрела для себя из среды учеников новых работников: Файдыш — член военно-технического бюро; Эренбург, Соколов, Сахарова, Бухарин и Брильянт — районные пропагандисты; Рокшанин — техник Замоскворецкого района и Антонов — техник Городского района; кроме того, во время выборов во II и III Государственные думы в числе разносчиков избирательных бюллетеней социал-демократической партии были задержаны некоторые ученики среднеучебных заведений.

Аресты в 1907 г. Брильянта, Осколкова, Файдыша и Веры Сахаровой сильно расстроили дела союза, а наступившие каникулы окончательно приостановили его деятельность. С началом 1907—8 учебного года Московский комитет РСДРП поднял вопрос о возрождении Союза среднеучебных заведений и вновь был выпущен новый гектографированный Устав союза, но большинство учебных заведений не поддерживают никакой связи с союзом, и собрания двух существующих кружков посещаются самым незначительным числом членов. Из постоянных участников союза в настоящее время известны: Эренбург, Файдыш, Конкордия Ивенсон и Надежда Львова.

Докладывая об изложенном вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что дальнейшее наблюдение за проявлением революционной деятельности в среде учащихся среднеучебных заведений продолжается.

Подписал подполковник фон-Котен»²⁴.

Ученик 5-й гимназии Борис Иннокентьевич Осколков был арестован.

* Сбоку имеется приписка: «Июль 1906».

При обыске 30 января 1908 г. у него были обнаружены: «записи о деятельности союзов среднеучебных заведений, рецепты по изготовлению взрывчатых веществ, подписные листы на общеученический журнал „Борьба“ и на основание фонда академической организации и черновики статей для журнала „Борьба“, <...> По последним агентурным сведениям, Борис Осколков состоял во главе отдельного внепартийного кружка учащихся, имевшего своим органом ученический журнал „Борьба“ <...> Осколков содержится в Сушевском полицейском доме»²⁵.

УЧЕНИКИ МОСКОВСКОЙ 3-Й МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ, СРЕДИ НИХ РЯД УЧАСТНИКОВ НЕЛЕГАЛЬНОГО ЖУРНАЛА «ПОРЫВ», В КОТОРОМ СОТРУДНИЧАЛ МАЯКОВСКИЙ

Фотография, 1907 г.

Литературный музей, Москва

Из опубликованных документов видно, что в 5-й гимназии выходил нелегальный журнал «Борьба» и собирался кружок учащихся. Можно предположить, что общительный, жадно интересующийся подобными делами, Маяковский знал о существовании кружка и нелегального журнала. Несомненно, он знал и об аресте Осколкова.

К сожалению, поиски (в архивах Московского охранного отделения и попечителя Московского учебного округа) журнала «Борьба» или черновиков статей, отобранных у Осколкова, не увенчались успехом. Обнаружен только чистый подписной лист на этот журнал²⁶.

Маяковский в автобиографии упоминал о другом нелегальном журнале—«Порыв», который выпускал социал-демократический кружок гимназистов 3-й гимназии, где учился товарищ Маяковского, Сергей Медведев.

«В гимназии у нас существовал социал-демократический кружок,— рассказывал в своих воспоминаниях С. Медведев,— в нем, кроме учеников нашей гимназии, принимал участие и Маяковский. Все кружковцы были старше Володи, но отношение к нему было как к равному.

Володя сам на разговор никогда не напрашивался и больше прислушивался. Но все замечания и фактические поправки, которые он вставлял в разговор, всегда производили на нас всех очень благоприятное впечатление»²⁷.

Было выпущено три номера журнала (за февраль, март, апрель 1907 г.). До нас дошли только два номера. Разыскавший эти экземпляры Е. З. Бабабанович пишет:

«Журнал с самого начала мыслился его организаторами как нелегальный орган не только одной третьей гимназии, но и передовой молодежи других средних школ Москвы. Во избежание репрессий все произведения, помещаемые в журнале, подписывали псевдонимами.

В отличие от обычного типа ученических журналов, переписывавшихся от руки или печатавшихся в трех-четыре экземплярах на пишущей машинке, „Порыв“ гектографировался и печатался в очень большом для ученического журнала тираже (так, № 1 вышел в феврале 1907 г. в количестве 100 экз.). Инициативной группе — фактически редколлегии — удалось наладить связи с другими гимназиями, журнал имел сотрудников и распространялся в ряде средних учебных заведений Москвы»²⁸.

Е. З. Бабабанович высказывает предположение, что некоторые материалы журнала, подписанные буквой «М» и «Константин», можно было бы связать с именем Маяковского, однако авторство его нельзя считать установленным. Тем не менее, редколлегия журнала «Порыв» явилась первой литературной средой для будущего поэта.

«Третья гимназия издавала нелегальный журнальчик „Порыв“, — вспоминал Маяковский. — Обиделся. Другие пишут, а я не могу?! Стал скрипеть. Получилось невероятно революционно и в такой же степени безобразно. Вроде теперешнего Кириллова. Не помню ни строки. Написал второе. Вышло лирично. Не считая таковое состояние сердца совместным с моим „социалистическим достоинством“, бросил вовсе» (I, 16).

В передовой статье первого номера «Порыва» говорится: «Сейчас самым важным, самым интересным является вопрос социальный».

В сохранившихся экземплярах журнала «Порыв» преобладают публицистические статьи. Эта публицистическая направленность журнала помогает нам понять, почему Маяковский так беспощадно отнесся к своим первым стихотворным опытам. Большинство юных авторов «Порыва» считало несомненным чистую лирику с «социалистическим достоинством». В полемике о задачах поэзии, развернувшейся на страницах журнала, Маяковский был на стороне тех, кто считал, что всякое искусство, не связанное с революцией, «нужно отринуть беспощадно».

«Беллетристики не признавал совершенно, — вспоминал он впоследствии. — Философия. Гегель. Естествознание. Но главным образом марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем „Предисловием“ Маркса. Из комнат студентов шла нелегалщина. „Тактика уличного боя“ и т. д. Помню отчетливо синенькую ленинскую „Две тактики“. Правилось, что книга срезана до букв. Для нелегального просовывания. Эстетика максимальной экономии» (I, 15—16).

Таким образом, комнаты студентов были еще одним местом, где Маяковский черпал знания революционера-подпольщика. Тут он встречался с людьми, у которых за плечами уже имелся опыт партийной работы. Встречи с революционерами сыграли большую роль в формировании взглядов будущего поэта.

И. Б. Карахан, занимавшийся с Владимиром, жил совсем рядом с домом Маяковских. «Мы часто бывали друг у друга, — вспоминал он. — Володя подолгу просиживал у меня. Он расспрашивал меня обо всем, живо интересовался событиями 1905 года, зная, что я участвовал в де-

И. Б. КАРАХАН

Фотография, 1900-е гг.

Библиотека-музей В. В. Маяковского,
Москва

кабрьском вооруженном восстании 1905 года в Москве. В то время я работал в Московской организации большевиков в качестве пропагандиста и агитатора. Володя видел у меня и читал нелегальную литературу того времени: листовки, брошюры, большевистскую „Искру“, „Две тактики“ Ленина — синюю брошюрку, о которой упоминается в автобиографии В. Маяковского. Тогда же он познакомился с работой Энгельса „Анти-Дюринг“. Эта книга, издания 1905 г., до сих пор хранится у меня. Знаменитое „Предисловие“ Маркса к его работе „К критике политической экономии“, о которой также упоминается в автобиографии Маяковского, он изучал при моем содействии. Эта книга была его настольной книгой. Видя серьезные намерения Владимира Маяковского, я начал с ним заниматься по теории марксизма уже систематически. Маяковский, обладая большими способностями, быстро и хорошо усваивал прочитанное. Когда основы марксистской науки были им усвоены, началась практическая работа.

Убедившись, что Маяковский хорошо усвоил технику нашей подпольной работы, умеет „замечать следы“ от назойливых шпиков, я стал давать ему различные поручения (хранение литературы и др.). Выполнял он не только мои поручения, но и некоторых моих товарищей по партии, например Дениса Загорского²⁹. Выполнял Маяковский партийные поручения очень тщательно, проявляя в трудных условиях находчивость.

Бывал Маяковский со мной иногда на подпольных кружках, в рабочих ячейках. Кстати сказать, Лефортовский район Москвы был одним из тех районов, где протекала моя партийная работа в качестве пропагандиста, а затем и ответственного пропагандиста. Не случайно, попав к товарищу Поволжцу, Маяковский был направлен в Лефортовский район, на фабрику Ронталера, теперь имени Балакирева, ибо там были у меня, как и у Маяковского, тесные связи с революционными рабочими. Рабочие этой фабрики товарищи Камков И. И., Федулов И. Д., ныне персональные пенсионеры, и другие составляли тот основной костяк рабочих большевиков в нелегальных кружках этого района. Маяковский бывал в этих кружках, носил явки, участвовал в беседах³⁰.

Следовательно, дружба с Караханом дала Маяковскому не только

звание марксистской литературы, но и практический опыт подпольной работы.

В воспоминаниях С. Медведева имеются строки, рассказывающие о работе Маяковского в качестве пропагандиста:

«Вскоре после исключения из гимназии ³¹ я с одним товарищем по гимназии познакомился с некоей товарищем Наташей и через нее мы включились в партийную работу.

Мы использовали для связи между отдельными пропагандистскими ячейками и сами занимались пропагандистской работой среди рабочих. Должно быть через нас Маяковский вовлечен был в эту работу тоже. <...> Володя относился к этим занятиям и возложенным на него обязанностям пропагандиста чрезвычайно серьезно, чего никак нельзя было сказать про его отношение к гимназической учебе, все более его тяготившей. <...> В рабочих кружках Маяковскому приходилось выступать с различными докладами и сообщениями каждую неделю».

Таким образом, мы видим, что Маяковский сразу после переезда в Москву окунулся в атмосферу политических споров, нелегальных собраний и т. п. Близкое знакомство с большевиками-подпольщиками, посещения гимназических марксистских кружков привели к тому, что он начал более серьезно заниматься марксизмом. От книг Маяковский перешел к практике революционной работы. Маяковский хранил и разносил нелегальную литературу, проводил занятия в политических рабочих кружках, отыскивал квартиры для явок и т. п. Поэтому вполне закономерным было решение Маяковского вступить в партию, созревшее к концу 1907 г.

Вступление Маяковского в партию связано с именем большевика Поволжца (настоящая фамилия В. И. Вегер), о котором поэт упоминал в автобиографии. Поволжец тогда учился в Московском университете. Влияние большевиков в студенческой среде по-прежнему было велико. Так, в ноябре 1906 г., на выборах в Центральный университетский орган (ЦУО), кандидаты, выдвинутые социал-демократической организацией, получили наибольшее количество голосов (около 40%). Большевики составляли большинство из избранных по списку социал-демократов. Поволжец был одним из представителей большевиков в Центральном университетском органе. ЦУО проводил митинги и собрания среди студенческой молодежи. Вероятно, на одном из собраний Маяковский и познакомился с Вегером.

Вот что рассказывает Вегер об обстоятельствах своей встречи с Маяковским и о приеме будущего поэта в партию:

«Это была явка в Московском университете. Я был тогда студентом, по кличке „Поволжец“, по документам Вегер. Секретарем парторганизации в Университете был Удальцов ³², теперешний декан исторического факультета. Было два места, где чаще всего происходили явки: студенческий буфет, где всегда вертелось много народа, и площадка перед нынешней коммунистической аудиторией. Здесь было незаметно, что происходили явки <...>. Насколько мне помнится, первое появление у меня Маяковского, как у члена МК, было на территории Московского университета <...>

В 1906—1903 годах я был членом МК РСДРП(б). Когда Маяковский приходил ко мне, я был парторгом по студенческим делам, так как учился в Московском университете. Я ведал большевистской группой в Московском университете. Когда Маяковский пришел ко мне, он уже фактически работал в партии, выполнял различные поручения, и пришел ко мне, чтобы сказать, что желал бы сделать партийную работу своей главной, основной работой. Он ставил вопрос так, что он всецело хочет заниматься партийной работой, что на него можно смотреть как на профессионального работника. Связи у него уже были, он знал ряд большевиков и выполнял поручения партийной организации.

Все это показывало, что есть основания послать его на более серьезную работу. Маяковский, хотя ему значилось по документам 15 лет, по своему виду ни в коей мере не подходил к этому возрасту. Это был рослый, сильный юноша, которому можно было дать лет 19. Он участвовал в революционном движении и, придя ко мне, сослался на двух видных в то время подпольщиков. Учитывая его участие в рабочем движении, опыт, который он уже приобрел, я сделал вывод, что его можно направить на более значительную и ответственную партийную работу.

Маяковский вращался среди студенческой молодежи. Университет тогда нередко использовался для митингов. В 1906 г. Маяковский там бывал и, вероятно, слышал меня как представителя большевиков. Придя ко мне, он заявил, что желает всецело посвятить себя подпольной работе.

Из отзывов, которые о нем были, и из его объяснений у меня создалось впечатление, что он подходит к организаторской работе, к тому же он не болтлив, может хранить секреты и соблюдать правила конспирации. Я его направил в Лефортовский район в качестве заместителя парторга.

Лефортовский район был пролетарским районом в тогдашней Московской организации большевиков. Во главе организации района стоял районный комитет партии, которым руководили из Московского комитета.

Парторгом Лефортовского района был студент, которому надо было уезжать в Петербург. Нужен был парторг для Лефортовского района. В связи с этим Маяковский представлял интерес. Первое время он мог бы быть заместителем парторга, а через некоторое время и заменить уезжающего товарища. Нужно было подготовить парторга района, который мог бы войти в МК партии. Лефортовский район делился на подрайоны. Таких подрайонов было несколько. Во главе подрайона был свой подрайком, и эти подрайкомы часто систематически собирались. Маяковский направлялся в Лефортовский район с тем, что он будет парторгом одного из подрайонов, а когда парторг Лефортовского района уедет в Питер, Маяковский возглавит парторганизацию Лефортовского района. Кроме меня Маяковский проверялся еще одним членом МК»³³.

Других свидетельств, кроме мемуарных, о работе Маяковского в Лефортовском районе не сохранилось. В автобиографии Маяковский писал лишь следующее: «1908 год. Вступил в партию РСДРП (большевиков). Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и, наконец, к типографщикам» (I, 16).

II

РАБОТА В ПАРТИИ. ПЕРВЫЙ АРЕСТ

СОСТОЯНИЕ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП. — ПАРТИЙНАЯ РАБОТА
В ЛЕФОРТОВСКОМ РАЙОНЕ. — ОРГАНИЗАЦИЯ ТИПОГРАФИИ МК. — АРЕСТ. —
МАЯКОВСКИЙ ПОД СЛЕДСТВИЕМ. — ПРИГОВОР.

Каково было состояние Московской организации РСДРП в то время, когда Маяковский пришел в партию?

После поражения декабрьского вооруженного восстания революция пошла на убыль. Рабочие и крестьяне отступали медленно, с боями. Капиталисты, опираясь на свои союзы и объединения, начали организованный поход против пролетариата. Они отобрали все завоевания революции. Рабочий день опять удлинился до 10—12 часов, расценки на все виды работ были снижены. Штрафы снова стали системой. Это были, — по словам В. И. Ленина, — годы «черной Думы, разгула насилия и бесправия,

натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны»³⁴.

Царское правительство проводило жестокие репрессии. Москва находилась на чрезвычайном положении. Бутырская (Центральная пересыльная), Таганская, военная и губернская тюрьмы были переполнены. Из-за большого числа арестованных, под тюрьмы переделали лефортовский, городской, пятницкий, сущевский полицейские дома. Большинство арестованных содержались без предъявления обвинений.

Дальнейшим этапом в борьбе царизма против революционных сил был разгон II Государственной думы, арест социал-демократической думской фракции и издание нового антинародного избирательного закона 3 июня 1907 г.

В революционные партийные организации проникли провокаторы, которые наносили удар за ударом большевистскому подполью. Нелегальные типографии МК и МОК РСДРП проваливались одна за другой. Арестовывались руководящие работники МК и райкомов. В тюрьме находился почти весь состав МОК РСДРП и Военно-техническое бюро. Полиция громила профессиональные союзы.

Все внимание партии было обращено на сохранение и укрепление нелегальной организации. Остро чувствовалась нехватка работников. Подпольные комитеты привлекали выдвинувшихся на практике рабочих-большевиков для исполнения всех партийных обязанностей, включая и пропаганду.

В августе 1907 г. «Известия ЦК РСДРП» сообщали о состоянии Московской партийной организации:

«За лето работа не расширилась вследствие недостатка работников, но все-таки удается сохранять прежние связи. Организационные ячейки, от заводских собраний до общегородской конференции, функционируют правильно. Устраиваются лекции (нелегально), часто бывают массовки человек 80—150»³⁵.

Партийные организации большевиков использовали новые формы и методы борьбы в обстановке поражения революции и наступления реакции. 22 ноября 1907 г. в Петербурге при закрытых дверях слушалось дело 22 социал-демократических депутатов Государственной думы. Желая использовать эту трибуну для осуждения царского строя, рабочие депутаты потребовали открытого суда. Суд отклонил это требование, и, когда депутаты социал-демократы отказались присутствовать на процессе, вынес им приговор заочно, присудив 17 человек к каторжным работам и 5 человек к ссылке на поселение.

ЦК РСДРП призвал рабочих к забастовке протеста против расправы с рабочими депутатами. По всей России прокатилась волна забастовок. Бастовали рабочие Петербурга, Москвы, Баку, Саратова, Екатеринослава и других городов. В Москве, по призыву МК РСДРП, в этот день бросили работу 30 тысяч рабочих. В Московской губернии бастовали крупные заводы: Коломенский, Мытищенский и др. По улицам Москвы проходили демонстрации с красными знаменами. Звучали революционные песни. На митингах выступали большевики. Всюду происходили стычки с полицией. Это был последний арьергардный бой пролетариата в период первой русской революции.

В своих листовках, посвященных суду над социал-демократами, депутатами Думы, и революционному выступлению пролетариата в день 22 ноября 1907 г., Московский комитет писал: «Такого суда мы не забудем. О нем мы будем помнить в день нашей победы, когда мы будем судить царский режим в лице его представителей<...> Это выступление рабочих в день 22 ноября да послужит призывным бодрящим лучом пролетариату и грозным напоминанием его врагам»³⁶.

Репрессии царского правительства, поражение революции вызвали разброд и разложение в среде интеллигенции. Неустойчивые элементы, примкнувшие к революции в период ее наибольшего подъема, уходили из партии. Провалы и аресты усиливали разложение, а разложение влекло за собой увеличение провалов, появление провокаторов. Поэтому особенно важно отметить, что Маяковский пришел в партию большевиков тогда, когда неустойчивые слои интеллигенции покидали ее.

Очевидно, начитанного юношу, умевшего увлекать аудиторию, без промедления использовали в качестве пропагандиста в рабочих кружках. «Пошел к булочникам, потом к сапожникам и, наконец, к типографщикам», — писал он, называя себя пропагандистом (I, 16). В. О. Перцов предполагает, что переход Маяковского от булочников к сапожникам связан с забастовкой филипповских булочников в январе 1908 года и репрессиями полиции против рабочих³⁷.

Вероятно, начало работы Маяковского на революционном поприще оказалось настолько успешным, что на конференции в Сокольниках он был введен в состав МК партии (в те годы Сокольнический парк использовался для конспиративных собраний и митингов)³⁸. «На общегородской конференции выбрали в МК. Были Ломов, Поволжец, Смидович и др. Звался „товарищем Константином“...», — писал Маяковский (I, 16).

В. И. Вегер вспоминал: «В своей автобиографии, где он упоминает меня, Маяковский говорит, что на общемосковской партийной конференции он был избран в состав МК партии. Здесь неудачно употреблено слово „избран“, так как может быть сделан вывод, что выборы имели обычный характер, как делается сейчас. В то время так не делалось. Конференция проходила в лесу, в Сокольниках. Сокольническая конференция сформировала Московский комитет. Туда был введен и Маяковский»³⁹.

В. И. ВЕГЕР (ПОВОЛЖЕЦ)

Фотография, 1900-е гг.

Библиотека-музей В. В. Маяковского,
Москва

По свидетельству Вегера, Маяковский бывал у большевика И.И. Скворцова-Степанова, советуясь с ним по различным вопросам. Скворцов-Степанов в то время редактировал нелегальную газету «Рабочее знамя»:

«Работа Маяковского была пропагандистская и организаторская, он беседовал с рабочими, чтобы их втянуть в активную подпольную жизнь, — писал Вегер. — Затем выпуск соответствующих листовок и организация их распространения и работа в МК. В МК ядро было большое и солидное, и Маяковский здесь не мог играть самостоятельной роли, но он выполнял поручения МК...

В тот период, когда Маяковский был парторгом Лефортовского района, был выпущен целый ряд листовок. Выпускались листовки и отдельными подрайонами. В период, когда Маяковский работал в Лефортовском районе, листовки выпускались на фабрике Ронталера; это были листовки, выпущенные непосредственно от имени их партийного комитета. Может быть, найдутся люди из тех районов, которые уточнят участие Маяковского в составлении этих прокламаций».

Характерен опросный лист о состоянии работы в районах, найденный в деле И. И. Матросова, члена городского комитета РСДРП, встречавшегося с Маяковским:

«I. Состояние партийной организации в районе и ее тип.

1) а) Имеется ли районное собрание, состав его по качеству входящих работников, численность его, часто ли за последние 3 месяца происходили собрания.

б) Имеется ли районный комитет. Весь выборный или пополненный кооптацией или весь составленный организатором района. Часто ли происходят собрания. Состав по качеству, численность.

2) Количество подрайонов, состояние там партийных организаций.

а) Подрайонные собрания, их состав, численность, количество собраний за 3 месяца.

б) Подрайонный комитет (те же вопросы, как и в п. 1б).

3) а) Заведения и цеховые собрания. Численность, состав, часто ли были собрания за 3 месяца. В чем выражалась партийная работа. Какие вопросы возникали.

б) Заведение комитета (те же, что в пункте 1б).

в) Связи.

II. Количество предприятий в районе.

III. Взносы.

IV. Какие вопросы возникали в последнее время, ставились наиболее остро и как разрешались. Что наиболее интересует рабочих в настоящее время.

V. Положение пропаганды: а) как ведется — кружками или широкими лекциями. Типы кружков. Имеется ли коллегия (ее состав и т. д.). Какие требования предъявляются. Справляется ли коллегия с этими требованиями.

VI. Как ведется агитация, устная и письменная. Бывали ли массовки. Выпускали ли листки и какие.

VII. Имеются ли профессиональные организации. Проявляли ли какую-нибудь деятельность. Связаны ли с партией, если да, то как. В чем и как выражается работа партии социал-демократов в профессиональных союзах. Проявляют ли рабочие интерес к профессиональным союзам.

VIII. Кооперативы (те же вопросы, как и в п. VII).

IX. Отношение широких масс рабочих к социал-демократическим организациям»⁴⁰.

К сожалению, опросный лист не заполнен и поэтому не может дать нам представления о состоянии парторганизации района и ее деятельности, но даже в таком виде он раскрывает перед нами структуру

районной организации социал-демократической партии. Он показывает круг вопросов, которыми мог заниматься в те годы партторг района: создание районного комитета, проведение собраний, организация партийных комитетов в подрайонах и постановка пропагандистской работы на предприятиях и т. д. Из документа видно, насколько тесной и регулярной была связь районного комитета с МК. Нет сомнения в том, что Маяковский, работая партторгом Лефортовского района, занимался перечисленными вопросами и, может быть, даже заполнял подобные отчетные листы для МК.

О состоянии партийной работы в Лефортовском районе рассказывал в своих воспоминаниях Н. И. Мандельштам, который был ответственным организатором в районе незадолго до прихода туда Маяковского.

«Организация была неплохо сложена, — писал Мандельштам. — В районный комитет входили рабочие с предприятий. Среди них наиболее выдавались Камков, Федулов и Балакирев от Ронталера, Кирюшин и Голубков от Технического училища, Владимир Косарев от Дюфурмателера и Панкратов-Маркин от Демина. Наиболее организованной была пуговичная фабрика Ронталера, где значительная часть рабочих была членами партии, и это несмотря на то, что почти все рабочие этой фабрики не порывали связи с деревней. Собирались мы на рабочих квартирах. Интересно отметить факт, что у нас почти не было провалов, хотя наши собрания не могли происходить незаметными для соседей — слишком уж скученно жили тогда рабочие. Четыре семьи в одной комнате — это очень заурядное явление, особенно у текстилей. Я объясняю это явление только тем сочувствием, которое было сильно у громадного большинства рабочих. Сколько раз, бывало, говоришь где-либо в рабочей комнатухе, отделенной от соседей чуть не картонной стенкой, и слышишь, как притихнут за перегородкой, а то и просто набираются в комнату посторонние и слушают.

Плохо было с пропагандистами. Людей было мало, а требования все повышались и количественно и качественно. Студенты, которыми приходилось пользоваться, не всегда удовлетворяли. Желание было углубить знания, получить возможность разбираться во всем. Вывозила литература, выброшенная на рынок. Книжки Лафарга, Энгельса, Каутского, Свицерского — „Труд и капитал“, Шишко — „Русская история“. Эти книжки можно было найти у большинства рабочих, посещавших кружки.

Уход интеллигенции, создавая естественный прорыв, вызвал в рабочей среде весьма недоверчивое отношение.

⟨...⟩ В районе мы собирались довольно часто: летом в лесу, а зимой в квартирах, в которых в Лефортове у нас недостатка не было. Помимо рабочих квартир, мы продолжали пользоваться Техническим училищем, особенно общежитьем последнего. Там же собирался и Московский комитет»⁴¹.

Н. И. Мандельштам был арестован приблизительно в октябре-ноябре 1907 г. в Пушкинской вечерней школе (в Сокольниках), во время собрания большевиков района. Тогда в один день произошло несколько провалов в разных районах. Как потом выяснилось, в составе МК сидел провокатор, выдавший всех активных членов.

До сих пор у многих вызывает удивление, как Маяковский в такие молодые годы мог стать членом Московского комитета РСДРП. Из воспоминаний Вегера мы видим, что Маяковский вошел в состав МК как партторг Лефортовского района. Партторг района всегда входил в МК. Вначале Маяковский работал на должности партторга подрайона, но арест товарищей заставил выдвинуть его в руководители района, может быть, скорее, чем это предполагалось. Таким образом, Маяковский, очевидно, заменил кого-то из арестованных.

Состав МК вследствие арестов беспрестанно менялся, пополняясь новыми людьми. Так Маяковский стал членом МК, хотя по возрасту он, казалось, мало подходил к этому. Арест помешал его работе в Лефортовском районе и в МК. «Здесь работать не пришлось — взяли», — писал Маяковский (I, 16).

Участились встречи Маяковского с Денисом Загорским.

«В 1906—1908 годах я часто встречался с Денисом Загорским, — вспоминает И. Карахан, — и продолжительное время мы с ним жили в общей комнате в одном из Самотечных переулков. Маяковский заходил ко мне по партийным делам. В одно из таких посещений я познакомил его с товарищем Загорским. Впоследствии они встречались друг с другом, причем Маяковский часто исполнял поручения, которые давал ему Загорский: доставал квартиры для явок, переносил литературу».

О работе Маяковского среди типографщиков мы располагаем наибольшей документацией, так как это связано с его первым арестом. Маяковский связался с рабочими типографии, вероятно, после кооптирования в МК.

Известно, что 13 февраля 1908 г. в доме Кондратьева Сущевской части, на квартире Седых, охранкой была арестована тайная типография⁴². Спустя несколько дней — 19 февраля — на Большой Якиманке, в доме № 22 (Панюшева), в квартире № 168, полиция захватила типографию МК РСДРП. Хозяйка квартиры, Лидия Михайловна Айзенман (на следствии она назвалась Марией Петровной Токаревой), была арестована. В квартире, кроме типографских принадлежностей, было обнаружено: «разных брошюр 81 шт. и пачка с прокламациями, газетами, журналами революционного содержания»⁴³. Среди них: «Солдатская газета», № 1, 1908 г. — 2 экз., «Социал-демократ», № 7, 1906 г. — 5 экз., «Песни революции», изд. МК РСДРП — 6 экз. и др.

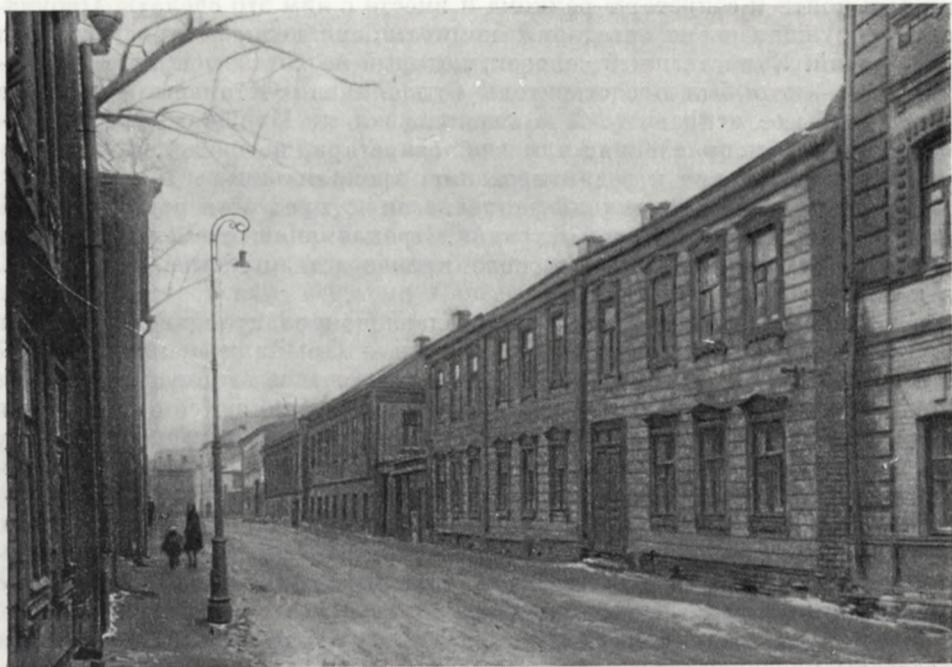
При сличении шрифта, обнаруженного в типографии, с шрифтом найденных изданий оказалось, что в этой типографии печатался № 1 «Солдатской газеты».

В начале декабря 1907 г. на заседании городского районного комитета, происходившем на частной квартире в районе Садово-Каретной улицы, Маяковский встретился с Тимофеем Трифоновым. Трифонов работал наборщиком в типографии Саблина, был членом РСДРП. Привлекался по делам политического характера: в 1898 г. — при С.-Петербургском охранном отделении; в 1902 г. — при Смоленском губернском жандармском управлении; в 1904 г. — по делу о вооруженном сопротивлении в Якутске («Романовское дело»), был приговорен к 12 годам каторги, но потом амнистирован; в 1907 г. был арестован в связи с забастовкой в типографии Саблина, объявленной в знак протеста против суда над депутатами социал-демократической фракции II Государственной думы. Кроме того, Трифонов разыскивал Иркутский окружной суд по делу о поджоге в Александровской пересыльной тюрьме. Поэтому ему приходилось жить нелегально под чужой фамилией — Жигитова⁴⁴.

Трифонов встретился с Маяковским тотчас после своего освобождения из тюрьмы. По свидетельству Карахана, Маяковский мог сблизиться с Трифоновым через наборщика типографии Мамонтова — Сергея Иванова. Карахан некоторое время работал в типографии Мамонтова и познакомил Иванова с Маяковским⁴⁵.

На одном из последующих заседаний районного комитета было принято решение о создании типографии, которая должна была выполнять заказы МК и райкома. «Маяковский знал, что мне нужно организовать типографию, — вспоминает Трифонов, — что типография МК провалилась и организовывается какая-то другая типография. Но где — он не знал».

Правила конспирации были таковы, что Маяковский мог, действительно, не знать, где создавалась типография, так как он не был непосредственно связан с делами типографии. Но известно, что он хотел оказать посильную помощь организаторам типографии. Трифонов вспоминал, что Маяковский предлагал ему экспроприировать ротатор, похитить его из конторы Страхового общества, помещавшейся на Лубянке, где он вел пропагандистскую работу. От предложения Маяковского отказались, так как пишущая машинка, необходимая при работе ротатора, стоила слишком дорого.

ДОМ КОНОПЛИНА В НОВО-ЧУХНИНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ (ТЕПЕРЬ ЗООЛОГИЧЕСКАЯ УЛИЦА № 7), ГДЕ ПОМЕЩАЛАСЬ НЕЛЕГАЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ МК РСДРП(б)

Здесь 29-го марта 1908 г. был арестован Маяковский

Фотография, 1940-е гг.

Литературный музей, Москва

Тимофей Трифонов снял квартиру в доме Коноплина по Ново-Чухнинскому переулку. С Трифоновым поселился Сергей Иванов. Вместе они оборудовали типографию. Работали поочередно: Трифонов днем, а Сергей Иванов, занятый в дневной смене, работал ночью. Типография выполняла заказы МК. Здесь печаталось обращение к рабочим об организации собраний, посвященных 25-летней годовщине со дня смерти Карла Маркса, исполнявшейся 14 марта 1908 г.⁴⁶ Здесь же печаталась большая прокламация «Новое наступление капитала». В этой прокламации говорилось о том, что наступившая после 1905 г. реакция объединила капиталистов с правительством, и они с новой силой обрушились на рабочих. Стремясь понизить им зарплату и удлинить рабочий день, предприниматели готовили новый локаут, который не удался им год назад. Прокламация призывала печатников вступить в профессиональную и партийную организации и, сплотившись в единый союз, организовать энергичное сопротивление капиталистам. В прокламации содержалось обращение ко всем московским

рабочим поддержать печатников, ибо «сегодня печатников будет завтрашним днем других рабочих»⁴⁷.

«Началась набором прокламация о забастовке булочников. Эту прокламацию писал представитель от булочников, — вспоминает Трифонов. — Он принес проект прокламации на заседание районного комитета. Начали обсуждать этот проект. Прокламация чрезвычайно неудачно была написана — слишком перегружена всякого рода ругательствами. Встал вопрос, что такой прокламации выпускать нельзя, надо ее отредактировать, подсократить. Кому дали ее выправить, не помню. Может быть, Маяковский взял ее для правки. Возможно, что Маяковский должен был пойти к секретарю райкома и вместе с ним это сделать. Прокламация обсуждалась на заседании комитета, на котором присутствовал Маяковский. Единственный человек, который не хотел исправлять прокламацию, — это был представитель булочников. Остальные были все за то, чтобы ее исправить. Я не скажу, взял ли Маяковский сам прокламацию для исправления, или взял секретарь, не скажу. Но Маяковский имел отношение к редактированию прокламации».

Рукопись этой прокламации написана на четырех четвертушках линованой бумаги из ученической тетрадки. Прокламация от имени подрайонного комитета булочно-кондитерского производства призывала готовиться к борьбе:

«Застыла Русь. Всё молчит; всё задавлено и залито кровью <...> Как только разбили наши рабочие организации — царь-палач и министры всё отобрали обратно: нет свободы <...> Все паразиты и эксплуататоры, все хищники и кровопийцы идут на подмогу царю, соединяются с ним черная сотня, партия фабрикантов. „Союз 17 октября“ открыто держит руку правительства. Господа кадеты тоже проклинаят революцию и тоже торгуются с самодержавием. Вся эта черная стая на нас готовит свои силы <...> Царские опричники собирают налоги с крестьян, высасывают последнюю кровь. Продают за бесценок скотину, соху, борону и пускают голым мужика, а кто не может платить, на тех напускают двуногих собак-казачков с нагайками и пулями. Хоть шкуру спусти, а плати. Царю деньги нужны. Посмотрите, в городах каждый день обыски и аресты <...> Военные суды и расстрелы продолжаются <...> Мы позабыли нашу борьбу, бросили союзы, не организуемся в рабочую соц(иал)-дем(ократическую) партию. Мы забыли, что не просьбами, не слезами улучшается жизнь, а только борьбой, только союзом. Мы стали ходить с мольбами и жалобами к царскому лакею градоначальнику <...> Вся стая вампиров: царь, помещики и наши ханы-хозяева — это одна шайка, один союз <...> Они враги наши. Не просить их надо, а бороться с ними...»⁴⁸.

Маяковский получал прокламации не у Трифонова, а в районном комитете. К Трифонову он заходил, вероятно, по другим делам.

К этому времени Маяковский уже фактически совсем оставил гимназию. В книге В. О. Перцова «Маяковский. Жизнь и творчество» (т. I) приводится рассказ сестры поэта Л. В. Маяковской о причинах этого ухода. Оставаться в гимназии, продолжая партийную работу, было опасно. В конце февраля 1908 г. Маяковский, поддержанный родными, принимает решение об официальном уходе из гимназии⁴⁹.

По прошению матери, 1 марта 1908 г. Маяковский был освобожден от занятий. Просьба мотивировалась болезнью Маяковского и отсутствием средств для платы за обучение.

28 марта, возвращаясь со студенческой вечеринки с сестрой, Маяковский домой не пошел. Он отправился в театр на Арбате, где МК РСДРП организовал спектакль. На этом спектакле Маяковский увидел Трифонова. «Приходи на заседание МК, ты кооптирован», — сказал Маяковский. На следующий день Маяковский пошел к Трифонову домой, чтобы напомнить

ему об этом. Он не знал, что выследившая типографию полиция ночью явилась с обыском на квартиру Трифонова и Сергея Иванова.

Начальник Московского охранного отделения извещал директора Департамента полиции:

«Ввиду полученных агентурных сведений, что в доме Коноплина по Чухнинскому переулку только что поставлена тайная типография, в ночь на 29 марта в означенном доме был произведен обыск, коим арестована на полном ходу типография Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии»⁵⁰.

В протоколе об аресте подпольной типографии от 29 марта 1908 г. говорилось:

«Квартира состоит из четырех комнат, кухни и передней.

Во времени моего прибытия для производства обыска в квартире находились: хозяин квартиры Федор Иванович Лебедев (портной по ремеслу) и его гражданская жена Александра Иванова Сидорова, а также его рабочие: 1) кр(естьянин) Можайского у(езда), Кукоринской вол(ости), д(еревни) Ново-Сурина Василий Иванов Сумбуrow; 2) кр(естьянин) Владимирской губ(ернии), Александровского у(езда), Годуновской вол(ости) и села Степан Сергеев Орешников; 3) крестьянин Рузского у(езда), Горбовской вол(ости), д(еревни) Устья Михаил Андреев Голубев и жилец — московский мещанин Сергей Иванов (без фамилии). Другой жилец, мещанин г. Евпатории, Таврической губ(ернии), Лев Яковлев Жигитов во время обыска отсутствовал и был задержан в конце обыска посланным для наблюдения за его прибытием околот-надзирателем Спицыным.

После тщательно произведенного обыска в комнате жильцов, Сергея Иванова и Льва Жигитова, обнаружено: в пальто Иванова — несколько печатных прокламаций „Новое наступление капитала“ МК Р(оссийской) с(оциал-демократической) партии, в пиджаке в кармане — блокнот с партийными заметками и тремя явками, а также адрес — кв. № 84, дом Соловьева; печатный отчет Московского комитета междупартийного красного креста. Кроме того, найдена рукопись текста к рабочим булочных и кондитерского производства. Под кроватью Иванова найдено: три кассы со шрифтом и деревянный типографский станок. В той же комнате найдено: 5½ стопок чистой типографской бумаги; печатная на ремингтоне резолюция Московского комитета о военных организациях от марта 1908 г.; набранная, совершенно готовая к оттиску, смазанная отчасти краской гранка «Новое наступление капитала» (такие же листы печатные уже готовые); семь паспортных бланков, из коих два чистых, а два заполненных; шрифта — по чемаданам, в столе и т. п. — всего до четырех пудов; типографская рама, валик, стеклянное зеркало с доской для растирания краски, два куса типографской краски.

У задержанного на улице Льва Яковлева Жигитова в кармане найдено: блокнот с партийными заметками с фразами: «общая городская конференция, о счетоводе, организационные вопросы, доклад МК и т. д.».

Кроме того, найдена масса брошюр изд(ания) партии С. Р. и на стенке разные фотографии боевых деятелей С. Р.

Постановлено: найденные документы отобрать, а все остальное оставить на месте, опечатать комнату и поставить караул до прибытия на место судебной власти; Жигитова, Иванова, Лебедева и сожительницу последнего Сидорову подвергнуть задержанию.

Мл(адший) помощник пристава (подпись).

При обыске находились: Лев Жигитов, Сергей Иванов, Александра Сидорова, Федор Лебедев.

Понятые: (2 подписи)»⁵¹.

Начальник Московского охранного отделения извещал директора Департамента полиции 29 марта 1908 г., что «сейчас же были произведены по обнаруженным адресам обыски: в доме Соловьева, квартира № 4, 2-го участка Арбатской части, и в доме Моисеева, квартира № 3, 3-го участка Суцевской части, причем, хотя по первому адресу оказались проживающими до 15 человек типографщиков и кондитеров, обыски оказались безрезультатными»⁵².

Начальник Московского охранного отделения отослал протокол об аресте типографии прокурору Московской судебной палаты, а последний судебному следователю Московского окружного суда по особо важным делам Р. Р. Вольгановскому с предписанием: «Приступить к производству предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного 1<-й> ч<астью> 102 ст<атьи> Угол<овного> улож<ения>»⁵³.

Днем 29 марта оставленной в доме Коноплина полицейской засадой был схвачен Маяковский.

«Нарвался на засаду в Грузинах. Наша нелегальная типография. Ел блокнот. С адресами и в переплете», — писал Маяковский в автобиографии «Я сам» (I, 16).

Позднее, когда уже велось следствие по делу о тайной типографии, городской 2-го участка Пресненской части Н. Л. Соловьев показывал на допросе: «Около месяца тому назад я был командирован с другим городским Рябко окарауливать опечатанную комнату в доме Коноплина, в квартире портного, фамилию которого не помню, с тем, чтобы в случае появления кого-либо в названную квартиру задерживать явившихся. Часа в два дня в квартиру портного явился какой-то молодой человек, позднее в участке назвавшийся Маяковским, со свертком в руках. На вопрос, к кому он пришел, неизвестный ответил: „к портному“; когда же стали расспрашивать подмастерьев портного, находившегося в то время в участке, то оказалось, что задержанный нами человек ходил не к портному, а к тем жильцам, квартиру которых я окарауливал. Я пригласил его следовать за мною в участок, и здесь у задержанного были отобраны те самые прокламации, которые вы мне предъявляете (предъявлено вещественное доказательство), из которых у меня сохранилась в памяти „Солдатская газета“. Что объяснял в участке задержанный мною человек, хорошенько не помню»⁵⁴.

При аресте Маяковского был составлен протокол:

«1908 г., 29 марта, в 3 часа дня в управление 2<-го> уч<астка> Пресненской части явился городской № 1688 — Николай Соловьев — сего участка и доставил из кв. 7 дома Коноплина по Ново-Чухнинскому переулку сего участка прокламации: „Рабочее знамя“ — 84, „Солдатская газета“ — 6, „Новое наступление капитала“ — 76, все — Российской социал-демократической рабочей партии, и с ними мужчину, назвавшегося столбовым дворянином Кутаисской губернии Владимиром Владимировым Маяковским, 17 лет, проживающим в кв. 52 дома Безобразова по Тверской-Ямской улице, 1<-го> участка Суцевской части, и доложил, что задержали его с прокламациями в кв. № 7 дома Коноплина. При задержании он ответил, что пришел к товарищу, к которому принес прокламации, которые держал в руках. При задержании участвовал городской № 1708 — Андрей Рябко сего участка, находящийся вместе в засаде.

О чем составлен протокол.

Околот-надзиратель (подпись).

Городовые (подписи),

1908 года, 29 марта, опрошенный Владимир Владимиров Маяковский показал, что принес прокламации неизвестному мужчине, с которым

встретился у памятника Пушкину на Тверской 20 сего марта и который дал эти прокламации ему и просил принести ему в кв. 7 дома Коноплина, а знаком с ним с мая месяца 1907 г., и где в то время он жил, не знает, звать его Александр»⁵⁵.

Под протоколом подпись: Владимир Маяковский.

В тот же день полиция явилась с обыском на квартиру, где жили Маяковские, и составила следующий протокол:

«1908 г., марта 29 дня, я, помощник пристава 1<го> участка Суцеской части, капитан Алексеев, согласно телефонного сообщения приста-

Т. Т. ТРИФОНОВ (Л. Я. ЖИГИТОВ)

Фотография, снятая в Московском охранном отделении, 1909 г.

Центральный исторический архив, Москва

ва 2<го> участка Пресненской части о производстве обыска у Владимира Владимировича Маяковского, прибыл с нижеподписавшимися понятыми в дом Безобразова по 3-й Тверской-Ямской улице, в кв. № 52, занимаемую вдовой лесничего, Александрой Алексеевой Маяковской, и, на основании § 21 Положения об усиленной охране, произвел обыск в квартире, занимаемой Маяковской, причем ничего предосудительного не обнаружено, а также переписок, рукописей и визитных карточек, а также и адресов.

Квартира состоит из пяти комнат, прихожей и кухни и находится в пятом этаже каменного дома. Три комнаты занимают жильцы, а две семейство Маяковских, которое состоит из самой Александры Алексеевой Маяковской, 40 лет, и детей — дочерей Людмилы 19 и Ольги 17 лет и сына Владимира 14 лет, который во время обыска отсутствовал, о чем и постановлено записать в настоящий протокол.

Помощник пристава (подпись).

Понятые (подписи)»⁵⁶.

Полицейские ушли ни с чем, благодаря находчивости сестры Маяковского, Ольги Владимировны. Во время обыска, «пока полицейские были заняты в первых комнатах, сестра Оля прошла в крайнюю комнату,

которая была в это время свободна. Там находилась нелегальная литература. Она собрала ее и, перевязав, спустила в рыхлый снег на соседнюю крышу»⁵⁷, — вспоминала Л. В. Маяковская.

Неожиданный арест прервал партийную работу Маяковского. Таким образом, в МК Маяковский проработал очень непродолжительное время.

В нашем распоряжении имеются: предварительное следствие об аресте тайной типографии, производственное дело, переписка прокурора Московской судебной палаты и дело Московского охранного отделения по этому вопросу. Так как документы Московского охранного отделения в большинстве случаев дублируют документы предварительного следствия и производства, мы публикуем последние, как наиболее подробные. Имеющиеся документы рисуют нам картину ареста Маяковского, его поведение на допросах. Материалы следствия дают возможность увидеть связи Маяковского с типографией.

Маяковский был помещен в Сущевский полицейский дом. Московский градоначальник вынес следующее постановление об аресте:

«1908 года, марта 29 дня, я, московский градоначальник, генерал-майор Адрианов, получив сведения, дающие основания признать потомственного дворянина Владимира Владимировича Маяковского вредным для общественного порядка и спокойствия, руководствуясь § 21 высочайше утвержденного в 31 <-й> день августа 1881 года Положения об усиленной охране, постановил: означенного Маяковского, впредь до выяснения обстоятельств дела, заключить под стражу при Сущевском полиц(ейском) доме с содержанием согласно ст(атье) 1043 Уст(ава) угол(овного) судопр(оизводства). Настоящее постановление, на основании 431 ст(атьи) того же Устава, объявить арестованному, а копию с постановления препроводить прокурору Московской судебной палаты и в место заключения задержанного.

Генерал-майор А д р и а н о в »⁵⁸

30 марта 1908 г. все задержанные в доме Коноплина были переведены в Сущевский полицейский дом для содержания под стражей⁵⁹. В тот же день в Московском охранном отделении были составлены учетные карточки. В них, кроме описания примет, находятся три фотографии: две в $\frac{1}{7}$ натуральной величины — поясной портрет в профиль и фас, третья «во весь рост, стоя, в $\frac{3}{4}$, в том самом головном уборе, верхнем платье и обуви, в котором был задержан». В описании примет Маяковского говорилось:

«Возраст по наружному виду — 17—19 лет. Год и мес(яц) рожд(ения) — 7 июля 1893.

Полнота — средн(яя). Телосложение — средн(ее).

1) Волосы: Цвет — русые. Волнистость — гладк(ие). Густота — густ(ые).

2) Борода и усы: Цвет. Форма. Густота. Особ(енности) — мал(енький) пушок.

3) Лицо: Цвет — желт(ое). Полнокровие — средн(ее). Выражение — серьезное.

4) Лоб: Высота — сред(няя). Наклон — немн(ого) назад. Форма головы — овал(ья).

5) Брови: Цвет — рус(ые). Форма — овал(ья). Густота — густ(ые). Распол(ожение) — средн(ее).

6) Глазные впадины (орбиты): Величина — средн(яя). Глубина — средн(яя).

7) Глаза: Цвет радужки — коричн(евый). Расстояние между глаз — средн(ее).

8) Нос: Спинка — немного согн(утая). Основание — прям(ое). Высот(а) — средн(яя). Длина — средн(яя). Ширина — средн(яя).

9) Ухо: Форма — овальн<ая>. Оттопыренность — больш<ая>. Велич<ина> — средн<ая>.

10—13) <Вопросы, касающиеся детального строения уха, не заполнены.>

14) Губы: Форма — прям<ая>. Высота — выс<окие>. Толщина — средн<ая>. Выступание — ровн<ое>.

15) Подбородок: Длина — средн<ая>. Наклон — вперед. Форма — кругл<ая>. Полнота — средн<ая>.

16) Плечи: Ширина — узкие. Наклон — прямые. Шея — тонкая, длинная.

17) Руки: Величина — средняя. Привычка держать — свободная.

18) Ступни ног: Длина (№ обуви) — 10—11.

19) Осанка (выправка корпуса, манера держаться): свободно.

20) Походка: ровная, большой шаг»⁶⁰.

По фотографии на учетной карточке видно, что рост одетого Маяковского, в шапке — 1 м 85 см.

В последующие дни в Московском охранном отделении допрашивались арестованные Лебедев, Сидорова, Жигитов, Маяковский. 2 апреля на допросе Жигитов назвал себя настоящим именем и фамилией — Тимофей Трифионов. На вопросы по существу дела Трифионов отвечал:

«Типография, обнрауженная 29 марта 1908 года в доме Коноплина, в моей комнате, принадлежит мне, а точно так же все документы и прочие компрометирующие вещи, как-то: паспорта, патроны, типографские принадлежности принадлежат мне.

Тимофей Т р и ф о н о в

Добавляю, что меня разыскивает Иркутский окружной суд. От дальнейших показаний по существу дела отказываюсь.

Т. Т р и ф о н о в»⁶¹.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА В. В. МАЯКОВСКОГО

«1908 года, апреля 3 дня, я, Отдельного корпуса жандармов... на основании 21 ст<атьи> Положения о мерах к охранению государственного и общественного спокойствия, допрашивал нижепоименован<ного>, котор<ый> показал:

1. Имя, отчество, фамилия; если иноверец, то все имена, а еврей — какими называется христианскими именами; время и место рождения, т. е. в гор<оде>, дер<евне>, уезд<е>.

Владимир Владимирович Маяковский, 7 июля 1893 года, село Багдади Кутаисской губернии.

2. Вероисповедание; происхождение; народность; подданство; военная служба.

Православное; дворянин; русский; русский подданный.

3. Звание; место постоянного жительства; место приписки; занятия; средства к жизни; знает ли мастерство (профессию) и последнее место службы.

Москва. Готовлюсь на аттестат зрелости; на средства матери.

4. Семейное положение. Женат (замужем), холост (девица), вдов — разведен. Имя, отчество жены и ее девичья фамилия по 1-му, 2-му браку, или мужа, имена детей, их занятия и место жительства.

Холост.

№ дела 1908. Ложное имя: _____
 Прозвище, кличка: _____ Фамилия Маяковский

Имя и отч., если инокресть—то все имена, а еврей—какими называется христиан. именем? Владимир Владимирович

Полное звание Авторын

Место рождения в гор. (дер.) С. Богородице Уезда Калужской губ.

Отец? _____ Мать (и ее девичья фамилия)? _____ Жили ли они? _____

Женат (замужем), холост (девица), вдов, разведен? холост Любви, связи? _____

Имя и отч. жены (мужа) и ее девичья фамилия? _____

Братья, сестры и проч. известные родственники Сестры: Любовь 22 л., Ольга 17 л.

Вспоможение? _____ Воен. служба? _____

Где получил образование? 3 класс в Богородице, Николаевский гимназии

Знает ли востерство (профессия) и последнее место службы? Фабрика в Богородице

Последнее место жительства? Москва

Когда, где и по какому делу задержан или привлечен? 29 марта 1908 г. по обвинению в подделке

По какому делу ранее привлекался? _____

Была ли ранее снята фотография, когда и где? _____

Не подвергался ли уже регистрации при помощи антропометрических измерений или дактилоскопии, когда и где?

22 { Природный язык? _____ Иностран. акцент? _____ Выговор (областной), наречье? _____
 Голос? _____ Шепелявость, картавость и т. п.? _____

23) Особенности одежды? _____

24) Привычки: _____

ОТТИСКИ ПАЛЬЦЕВ: Правой руки. Левой руки.

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА МАЯКОВСКОГО В МОСКОВСКОМ ОХРАННОМ ОТДЕЛЕНИИ, 1908 г.
 Обратная сторона с отпечатками пальцев Маяковского
 Центральный архив литературы и искусства, Москва

5. Родственные связи. Отец, мать (и ее девичья фамилия), братья, сестры и проч(ие) известные родственники, место их жительства и занятия.

6. Место постоянного жительства родителей или заменяющих их родственников или опекунов.

7. Экономическое положение родителей.

8. Место воспитания (указать в каком именно заведении, сколько времени пробыл, почему оставил каждое заведение, когда поступил и когда вышел).

9. На чей счет воспитывался.

10. Был ли за границей, когда именно, где и с какой целью.

11. Когда, где и по какому делу задержан или привлечен и привлекался ли ранее к дознаниям, каким, где и чем окончены.

12. Была ли ранее снята фотография, когда и город.

Александра Алексеевна, Ольга 17 лет, Людмила 22, при матери.

Москва, 4-я Тверская-Ямская, дом Безобразова, кв. 52.

Мать живет на пенсии.

Учился в 5-й Московской классической гимназии, вышел из 5-го класса по болезни.

На счет матери.

Не был.

29 марта 1908 года, в городе Москве, со свертком прокламаций. Ранее не привлекался.

Нет.

На предложенные вопросы отвечаю:

Сверток прокламаций, который был у меня найден при аресте 29 марта сего года, я получил в среду на предыдущей неделе от человека, которого я знал под именем Александр. Вещи эти мне переданы Александром у памятника Пушкина. Одет он был в черное пальто, в серый полосатый костюм, сам он был высокого роста с черной бородкой. Адрес мне был дан в Ново-Чухнинский переулоч, дом Коноплина, кв. 7, для передачи Льву Яковлевичу Жигитову.

Прокламации эти были в двух свертках. Жигитову я должен был передать от имени Александра.

Владимир Владимирович Маяковский
Ротмистр (подпись)»⁶².

6 апреля Маяковский был передан в ведение следователя Р. Р. Вольтановского, которому было послано следующее отношение:

«В дополнение к сообщению моему на имя прокурора Московской судебной палаты от 29 минувшего марта за № 4054, по делу тайной типографии, обнаруженной в квартире Лебедева, в доме Коноплина по Ново-Чухнинскому переулочу, препровождаю при сем протокол задержания и обыска дворянина Владимира Владимировича Маяковского, арестованного

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

1 отъезд прощ.

фотографии в 1/2 натур. величии. Ретуширование не допускается.

Маяковский Владимир

Фон: 08-3037

—85
—80
—75
—70
—65
—60
—55
—50
—45
—40
—35
—30
—25
—20
—15
—10
—5
0

—85
—80
—75
—70
—65
—60
—55
—50
—45
—40
—35
—30
—25
—20
—15
—10
—5
0

3037.

О П И С А Н И Е

Возраст по нар. виду	17-19	Годы и мес. рождения	Ленин 1892
Рост 1 метр	сант.	Полнота	ср. Телосложение
1) Волосы: Цветъ	темно-каштановый	Волнистость	слабая
2) Борода и усы: Цветъ	—	Форма	2. Густота
3) Лицо: Цветъ	бледный	Полнокровие	ср.
4) Лоб: Высота	ср.	Наклон нос.	—
5) Брови: Цветъ	темно-каштановый	Форма	ср.
6) Глазные впадин. (горбы): Величина	ср.	Глубина	ср.
7) Глаза: Цветъ	темно-каштановый	Классъ	—
8) Нос: Спинка	ср.	Основание	ср.
9) Уши: Форма	ср.	Оттопыренность	ср.
10) Борода: Нахл.	Вверх.	Низ.	12) Противок-коз: Нахл. Пров. Вып.
11) Усы: Нахл.	Вверх.	Низ.	13) Внутр. скл.: Вып. Веич.
14) Руки: Форма	ср.	Высота	ср.
15) Подбородок: Давна	ср.	Накл.	ср.
16) Плечи: Ширина	узкая	Накл.	ср.
17) Руки: Величина	ср.	Привычка держать	ср.
18) Ступни ног: Давна	(№ обуви)	10-11	Особенность формы ногъ
19) Осанка (выправка корпуса, Манера держаться):	Свободно		
20) Походка:	равная, боковая		
21) Особ. вл. жестикауляции, гримасы, мимика, и т. п.	—		

Подпись: *М. Маяковский*

3) Во весь рост, стоя, в 2/3, в том самом головном уборе, верхи, пласть и обувь, в котор. былъ задержанъ. Если носить очки, то одеть.

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА МАЯКОВСКОГО В МОСКОВСКОМ ОХРАННОМ ОТДЕЛЕНИИ, 1908 г.

Лицевая сторона

Центральный архив литературы и искусства, Москва

полицейской засадой, оставленной 29 марта в квартире Лебедева. При Маяковском оказались прокламации, при сем прилагаемые. Маяковский содержится под стражей в 1<-м> участке Суцевской части и вместе с сим перечисляется содержанием под стражей за вами»⁶³.

Далее в документе сообщается, что Жигитов на допросе назвал Трифоновым, и перечисляется где и когда он привлекался в качестве обвиняемого. На документе рукой следователя пометка: «Маяковского вызвать на 8/IV» и здесь же указание: затребовать сведения о Трифонове.

Одновременно было послано сообщение к смотрителю Суцевского полицейского дома:

«Секретно.

Дело о содержащемся во вверенном вам полицейском доме арестованном Владимире Владимирове Маяковском передано одновременно с сим судебному следователю Московского окр<ужного> суда по особо важным делам Р. Р. Вольтановскому.

Сообщая об этом, Охранное отделение просит ваше высокоблагородие объявить изложенное названному арестованному и перечислить дальнейшим содержанием за означенным судебным следователем.

За начальника отделения
помощник ротмистра (подпись)»⁶⁴.

Кто такой следователь по особо важным делам Р. Р. Вольтановский? 15 января 1917 г. газета «Утро России» опубликовала его некролог, в котором он характеризовался как ярый защитник престола и педантичный службист.

«Покойный занимал очень видное место в судебном мире Москвы,— писала газета.— Все крупнейшие дела последних 10—12 лет, прошедшие в московских судах, были подготовлены им <...>. Это был убежденный и неуклонный в своих чиновничьих стремлениях службист, полагающий в основу своей бюрократической карьеры беспощадное применение самых суровых велений закона <...> Из всех норм устава о предупреждении и пресечении преступлений покойный выбирал наиболее ощутительные для подсудимых лиц. Вероятно, таких фанатиков следственного дела имел в виду Наполеон, сказавший известную фразу: „В этом мире я не боюсь никого, кроме судебного следователя, обладающего правом ареста“».

Следователь Вольтановский приступил к детальному разбору дела. Он направился на место, где находилась типография. В протоколе об осмотре квартиры тщательно срисован план помещения, подробно описано состояние квартиры в момент обыска и опять перечислены найденные документы и типографские принадлежности. Кроме уже известных по протоколу, были найдены записные книжки, «в оказавшейся на шкафчике грязной перчатке — 18 боевых патронов от револьвера системы „Смит и Вессон“, 2 экземпляра № 10 за ноябрь 1907 г. газеты „Борьба“, органа Московского окружного комитета Российской соц<иал>-демократической рабочей партии, 2 экз<емпляра> мимеографированного отчета той же партии за декабрь 1907 г.»⁶⁵. К протоколу приложены экземпляры прокламации «Новое наступление капитала» и о годовщине со дня смерти К. Маркса. Следователь вместе с экспертом осмотрели вещественные доказательства: типографские принадлежности, паспортные книжки, о чем составили подробные протоколы.

4 апреля Т. Трифонов и С. Иванов были вызваны следователем на допросы. Трифонов продолжал отказываться от показаний.

«На предложенный вами вопрос, признаю ли себя виновным в участии в Московской организации РСДРП, поставившей своей целью насиль-

ственное ниспровержение существующего государственного и общественного строя, отвечать не желаю, а равно и давать какие-либо объяснения по существу дела. Но заявляю, что все найденное в моей комнате 29 марта, как то: принадлежности печатания, патроны, паспорта, прокламации и т. п., принадлежит мне и никакого касательства к моему сожителю и к моему хозяину не имеет.

Тимофей Трифионович Трифонов»⁶⁶.

Это заявление Трифонова облегчило участь арестованных: Вольгановский в тот же день постановил освободить хозяев квартиры Лебедева и Сидорову и привлекал их только в качестве свидетелей. Кроме того, заявление Трифонова в какой-то степени повлияло на приговор Маяковскому и Иванову.

7 апреля к следователю пришла сестра Маяковского, Людмила Владимировна, и «представила свидетельство Грузино-Имеретинской синодальной конторы от 14 марта 1902 г. за № 3204 в доказательство того, что задержанному ее брату Владимиру Владимировичу Маяковскому 14 лет»⁶⁷.

Ознакомившись с документами о задержании Маяковского, следователь выносит решение:

«Маяковского привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 1<-й> ч<астью> 102 ст<атьи> Угол<овно-го> улож<ения>»⁶⁸.

В 1-й части статьи 102 говорилось: «Виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статью 100 предусмотренного, наказывается: каторгой на срок не свыше 8 лет». А статья 100 предусматривала: «Виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных законами основными образа правления или порядка наследия Престола или отторжение от России какой-либо ее части, наказывается: смертной казнью»⁶⁹.

На следующий день, 8 апреля, Маяковского вызвали на допрос. В автобиографии поэт вспоминал: «Следователь Вольгановский (очевидно, считал себя хитрым) заставил писать под диктовку: меня обвиняли в писании прокламации. Я безнадежно перевирал диктант. Писал: „социальди-мокритическая“. Возможно, провел» (I, 16).

Следователю был необходим образчик почерка Маяковского. В деле предварительного следствия имеется протокол о «сличении разных рукописей и другой переписки, найденной в тайной типографии в доме Коноплина <...> с несомненными почерками обвиняемых: Тимофея Трифонова Трифонова, Сергея Иванова и Владимира Владимировича Маяковского». По этому протоколу «записей, сделанных рукой обвиняемого Владимира Маяковского, между вещественными доказательствами не обнаружено»⁷⁰.

Чтобы получить образчик почерка обвиняемых, следователь заставлял их всех полностью или частично заполнять графы протокола допроса. Так; протокол допроса Маяковского заполнен рукой поэта. Почти все пункты этого протокола повторяют уже приведенный протокол допроса Маяковского от 3 апреля 1908 г. В графе «по существу предъявленного обвинения обвиняемый объяснил» Маяковский написал:

«Я не признаю себя виновным в участии в Московской организации Российской социал-демократической рабочей партии, поставившей своей целью насильственное <ниспровержение>, путем вооруженного восстания, существующего государственного и общественного строя, так как никакого отношения к каким бы то ни было революционным организациям, а в частности и к означенной организации, я не имел и не имею. По поводу

отобранных при моем задержании газет и прокламаций объяснение следующее: в мае месяце прошлого года, во время прогулки с товарищами, с кем именно не помню, я познакомился, при каких обстоятельствах я сейчас не помню, с молодым человеком, которого я знаю только по имени Александр. Своей фамилии он мне не называл, и я этим не интересовался. После первого своего знакомства, с этим Александром встречался раз 7—8 в театре, на улице, в пивной. Ни в какой квартире я с ним не встречался. В конце марта, приблизительно 20-го числа, я встретился с ним у памятника Пушкина и пошел с ним вместе по направлению к Трубной площади. По дороге я остановился у витрины книжного магазина; здесь он мне сказал, что торопится куда-то и передал мне два свертка, обернутые в газетную бумагу и связанные вместе веревкой, попросив меня отнести эти свертки по следующему адресу: Ново-Чухнинский переулок, дом Конопина, кв. № 7 — и передать их там от имени Александра Льву Николаевичу Жигитову. По указанному адресу я приносил эти свертки днем в четверг 27 числа и, не застав Жигитова дома, принес эти свертки в субботу 29 марта и здесь был арестован. Кто такой Лев Яковлевич Жигитов, я совершенно не знаю и никогда до этого случая о нем не слыхал. Об Александре, передававшем мне эти свертки, могу только указать его приметы: он был высокого роста, с небольшой черной бородой, носил папаху, которую последнее время сменил на шляпу, носил также черное пальто и серый полосатый костюм. Как-то он мне говорил, что он бывший студент и дает уроки; других сведений о нем не имею.

Жил ли Жигитов один или с кем-нибудь, я совершенно не знаю.

Владимир Владимирович Маяковский⁷¹.

Это, вероятно, и есть тот самый «диктант», который следователь заставил писать Маяковского. Слово «социал-демократическая» написано так: «социальдемократическая» (впоследствии Маяковский вспоминал это написание неточно). Кроме того, вполне возможно, что Маяковский намеренно по-разному называл отчество Жигитова. Любопытна также эволюция показаний Маяковского. Зная, что о нем рассказали работники мастерской Лебедева, он выдумывает причину еще одного прихода к Жигитову-Трифонову. Видно, что Маяковский уже вполне освоился на допросах и тщательно следил за собой, чтобы не дать следователю поймать себя на слове. Он ничего не помнит и ничего не знает.

Показания тщательно проверялись. На протоколе допроса следователь пометил: «Документы о звании затребовать через пристава 1-го участка Суцевской части 9/IV». Это было сделано, и А. А. Маяковская предоставила формулярный список о службе мужа В. К. Маяковского, где удостоверилось дворянство и дата рождения сына.

Получив свидетельство о несовершеннолетии и не добившись от Маяковского признания себя виновным, следователь 9 апреля выносит постановление:

«Приняв во внимание состояние здоровья обвиняемого, а также, что ему в настоящее время 14 лет и что показание его заслуживает доверия, признал возможным ограничиться в отношении его одной из менее строгих мер пресечения способов уклониться от следствия и суда, а потому на основании 2 п<араграфа> 416 и 421 ст<атей> Уст<ава> уголовного судопроизводства постановил: означенного Маяковского отдать под особый надзор полиции по месту его жительства»⁷².

На отношении следователя к приставу 1-го участка Суцевской части об освобождении Маяковского имеется расписка Людмилы Владимировны Маяковской «о принятии на жительство своего брата» и подписка Маяковского о невыезде:

«1908 г. апреля 9 дня, я, нижеподписавшийся, Владимир Владимирович Маяковский, дал сию подписку приставу 1<-го> уч<аства> Сущевской ч<асти> в том, что без ведома полиции обязуюсь никуда не отлучаться.

Дворянин Владимир Владимирович М а я к о в с к и й» ⁷³.

Тогда же Маяковский подписал следующий документ:

«1908 года, апреля 9 дня, я, нижеподписавшийся, дворянин Кутаисской губернии Владимир Владимирович Маяковский, даю настоящую подписку Московскому охранному отделению в том, что по освобождении меня из-под стражи место жительства в Москве буду иметь на 4-ой Тверской-Ямской, в доме Безобразова, кв. 52. В чем и подписуюсь.

Дворянин Владимир Владимирович М а я к о в с к и й» ⁷⁴.

Маяковский выпел на свободу.

Следствие по делу тайной типографии продолжалось. 19 апреля оно было передано другому следователю — Рудневу ⁷⁵.

Ознакомившись с вещественными доказательствами (о чем составлялись подробнейшие протоколы), Руднев начал 24 апреля допрос свидетелей. Опрашивались полицейские, которые принимали участие в аресте типографии, хозяева квартиры, рабочие мастерской Лебедева и др. Всех свидетелей спрашивали о Маяковском.

Хозяин мастерской Ф. И. Лебедев еще при допросе в Московском охранном отделении говорил:

«Комната, в которой жил Жигитов и была найдена тайная типография, снята Жигитовым недели три тому назад. Когда была принесена типография, я не видел, но могла быть принесена и в то время, когда он приехал на квартиру. Сперва он жил один, затем к нему переехал Сергей Иванов.

Из посещавших Жигитова я видел двоих: старика, приехавшего будто бы из деревни, и молодого человека в папаше, который затем был тоже арестован на нашей квартире. Ни работы в типографии, ни самой типографии я не видал и ни от кого из домашних о том не слышал.

Федор Иванович Л е б е д е в» ⁷⁶.

Жена Лебедева, А. И. Сидорова, на допросе у следователя Руднева показала, что из посетителей, ходивших к жильцам, она видела «молодого человека, который был задержан у нее на квартире засадой и который назвался Маяковским. Этот последний приходил в отсутствие жильцов и спрашивал Жигитова, после чего удалился и более я его не видела» ⁷⁷.

У хозяина портновской мастерской жил в мальчиках Александр Федорович Кулыгин, 15-ти лет. Вот что он рассказал следователю о Маяковском: «Человека, которого задержали у нас на квартире городовой, когда он принес какой-то сверток, я видел раз — за неделю до ареста. Как-то он приходил к Жигитову в его отсутствие. Жигитов предупредил меня, что к нему может прийти человек, которому надо будет сказать, чтобы он прочитал оставленную на столе записку, что я и исполнил. Пришедший, узнав, что Жигитова нет дома, по моему приглашению вошел к нему в комнату и прочитал лежавшую на столе записку, а потом ушел. Хозяйка в это время была в своей комнате и приходившего человека не видела. Предъявленная мне записка (предъявлено вещественное доказательство № 15) по наружному виду не похожа на ту записку, которую оставлял Жигитов: та была написана на мятой бумаге. Записку я не читал и что в ней было написано не знаю» ⁷⁸.

В протоколе осмотра следователем вещественных доказательств под № 15 значится «записка». Рядом с текстом на протоколе помета: «рука

Трифонова»⁷⁹. Записка, вероятно, написана для Иванова. Какую записку читал Маяковский, осталось неизвестным.

У Лебедева работал брат Александра Кулыгина, Василий Федорович Кулыгин, 18-ти лет. Незадолго до ареста типографии он ушел от портного, с которым не смог договориться о сумме жалования. Лебедев при расчете не доплатил Кулыгину 15 рублей, и последний ходил жаловаться на портного градоначальнику. При этом он заявил, что «Лебедев не имеет паспорта и прописывается по листкам». «После я узнал,— показывал на допросе у следователя Кулыгин,— что по моему заявлению или же по другой причине к Лебедеву явился обход и задержал жильцов Лебедева. О жильцах я никакого доноса не делал и ничего особого за ними не замечал. <...> К жильцам ходили два человека: один в шляпе, а другой в высокой шапке. Ходили они часто, почти каждый день. Человек в шляпе ходил пореже. После от брата я слышал, что человека в шапке задержали после ареста жильцов в квартире Лебедева. Я положительно удостоверяю, что упомянутый мною человек в высокой шапке ходил ежедневно и, если мой брат показал, что человек этот был всего один раз, то сделал это, очевидно, по научению хозяев»⁸⁰.

Федор Васильевич Виноградов, 11-ти лет, также служивший мальчиком у Лебедева, рассказал: «...Человека, которого задержали у нас в квартире после обыска и карточку которого вы мне предъявляете (предъявлена карточка Маяковского), я видел и раньше у жильцов. Он как-то приходил к ним и застал их дома, сидел у них в комнате»⁸¹.

Подмастерье портного, Михаил Андреевич Голубев, 23-х лет, живший у Лебедева, также показал, что «он <Маяковский> часто ходил к жильцам, я лично его видел раза три, при этом приходивший заставал младшего жильца дома»⁸².

Итак, все свидетели показали, что Маяковский бывал на квартире, где помещалась тайная типография. Так как Маяковского видели все свидетели, а они не могли его видеть одновременно, то напрашивается вывод о том, что Маяковский бывал у Иванова и Трифонова неоднократно. По воспоминаниям последнего, Маяковский приходил к нему с типографским служащим Матросовым, который был одним из членов Городского комитета⁸³.

Материалы следствия не раскрывают, к кому именно и зачем ходил Маяковский. Из воспоминаний Трифонова видно, что Маяковский не был тесно связан с ним. «Я знал Маяковского по районному комитету, знал, что он работает, но что именно он сегодня сделал, в какой типографии был, это я знать не мог. Да и Маяковский не мог мне этого сказать. Ведь это было в нелегальных условиях»,— рассказывал Трифонов. Скорее всего, Маяковский чаще ходил к Иванову, с которым, как указывалось выше, его познакомил Карахан.

Как видим, следователь уже мог предполагать о связи Маяковского с Трифоновым и Ивановым. Это подтверждали показания околоточного надзирателя П. И. Платонова, который опрашивал Маяковского в участке после ареста:

«Задержанный, назвавшийся Маяковским и объяснивший, где он живет, показал, что издания он принес неизвестному мужчине, который с ним раньше встречался у памятника Пушкина. Маяковский давал такие сбивчивые объяснения, что я не мог хорошенько понять, жил ли этот мужчина в доме Коноплина, или же только поручил доставить издания туда, сам же проживал в другом месте. При переспросе Маяковский заявил, что он больше мне отвечать ничего не будет. Когда Маяковский был доставлен в участок, то здесь же находились задержанные раньше в доме Коноплина жильцы портного Лебедева. Маяковский сейчас же вступил в разговоры со старшим из них и стал шептаться. На мое

замечание: „Должно быть знакомы с ним?“— Маяковский ответил: „Дело не ваше“. Предъявленная мне фотографическая карточка (предъявлена карточка Жигитова) изображает то лицо, с которым шептался Маяковский»⁸⁴.

О своем разговоре с Маяковским в участке Трифионов вспоминал: «Когда мы встретились с ним уже в тюрьме, я спросил: „Зачем ты приходил?“ Он говорит: „Я приходил тебе сказать, чтобы пришел на заседание МК“. „Да зачем же ты приходил, ведь ты мне уже сказал?“».

Сказал ли Маяковский Трифионову правду или скрыл от него причину своего посещения, так как все равно они были уже арестованы, мы не знаем.

Судя по словам в автобиографии («Нарвался на засаду в Грузинах»), Маяковский считал свой арест случайностью.

Показания обвиняемых и свидетелей проверялись по всем возможным инстанциям. В ответ на запрос следователя, директор 5-й гимназии общал 5 мая 1908 г.:

«На отношение от 2 сего мая за № 648 имею честь уведомить, что изображенное на приложенной к означенному отношению фотографической карточке лицо есть, действительно, бывший воспитанник 5-го класса вверенной мне гимназии Владимир Маяковский, обучавшийся в оной с августа 1906 года и уволенный из Московской 5-ой гимназии, по постановлению педагогического совета, с 1-го марта 1908 года за невзнос платы за 1<ю> половину 1908 года. Независимо от сего, матерью ученика подано было прошение о выдаче документов и свидетельства об его успехах, так как он „по болезни не может продолжать занятия в гимназии“. Все документы возвращены матери под ее расписку; а по выписке из его метрики он родился 7-го июля 1893 года»⁸⁵.

Год 1893 в документе дважды подчеркнут. Вероятно, следователь, заметив разницу между формулярным списком В. К. Маяковского, где указан 1894 год рождения сына, и метриками, усомнился в правильности свидетельства о несовершеннолетии, тем более, что Маяковский выглядел значительно старше. Освободив Маяковского из-под стражи на основании несовершеннолетия, следователь продолжал проверять правильность документов о его возрасте. Был послан запрос на Кавказ. Второе отделение грузино-имеретинской конторы святейшего правительствующего синода писало следователю:

«Вследствие отношения от 22 апреля сего года за № 612, Синодальная контора уведомляет вас, что в метрической книге Имеретинской епархии, Сакопадзевской Георгиевской церкви за 1893 год, в 1-ой части о родившихся, в статье 14-ой мужского пола, записано: «родился 7-го, крещен 18 июля Владимир; родители его: дворянин Владимир Константинович Маяковский и законная жена его Александра Алексеевна, оба православной веры; восприемниками были: надворный советник Николай Ильич Савельев и девица Анна Константиновна Маяковская; таинство крещения совершил священник Зустин Барбакадзе с причетником Николаем Дясишкадзани».

Члены синодальной конторы (подписи).

Секретарь (подпись).

Вр. и. д. столоначальника (подпись)»⁸⁶.

Но и этого свидетельства оказалось недостаточно. В протоколе о медицинском освидетельствовании Маяковского и Иванова говорится:

«1908 года, мая 27 дня, судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам Руднев производил через врача Городской

части гор. Москвы Степана Степановича Хорошевского освидетельствование несовершеннолетних обвиняемых Владимира Владимировича Маяковского и Сергея Иванова в целях выяснения, нормально ли идет рост физических и умственных сил обвиняемых, при чем оказалось:

Владимир Владимирович Маяковский крепкого сложения и питания, старше на вид своего возраста, ни на что особенное не жалуется, объяснив, что год тому назад был болен каким-то легочным заболеванием.

ОДИН ИЗ ЭКЗЕМПЛЯРОВ НЕЛЕГАЛЬНОЙ «СОЛДАТСКОЙ ГАЗЕТЫ», ОТОБРАННОЙ ПРИ ОБЫСКЕ У МАЯКОВСКОГО 29 МАРТА 1908 г.

Исторический архив Московской области

При объективном исследовании легкие оказались нормальными, сердце несколько увеличено в поперечном размере, что можно объяснить усиленным ростом Маяковского. Пульс 108 ударов в минуту правильного и хорошего наполнения...»⁸⁷

На осмотр к врачу Маяковский был вызван из Петровско-Разумовского, где он жил в то время. Одновременно следователь вызвал Маяковского и его мать Александру Алексеевну на допрос. Приставом Петровско-Разумовского участка была отобрана подписка о явке к следователю 27 мая к 12 часам⁸⁸.

Тогда же следователь допрашивал А. А. Маяковскую, которая показала:

«Я, Александра Алексеевна Маяковская, 42<-х> лет, православная, вдова титулярного советника, живу в Петровско-Разумовском в Соломенной сторожке, на даче Битриха, давать объяснения по делу моего сына желаю.

Сыну моему Владимиру Владимировичу Маяковскому исполнится в июле месяце 15 лет. Подобно мужу, сын отличается большим ростом и на вид имеет больше этих лет. Два года тому назад я овдовела и должна была переехать в Москву из Кутаисской губ(ернии), где служил мой муж лесничим, чтобы дать образование своим детям. Материальную нужду я стала испытывать после смерти мужа, после которого я получаю пенсию всего в размере 50 рублей в месяц, в то время как имею трех детей школьного возраста. Муж мой был совершенно здоровым человеком и умер от заражения крови после укола пальца. Спиртными напитками он не злоупотреблял. Дети мои, выросшие в деревне, отличаются хорошим физическим развитием. Сын Владимир в прошлом году перенес воспаление в легком, но теперь оправился. Учился он хорошо, наклонностей к шалостям не проявляет и принужден был уйти из гимназии исключительно благодаря болезни. В настоящее время он самостоятельно, без помощи репетиторов, готовится вновь для поступления в гимназию в 5-й класс. Более объяснить ничего не имею. Представленное мною метрическое свидетельство сына за № 3204 я получила от вас обратно.

Александра Алексеевна Маяковская.
Судебный следователь Руднев»⁸⁹.

Закончив предварительное следствие 6 июля 1908 г., судебный следователь Руднев постановил: «Делу дать направление в порядке, указанном 35(й) статьей Устава уголовного судопроизводства»⁹⁰.

В сентябре состоялось распорядительное заседание Московского окружного суда, на котором Маяковский был признан действовавшим при совершении преступления «с разумием».

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ МОСКОВСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА

«23 сентября 1908 года Московский окружной суд по III отделению в распорядительном заседании, в следующем составе: председательствующий И. Н. Ольховский и члены суда А. А. Бурюков и А. П. Зорин, при товарище прокурора Перове и секретаре Воздвиженском, — слушал предложение прокурора от 1 сентября 1908 г. за № 6267 с заключением об освидетельствовании по вопросу о степени разумения мещанина Сергея Иванова, без фамилии, 16 лет, и дворянина Владимира Владимировича Маяковского, 14 лет, обвиняемых по 1(й) части 102 статьи Уложения о наказаниях. Рассмотрев обстоятельства дела и выслушав личные объяснения обвиняемого Маяковского, окружной суд нашел: 1) что Маяковский воспитывался в образованной дворянской семье; 2) что он получил образование в гимназии и дошел до 4(-го) класса; 3) что деятельное участие его в подготовке путем печатных воззваний государственного бунта, в каком преступлении он уличается задержанием его на месте преступления с поличным, упорно им отвергается; 4) что ответы его на вопросы суда по предмету совершенного им преступления указывают на достаточное его умственное, нравственное развитие и на понимание им преступного характера своих действий; что соучастник преступления Сергей Иванов, 16 лет, проживающий в Подольском уезде, подлежит по предмету его разумения ведению 1(-го) отделения суда, поему согласно 356 статьи У(става) у(головного) с(удопроизводства) окружной суд определяет: дворянина Владимира Владимировича Маяковского, 14 лет, обвиняемого в преступлении, предусмотренном 1(й) частью 102 статьи Уголовного уложения, признать действовавшим при совершении этого преступления с разумием, а дело это по предмету разумения обвиняемого Сергея Иванова препроводить в 1(-е) отделение суда, по жительству Иванова в Подольском уезде Московской губернии»⁹¹.

К протоколу приложено упоминаемое в документе «Заключение об освидетельствовании по вопросу о степени разума» Маяковского и Иванова. В нем разбирается весь ход дела, показания обвиняемых и свидетелей. Заключение составлено 13 августа 1908 г.

11 октября Маяковский в числе других обвиняемых был предан суду Московской судебной палаты. 24 ноября дело поступило к прокурору Московской судебной палаты, а 23 декабря был составлен обвинительный акт по делу о подпольной типографии.

Обвинительный акт яснее раскрывает нам картину следствия, так как в нем цитируются и пересказываются документы, не сохранившиеся в деле. В нем излагаются все обвинения, предъявленные охранкой к арестованным, а кроме того, приведены выводы, которые сделали следователь и прокурор на основании материалов, полученных в ходе следствия. Поэтому документ публикуется полностью, несмотря на то, что в нем частично повторяются уже известные нам факты.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

ТОВАРИЩА ПРОКУРОРА МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ ПО ДЕЛУ ТАЙНОЙ ТИПОГРАФИИ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

«29 марта 1908 года, в г. Москве, в доме Коноплина, по Ново-Чухнинскому переулку, в квартире портного крестьянина Федора Иванова Лебедева, в комнате, занимаемой его жильцами — мещанином Сергеем Ивановым, без фамилии, и лицом, проживавшим по паспорту Клинского мещанина Льва Яковлева Жигитова и оказавшимся впоследствии неоднократно привлекавшимся к делам политического характера крестьянином Тимофеем Трифоновым Трифоновым, был произведен полицией обыск, причем под кроватью Сергея Иванова были найдены печатный типографский шрифт и разные типографские принадлежности; кроме того, в самой комнате в разных местах чистая бумага, типографский шрифт, типографские краски, типографская рама, валик, зеркало для растирания краски, 5 паспортов на имя разных лиц и 2 чистых паспортных бланка, а также большое количество прокламаций и различных рукописей и книга „Краткие сведения по типографскому делу Петра Коломнина“; в кармане же пальто Сергея Иванова, при обыске, были найдены несколько печатных прокламаций „Новое наступление капитала“, а в пиджаке его оказался блокнот, печатный отчет Московского комитета партийного красного креста и рукопись воззвания к рабочим булочного и кондитерского производства, а в комнате принадлежащая Иванову записная книжка с заметками, указывающими на связи его с деятельностью Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Названный Трифонов (Жигитов) был задержан тогда же на улице, причем по обыску у него в кармане найдены блокнот с партийными заметками. По объяснению Лебедева и его сожительницы крестьянки Александры Ивановой Сидоровой, Трифонов с Сергеем Ивановым поселились у них с начала марта 1908 года, причем Сергей Иванов, заходивший ранее несколько раз к Трифонову, переехал к нему несколько позже; из двух дверей, соединяющих комнату, ими занимаемую, с остальной квартирою, Трифонов одну дверь, ведущую в квартиру, запер, и она никогда никому им не отпиралась; отпертой была только дверь, ведущая в кухню; с 10 же часов вечера и эта дверь запиралась Трифоновым, остававшимся после этого в комнате вдвоем с Ивановым.

Об изложенном чинами полиции был составлен, на основании статьи 258 Устава уголовного судопроизводства, надлежащий протокол (л. д. 5—6). По арестовании во время обыска Трифонова и Сергея Иванова, на двери, ведущей в их комнату из кухни квартиры Лебедева, была нало-

жена печать, в самой же кухне оставлены временно городовые Соловьев и Рябко для наблюдения, не явится ли кто-либо в комнату арестованных. Вскоре, часа в 2 дня, к описанной двери со свертком в руках подошел какой-то молодой человек, заявивший городовым, что он пришел к портному. Молодой человек был задержан и доставлен в участок, где по удостоверении его личности оказался дворянином Владимиром Владимировым Маяковским. Как объяснил подмастерье Лебедева Голубев, Маяковский до арестования раза три приходил к Сергею Иванову и заставлял последнего дома; другой же подмастерье Александр Кулыгин заявил, что за неделю до ареста Маяковский приходил к Трифонову; не застал его дома; по уходе Трифонов просил Кулыгина передать Маяковскому, чтобы он прочел лежавшую на столе оставленную ему записку, что Маяковский и исполнил и, прочтя записку, ушел. По показанию же Василия Кулыгина, Маяковский ходил к Трифонову каждый день (л. д. 51—61).

При осмотре выяснилось, что в комнате Сергея Иванова и Трифонова были найдены следующие типографские принадлежности:

а) деревянный ручной станок для „тисканья“ корректур на размер полулиста писчей бумаги; б) деревянная рама с наложенным на дно стеклом, служащая для „заключки“ шрифта в размере полулиста писчей бумаги; рама приспособлена для получения с помощью упомянутого станка отпечатков корректур; в) три типографских полукассы с типографским шрифтом; г) стеклянная квадратная доска, размером 5 × 5 вершков с наведенной на нее черной типографской краской; д) валик из типографской массы, покрытый черной типографской краской; е) завернутые в бумагу куски типографской массы от валика; ж) одна железная верстатка (приспособление для набора шрифта); з) восемь гранок готового набора; и) три свертка рассыпанного типографского шрифта весом около 10 фунтов; й) четыре целых стопы белой писчей бумаги и одна разбитая стопа такой же бумаги. По заключению эксперта, все описанные предметы представляют собою необходимые принадлежности печатания. Присутствие верстатки, в связи с наличием нескольких гранок готового набора, дает право заключить, что набор шрифта производился именно в той комнате, где эти принадлежности обнаружены. Нахождение станка указывает, что здесь же производилось и печатание, при этом эксперт сделал оттиск с заготовленных найденных в комнате гранок и получились отпечатки прокламаций Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, озаглавленной „Новое наступление капитала“, „Ко всем московским рабочим“, а также прокламации Московского комитета той же партии, обращенной к „Товарищам“ о необходимости устроить в марте на всех фабриках и заводах собрания по поводу 25-летия со дня кончины основателя научного социализма, идейного вождя международного пролетарского движения Карла Маркса (л. д. 11—16).

Кроме того, как сказано выше, в названной квартире найдены два чистых паспортных бланка и 5 паспортов разных лиц, из коих два, на имя мешан Жигитова и Умнова, оказались подложными (л. д. 69 об., 84 об. и 87).

Из числа рукописей, отобранных при том же обыске и подвергнутых на следствии экспертизе (л. д. 101), между прочим оказались: А) писанные рукой Трифонова: а) записка следующего содержания: „С. Подбери немного, оригинал лежит на кассе, затем принеси завтра в обед: строчных б, ф, ц, х, ы, ю, а затем знаков препинания; !? да о линейках бордюрных не мешало бы позаботиться и <о> вазелине. Я приду сегодня поздно, меня не ожидай к чаю“ (л. д. 41); б) письмо „К членам [партии]“. „Товарищи,— говорится в письме,— положение организации становится с каждым днем все хуже и хуже. Интеллигентные работники из партии уходят,

мы остаемся одни, без организационного опыта. Кроме этого, в недалеком будущем наступают каникулы и та незначительная группа, которая еще продолжает работать, скоро уйдет..." (л. д. 46); в) блокнот, в котором содержится писанный рукой Трифонова перечень типографий и фамилий владельцев их, а далее следует сделанная тою же рукой запись следующего содержания: „Порядок Р. К. (очевидно, районного комитета). Листок сапожника). О технике. О секретаре... 1) Доклад о думской фракции).

Получено мной в руки
копии обвинительного
акта и список
типографий
В. В. Маяковский
Октябрь 1909 года

РАСПИСКА МАЯКОВСКОГО В ПОЛУЧЕНИИ КОПИИ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА,
1 МАЯ 1909 г.

Исторический архив Московской области

2) Конференция М. К. 3) Общегородская конференция. 4) О съезде. 5) Организационный вопрос. 6) Профсоюзное движение. 7) Доклад М. К. (очевидно, Московского комитета)". Далее на листках 7 и 8 блокнота имеется резолюция, которая начинается словами: "Т. к. партия не может класть в основу своих выступлений положений, покоящихся на предположениях и прочих необоснованных фактах" и оканчивается так: "то ясно, что делать фракции в Государственной думе сейчас нечего". Затем, на следующих страницах и отдельных вложенных листках имеются подобные же записи, касающиеся партийной деятельности (л. д. 42 об. и 43 об.); г) три расписки Трифонова на листе бумаги, в получении денег от разных отделов типографии Левенсона, причем каждая такая расписка снабжена оттиском каучукового штампа "Российская социал-демократическая рабочая партия", "Центральный районный комитет" (л. д. 42 об.); д) четыре рукописи Трифонова, одна без заглавия и три озаглавленные: "Товарищам рабочим", "Деятельность буржуазии в период первой и второй империи" и "Мы и они", из коих последняя представляет собой, по-видимому, программу речи о рабочих ("мы") и интеллигенции и друзьях "справа" ("они") (л. д. 40 об. и 41). Б) Писанные рукой Сергея Иванова: а) записи в блокноте, как, например, "Порядок

дня: 1) организационные дела, 2) о типографской промышленности, 3) о состоянии партийной работы... Нужды для организации: 4) Кушнерев, Левенсон и далее идут записи фамилий, по-видимому, владельцев типографий в Москве. Засим, в том же блокноте имеются записи Иванова о распространении им между разными лицами брошюры „Песни революции“⁹², адреса различных лиц, помещен, по-видимому, шифр для конспиративной переписки (л. д. 43); 6) тетрадь с записью книг, принадлежащих Сергею Иванову, в перечне коих помещены преступные издания: „Рассказы из русской истории“⁹³, „Невозмогу“ и др. (л. д. 45 об.); в) записная тетрадь того же Иванова с неоконченным каталогом книг, купленных „на общие деньги“ с заметками преступного содержания (л. д. 46).

Кроме того, в той же квартире по обыску найдены: 1) два корректурных листа упомянутой выше прокламации „Новое наступление капитала“, 2) исправленная рукопись — оригинал той же прокламации, 3) два экземпляра написанного на пишущей машине и воспроизведенного затем посредством mimeографа „Денежного отчета Московского комитета за декабрь 1907 года“; перед приведенным заголовком написано: „Российская социал-демократическая рабочая партия“; в конце отчета помечено, что он выпущен в январе месяце 1908 года и издан Московским комитетом РСДРП; в отчете помещены поступления в „локаутный фонд при МК“ от членских взносов и пр.; в отделе расхода значатся „технические расходы, организационные“ и др.; 4) два экземпляра подпольной газеты „Борьба“, № 10 от ноября 1907 года (орган Московского окружного комитета Российской социал-демократической рабочей партии) отпечатаны в типографии Московского окружного комитета партии. В передовой статье, без заглавия, критикуется состав 3-й Государственной думы, которая названа „крышей той тюрьмы, которую самодержавие систематически создавало с самого октября 1905 года“. Автор статьи находит, что долгим рядом репрессий, словом и действием, угрозами и обещаниями, завершившимися новым избирательным законом, был удачно отбит непосредственный прямой штурм народа на царское правительство. Революционный народ оказался недостаточно подготовленным, чтобы одним ударом покончить со своим заклятым врагом. Выдвинулась медленная, незаметная подготовка к дальнейшей борьбе. Сознание несоместности самодержавного строя с основными нуждами населения понемногу завоевывает самые темные головы. Революция зреет в глубине, ничто не сможет остановить на долгое время развитие новой жизни. Третья дума очень скоро своей черносотенной деятельностью рассеет последние иллюзии, весь остаток веры в мирное разрешение тяжбы между народом и его мучителями. В статье „Аграрные реформы“, между прочим, говорится: „другого пути, как путь революции, не существует; лозунгом их по-прежнему остается конфискация всей помещичьей земли безо всякого выкупа, а это возможно будет только тогда, когда общими усилиями рабочего класса и крестьянства самодержавие вырвано будет с корнем, т. е. вместе с дворянством и бюрократией, а на его место революционный народ водворит свободное демократическое правление“. В конце газеты приведены отчеты „Общероссийской конференции Российской социал-демократической партии“, где, между прочим, говорится, что народу своею волею самому необходимо созвать всенародное учредительное собрание, которое одно только может положить конец торжеству насильников и положить начало демократической республике, т. е. истинному народному правлению; 5) отпечатанная в типографии „Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии“ прокламация, озаглавленная „Новое наступление капитала“ и обращенная от имени названного преступного сообщества „ко всем московским рабочим“. Отметив в начале наступление в 1905 году

„мрачной реакции“, объединившей правительство с капиталистами, которые „связали свою судьбу с судьбою самодержавия“, указывая далее на организованное наступление капитала и на притеснения владельцами типографий рабочих с целью возвращения рабочих „к старой заработной плате“, к старому длинному дню, к нищете и медленной смерти, авторы прокламации призывают рабочих готовиться к борьбе, организовать энергичное сопротивление натиску хозяев, вступить в профессиональный союз и сплачиваться под тем пролетарским знаменем, под которым они одерживали победы. Прокламация заканчивается следующим призывом: „Организуйтесь, товарищи. Помогайте борющимся, делайте отчисление в локаутный фонд при Московском комитете. Готовьтесь к обороне, капитал наступает“; 6) Рукописная прокламация, написанная на четырех четвертушках линованой бумаги; прокламация от имени подрайонного комитета булочно-кондитерского производства при Московском центральном городском районе социал-демократической рабочей партии приглашает рабочих идти под красным знаменем Российской социал-демократической рабочей партии, организоваться в профессиональные союзы и готовиться к борьбе. В прокламации, между прочим, содержатся такие выражения: „Царь-палач... помещики и фабриканты рады победе царя. Они снова могут душить и грабить народ... все хищники и кровопийцы идут на подмогу царю... Вся стая вампиров: царь, помещики и наши хозяева — это одна шайка, они наши враги“, и говорится: „Мы забыли, что не просьбами, не слезами улучшается жизнь, а только борьбой, только союзом; не просить надо, а бороться“, и 7) один экземпляр подпольной газеты „Рабочее знамя“, № 1 от марта 1908 года, органа Областного бюро Центрального промышленного района РСДРП. В этом номере газеты помещены: а) письмо осужденных членов социал-демократической фракции Государственной думы, призывающее рабочих бороться сомкнутыми рядами за освобождение труда от ига самодержавия и от цепей капитализма, и б) несколько статей того же направления, из коих одна озаглавлена „Капитал наступает“, близкая по содержанию с описанным выше воззванием „Новое наступление капитала“ (л. д. 38—50 об.).

При осмотре свертка, отобранного у Маяковского, в нем оказалось следующее: 76 экземпляров подпольной газеты „Рабочее знамя“ номера 1 от марта 1908 г., тождественного с найденным при обыске у Лебедева и Трифонова, а также 70 экземпляров упомянутой выше прокламации „Новое наступление капитала“; кроме того, четыре экземпляра „Солдатской газеты“, № 1 от февраля 1908 г., органа Московской военной организации при Московском комитете Российской социал-демократической рабочей партии, отпечатанные в типографии того же комитета. Все статьи в газете направлены на пропаганду идей преступного сообщества в войсках и осмеянию „царской власти“. Так в статье „С царскими портретами“ между прочим говорится: „Поняли они (рабочие и крестьяне), что ни царь, ни Дума не дадут им избавленья, что только сами, своими мозолистыми руками сбросят они с себя ярмо; перед новой бурей рабочие и деревенская беднота сплачиваются в рабочую партию, готовятся нанести последний удар царскому правительству... Да здравствует революция“. В статье „Армия и революция“ солдаты призываются вдуматься в свое положение и понять, что они были и будут после службы рабочими и мужиками, причем в статье говорится: „Не бойтесь нарушить присягу, вы присягали отечеству и царю, думая, что он друг отечества, но он враг его, и вы должны выбирать — либо за родину, либо за царя“. „Идите, товарищи, за родину вместе с народом, организуйтесь сначала в кружки, потом в союзы, чтобы, когда восстанет народ, силой своей не во вред, а на пользу ему послужить“ (л. д. 61—61 об.).

Из приложенного к делу осмотра, производившегося у судебного следователя по особо важным делам в 1908 г., дела о Московской военной организации Российской социал-демократической рабочей партии видно, что Российская социал-демократическая рабочая партия ближайшей политической задачей признает „низвержение царского самодержавия путем вооруженного восстания, созыва учредительного собрания и учреждения демократической республики, которая обеспечит самодержавие самого народа и, между прочим, заменит постоянное войско всеобщим вооружением народа“ (л. д. 122—122 об.).

Ввиду этих данных, Трифонов, Сергей Иванов и Маяковский были привлечены к следствию в качестве обвиняемых в участии в Московской организации Российской социал-демократической рабочей партии, поставившей своей целью насильственное посягательство на изменение установленного в России образа правления, причем Трифонов, утверждая, что все найденное при обыске в его комнате принадлежит лично ему, заявил, что по существу дела никаких объяснений давать не желает. Сергей Иванов, не признавая себя виновным, объяснил, что все отобранное при обыске принадлежит Трифонову, что же касается лично его, Иванова, то хотя он и принадлежит к социал-демократической партии, но активного участия в ней никогда не принимал, с Трифоновым познакомился случайно и, будучи без дела, принял его предложение поселиться с ним в комнате, куда и переехал 2 марта. Дома не бывал с 7 часов утра до 7 часов вечера и не знал, что там делается. Блокнот, найденный у него, принадлежит ему, и записи в нем сделаны им. В него он записал „порядок дня“ одного собрания, на котором предполагал быть по приглашению Трифонова. Книги имел и давал читать товарищам, а брошюру „Песни революции“ продавал по 2 коп.

Маяковский, не признавая себя виновным, утверждал, что отобранный у него сверток (он не знал, что в нем содержится) отнес по просьбе своего товарища, известного ему только по имени его „Александр“, с которым он был знаком очень мало и встречался лишь на улице; относил сверток по поручению „Александра“ Льву Николаевичу Жигитову, оказавшемуся затем Трифоновым, он последнего совершенно не знал (л. д. 20, 22, 128 об., 34).

Ввиду того, что Сергей Иванов и Владимир Владимиров Маяковский не достигли 17-летнего возраста ко времени совершения ими описанных преступлений, оба они были освидетельствованы Московским окружным судом установленным порядком и определением суда от 23 сентября 1908 года признаны действовавшими с разумием (переписка).

На основании изложенного, крестьянин Сычевского уезда Соколино-Субботниковской волости, деревни Бобишево Тимофей Трифонов Трифонов, 27 лет, московский мещанин Сергей Иванов, без фамилии, 16 лет, и дворянин Владимир Владимиров Маяковский, 14 лет, обвиняются в том, что, проживая в марте 1908 г. в Москве, принимали участие в преступном сообществе Московской организации Российской социал-демократической рабочей партии, заведомо для обвиняемых, поставившей ближайшей целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение в России установленного основными законами образа правления путем организации вооруженного восстания, созыва учредительного собрания и учреждения демократической республики, причем, для осуществления задач этого общества и в качестве членов его, проживая вместе с другими членами того же сообщества в квартире Лебедева, в доме Коноплина, по Чухнинскому пер., сообща оборудовали тайную типографию Московского комитета названной партии и печатали в ней партийные издания, в том числе воззвания, озаглавленные „Новое наступление капитала“ и „Товарищи“, заведомо для них возбуждающие к ниспровержению существующего

в России государственного и общественного строя, а также возбуждающие вражду между отдельными классами населения, хозяевами и рабочими; хранили различные принадлежности для печатания, а также рукописи, подлежащие размножению в этой типографии, имели у себя чужие и подложные паспорта и чистые паспортные бланки для изготовления подложных паспортов с целью личного пользования таковыми и снабжения других членов организации, хранили с целью распространения печатные издания: № 10 от ноября 1907 года газеты „Борьба“, издание Московского окружного комитета Российской социал-демократической рабочей партии в двух экземплярах; названные выше прокламации „Новое наступление капитала“, № 1 от марта 1908 года партийного органа „Рабочее знамя“, заведомо для них возбуждающие к учинению бунтовщического деяния и ниспровержения существующего в России государственного и общественного строя; экземпляры „Денежного отчета Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии“, за декабрь 1907 года; участвовали на партийных собраниях, делали записи о вопросах, обсуждавшихся на них. Трифонов, кроме того, проживал, в целях конспирации, по подложному паспорту под именем помещика Жигитова, составлял проекты партийных воззваний и др. сочинений, предназначавшихся для печатания и распространения, а также производил денежные сборы на партийные цели среди рабочих типографии. Иванов же имел у себя и распространял, путем раздачи и продажи среди рабочих, преступные издания, как, например, брошюры „Невозмогу“, „Рассказы из русской истории“, „Песни революции“ и, наконец, Маяковский поддерживал деятельные отношения с названным Сергеем Ивановым и Тимофеем Трифоновым и другими членами того же сообщества, посещал упомянутую выше тайную типографию сообщества Трифонова, причем, будучи задержан во время прихода в означенную типографию 29 марта 1908 года, имел у себя, с целью распространения, партийные издания, а именно: 76 экземпляров, № 1 от марта 1908 г. газеты „Рабочее знамя“, издание Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 70 экземпляров упомянутой выше отпечатанной в оборудованной Трифоновым и Ивановым типографии прокламации „Новое наступление капитала“ и 4 экземпляра, № 1 от февраля 1908 года „Солдатской газеты“, органа Московской военной организации при Московском комитете Российской социал-демократической рабочей партии, отпечатанной в типографии того же комитета, зная, что по содержанию своему эти издания являются возбуждающими к учинению бунтовщического деяния, к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя, к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы и заключающими в себе выражения дерзостного неуважения верховной власти.

Преступление это предусмотрено 1<-й> ч<астью> 102 статьи Угол<овного> улож<ения>, вследствие чего согласно 2<-го> п<ункта> 1032 ст<атьи> Уст<ава> угол<овного> суд<опроизводства> названные Трифонов, Сергей Иванов и Маяковский подлежат суду Московской судебной палаты с участием сословных представителей.

Составлен 23 декабря 1908 года в гор. Москве

Товарищ прокурора Судебной палаты (подпись)»⁹⁴.

Как мы увидим впоследствии, этот обвинительный акт из-за путаницы с адресами не был вручен Маяковскому вовремя. Только 28 апреля 1909 г. Маяковский получил копию обвинительного акта и следующую повестку Московской судебной палаты:

«Дворянину Владимиру Владимировичу Маяковскому.

П о в е с т к а

На основании 556 ст<атьи> Уст<ава> угол<овного> суд<опроизводства> и по распоряжению старшего председателя Судебной палаты, препровождается вам копия обвинительного акта и список свидетелей по обвинению вас в преступлении, предусмотренном 1<-й> ча<стью> 102 ст<атьи> Угол<овного> улож<ения>; при этом объявляется вам: 1) что в семидневный срок со дня вручения вам упомянутой копии вы обязаны довести до сведения палаты, избрали ли вы кого-либо себе защитником и не желаете ли, чтобы какие-либо лица, сверх указанных в предъявленном вам списке, были вызваны в качестве свидетелей и по каким именно обстоятельствам, и 2) что вы имеете права просить о назначении вам защитника от палаты, согласно 566 ст<атьи> Уст<ава> угол<овного> суд<опроизводства>, или избрать себе защитника из числа присяжных поверенных и их помощников или частных поверенных (ст<атья> 1055 Уст<ава> угол<овного> суд<опроизводства> по прод. 1906).

Секретарь (подпись).

Жительство: Москва, Долгоруковская ул., д. № 47, кв. № 38, 1<-й> уча<сток> Сущевской части»⁹⁵.

На обороте повестки расписка Маяковского: «1909 года мая 1 дня копию обвинительного акта и список получил В. В. Маяковский».

«Нужно было заботиться о защитнике,— вспоминает Л. В. Маяковская,— я обратилась к партийным товарищам Володи и получила два адреса юристов, которые бесплатно защищали революционеров. Я обратилась к Лидову. Он принял меня сердечно, внимательно выслушал и сказал: „Ничего, не беспокойтесь, выцарапаем по малолетству“»⁹⁶.

«Довожу до сведения 3-го уголовного департамента Московской судебной палаты, что защитником своим я избрал Петра Петровича Лидова (Москва, Поварская, Трубниковский пер., д. № 15/17, кв. 12, П. П. Л.). Вызывать же дополнительных свидетелей не желаю»,— извещал Маяковский суд 4 мая 1909 г.

На документе резолюции: «Допустить Лидова к защите Маяковского, о чем объявлено обоим 8 мая 1909»⁹⁷.

«Приставу 1<-го> уч<астка> Сущевской ч<асти> г. Москвы 15 мая с объявлением Маяковскому о допущении Лидова к защите его за № 11564».

«15 мая 1909 года № 11556 приставу 1<-го> уч<астка> Арбатской части гор. Москвы с объявлением помощ<нику> присяж<ного> поверенного П. П. Лидову о допущении его к защите Маяковского»⁹⁸.

28 мая Маяковский из отношения секретаря 3-го уголовного департамента Московской судебной палаты приставу 1-го участка Сущевской части узнал, что П. П. Лидов допущен к его защите.

«По распоряжению г. председателя департамента канцелярия палаты имеет честь просить объявить проживающему по Долгоруковской улице, в доме № 47, кв. 38, дворянину Владимиру Владимировичу Маяковскому, обвиняемому по 1 ч. 102 ст. Угол<овного> улож<ения>, что защитником его допущен помощник присяжного поверенного Петр Петрович Лидов.

Расписку же Маяковского в объявлении настоящего сообщения канцелярия просит доставить в палату.

Секретарь З е н ь к о в и ч.

На обороте документа расписка Маяковского: «Настоящее отношение мне объявлено 28 мая. Маяковский»⁹⁹.

Дело о тайной типографии слушалось в Московской судебной палате только 9 сентября 1909 г.

«Перед судом Володя уговаривал маму не ходить на разбор дела, а сестру и меня просил не пускать маму, так как беспокоился, что она будет чересчур нервничать и тяжело переживать обстановку суда. Володю ввели под конвоем. Он был худ и бледен в своей неизменной черной сатиновой рубаше. На суде он держал себя внешне спокойно, и только горящие

ДАЧА БИТРИХ В СОЛОМЕННОЙ СТОРОЖКЕ, ГДЕ ЛЕТОМ 1908 г. ЖИЛ МАЯКОВСКИЙ

Фотография В. Ф. Земскова, 1957 г.

глаза выдавали его состояние. Он улыбался мне и знакомым, которые были на суде»¹⁰⁰. Так описывает поведение Маяковского на суде Л. В. Маяковская.

Официальный документ о суде над Маяковским и его товарищами гласит:

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ
ПО ДЕЛУ О ТАЙНОЙ ТИПОГРАФИИ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

«1909 года, сентября 9-го дня, Московская судебная палата, по особому присутствию, с участием сословных представителей, в городе Москве, в здании судебных установлений, в 2 часа 10 минут пополудни, открыла публичное судебное заседание в следующем составе: Председатель департамента А. М. Ранг. Члены палаты: С. Ф. Мальцев, Н. М. Коваленский и С. Я. Громов.

Сословные представители: Серпуховский уездный предводитель дворянства П. А. Янов, член Московской городской управы Л. Г. Урусов и старшина Мытищинской волости Московского уезда С. Д. Мырыгин.

При товарище прокурора палаты А. М. Лопатине и секретаре К. Я. Зенковиче — по делу о крестьянине Тимофее Трифонове,

мещанине Сергее Иванове и дворянине Владимире Владимирове Маяковском, обвиняемых по 1<й> ч<асти> 102 ст<атьи> Уголовного уложения.

Защитниками подсудимых были: присяжный поверенный М. Б. Ганнушкин — Трифонова, помощники присяжных поверенных А. Б. Левинсон — Иванова и П. П. Лидов — Маяковского.

Гражданского истца не было.

Вещественные доказательства были положены на столе перед судьями.

Объявив заседание открытым, председатель приказал ввести подсудимых, из которых Трифонов и Маяковский находились под охраной стражи, и предлагал затем вопросы, согласно 638 ст<атьи> Уст<ава> уг<оловного> суд<опроизводства>, причем подсудимые объяснили, что копии обвинительного акта и списки судей, сословных представителей и лиц прокурорского надзора они получили.

По проверке лиц, вызванных в судебное заседание, оказалось, что не явился свидетель Колмаков. Секретарь доложил, что повестка на имя свидетеля, бывшего помощника пристава 2<го> участка Пресненской части города Москвы Колмакова была послана через пристава 2<го> участка Пресненской части, но за непроживанием Колмакова в Москве и ввиду справки адресного стола, что он выбыл в Сергиевский посад, повестка была препровождена в Сергиево-посадское полицейское управление, откуда возвращена не врученной Колмакову за нерозыском его и в Сергиевском посаде. Товарищ прокурора полагал причину неявки свидетеля Колмакова признать законной и дело слушанием продолжать. Защитники подсудимых не встречали препятствий к слушанию дела в отсутствие этого свидетеля.

Особое присутствие определило: причину неявки свидетеля Колмакова признать законной и дело слушанием продолжать. Явившиеся свидетели были удалены в особую комнату с принятием мер по 645 ст<атье> Уст<ава> уг<оловного> суд<опроизводства>, а эксперты, с согласия сторон, были оставлены в зале заседания на все время слушания дела. Вызывавшиеся в заседание родители малолетних подсудимых — отец Иванова и мать Маяковского не явились. Особое присутствие, согласно с заключением товарища прокурора, определило: настоящее дело слушать, на основании 1054 ст<атьи> Уст<ава> уг<оловного> суд<опроизводства>, при закрытых дверях присутствия.

Председатель распорядился об удалении из зала заседания публики, что и было исполнено. По просьбе подсудимых Иванова и Маяковского, в зале заседания были оставлены два брата подсудимого Иванова и сестра подсудимого Маяковского. Затем был прочитан обвинительный акт, после чего председатель в 2 часа 45 мин. пополудни объявил перерыв заседания на 10 минут. По возобновлении заседания в 2 часа 55 минут пополудни, председатель, изложив в кратких словах существо обвинения, спрашивал подсудимых, признают ли они себя виновными. Подсудимые Трифонов, Иванов и Маяковский не признали себя виновными.

Особое присутствие приступило к дальнейшему исследованию дела. В зал заседания приглашены свидетели и предварительно спрошены были согласно 702 ст<атьи> Уст<ава> уг<оловного> суд<опроизводства>. За непредъявлением сторонами отвода свидетели и эксперты были приведены к присяге православным священником по форме, изложенной в 713 ст<атье> Уст<ава> уг<оловного> суд<опроизводства>.

Затем по исполнении председателем требования 716 ст<атьи> Уст<ава> уг<оловного> суд<опроизводства>, свидетели были удалены в особую комнату, с принятием мер по 645 ст<атье> Уст<ава> уг<оловного> суд<опроизводства>. Было оглашено показание неявившегося свидетеля Колмакова (л. д. 51). После этого в зал заседания был приглашен свидетель Си-

ницы и допрошен в порядке 718—724 ст<атьи> Уст<ава> уг<оловного> суд<опроизводства>. При этом председатель предлагал подсудимым представлять свои объяснения или опровержения. В том же порядке были допрошены призывавшиеся порознь в зал заседания свидетели: Соловьев, Лебедев, Сидорова, Рябко, Александр Кулыгин, Василий Кулыгин, Голубев и Платонов. Затем был допрошен эксперт Подъемщиков защитником подсудимого Иванова; от допроса экспертов Силонова и Комарова стороны отказались, и они были отпущены. По просьбе защитника подсудимого Иванова, вновь была допрошена свидетельница Сидорова, причем была оглашена часть показаний этой свидетельницы (л. д. 53) ввиду запоминания свидетельницами в этой части показаний.

Затем, на вопрос председателя, не имеют ли стороны чем-либо пополнить следствие, стороны ответили отрицательно, и председатель объявил судебное следствие законченным. После чего Особое присутствие перешло к слушанию заключительных прений сторон. Товарищ прокурора и в своей речи поддерживал обвинение против всех подсудимых по 1<-й> ч<асти> 102 ст<атьи> Угол<овного> уложения. Затем последовательно произнесли защитительные речи защитники подсудимых — присяжный поверенный М. Б. Ганнушкин и помощники присяжных поверенных А. Б. Левинсон и П. П. Лидов.

Последнее слово было предоставлено подсудимым. После сего Особое присутствие удалилось для постановки вопросов в особую комнату, по возвращении из которой в зал заседания председатель прочитал проект вопросов, подлежащих разрешению Особого присутствия, и предложил сторонам представить свои замечания, но таковых не последовало, и вопросы были утверждены подписями гг. судей и сословных представителей.

Затем Особое присутствие удалилось для постановления резолюции в особую комнату. По возвращении Особого присутствия в зал заседания, председатель провозгласил при открытых дверях присутствия, назначив объявление приговора в окончательной форме на 19 сентября 1909 года в гор. Москве, и добавил, что принятая в отношении подсудимого Трифонова мера пресечения оставлена без изменения Особым присутствием. Эксперты заявили ходатайство о вознаграждении их за отвлечение от занятий. Заседание по делу закрыто в 5 час. 30 мин. пополудни.

Р а н г, Н. К о в а л е н с к и й,
Секретарь З е н ь к о в и ч ¹⁰¹.

На следующий день в газетах появились сообщения о суде над организаторами подпольной типографии МК РСДРП. Газета «Московские ведомости» в разделе «Судебная хроника» писала:

«Дело о тайной типографии».

9 сентября в Особом присутствии Московской судебной палаты, с участием гг. сословных представителей, рассматривалось при закрытых дверях дело о мещанине Иванове, крестьянине Трифонове и 14-летнем дворянине Маяковском по обвинению их в принадлежности к социал-демократической партии и оборудовании для партийных целей тайной типографии, в которой ими печатались революционные издания.

Особым присутствием Московской судебной палаты все трое обвиняемых признаны виновными и Трифонов приговорен к шестилетней каторге, а несовершеннолетние Иванов и Маяковский к отдаче родителям на исправление» ¹⁰².

В газете «Биржевые ведомости» сообщалось:

«Сегодня в Московской судебной палате, при закрытых дверях, слушалось дело гимназиста Московской гимназии Маяковского по обвинению

в принадлежности к противоправительственной партии по 102 ст. Угол<овного> улож<ения>. Во время обыска у Маяковского были найдены нелегальные брошюры и воззвания. Обвиняемому в момент совершения преступления было всего 13 лет»¹⁰³.

В обоих случаях в газетах искажены фамилии Трифонова и Маяковского (исправлено нами.— В. З.).

19 сентября 1909 г. состоялось объявление приговоров. Председатель 3-го Уголовного департамента Московской судебной палаты писал 17 сентября начальнику центральной пересыльной тюрьмы:

«Прошу вас сделать распоряжение о доставлении в судебную палату 19 сего сентября к 12 часам дня Анны Яковлевой Япковой, Анны Ивановой Хрущовой, Ивана Варфоломеева Петрова, Егора Ильина Разсадкина, Тимофея Трифонова Трифонова, Владимира Владимировича Маяковского и Любови Ивановой Смольяниновой для выслушания приговоров судебной палаты от 9, 10, 11 и 15 сего сентября в окончательной форме.

Председатель Р а н г.
Секретарь З е н ь к о в и ч»¹⁰⁴.

На документе помета: «Сему исполнено 19/IX».

«Маяковский внешне бравировал деланным безразличием и спокойствием,— вспоминает Лидов.— Прозвучали первые слова приговора, касавшиеся Трифонова. Юноша опустил голову, но тотчас глаза его широко открылись, и он, как говорят в школе, „установился“ на фигуру председателя»¹⁰⁵.

В приговоре кратко повторялось содержание обвинительного заключения. Опуская это повторение, приводим определение судебной палаты:

«На основании вышеизложенных соображений и указанных законов и согласно 1 и 3<-го> пунктов 771 и 776 ст<атей> Уст<ава> угол<овного> суд<опроизводства>, Судебная палата по Особому присутствию, с участием сословных представителей, определяет: крестьянина деревни Бобишева в Соколино-Субботниковской волости Сычевского уезда Тимофея Трифонова Трифонова, 27 лет, признать виновным в преступлении, предусмотренном 1<-й> ч<астью> 102 ст<атьи> Угол<овного> улож<ения>. На основании этого закона, а также 16—25 и 33 ст<атей> того же Уложения, лишит права состояния и подвергнуть каторге на шесть лет с последствиями по 28—31 ст<атьям> Уголов<ного> улож<ения>. Московского мещанина Екатерининской слободы Сергея Иванова, 16 лет, и дворянина Владимира Владимировича Маяковского, 14 лет, признав невиновными в преступлении, предусмотренном 1<-ю> ч<астью> 102 ст<атьи> Угол<овного> уложения по недоказанности совершения ими этого преступления, считать по сему обвинению оправданными по суду; тех же Сергея Иванова и Владимира Маяковского, признав виновными в преступлении, предусмотренном 2<-м> п<унктом> 132 ст<атьи> Угол<овного> улож<ения>, но действовавшими без разума, не понимая свойства и значения ими совершаемого, отдать, согласно 41 ст. того же Уложения, под ответственный надзор их родителям; судебные издержки по сему делу взыскать с имущества осужденного Тимофея Трифонова; из вещественных доказательств — типографские принадлежности обратить в казну, а прочие уничтожить.

Р а н г, М а л ь ц е в, К о в а л е н с к и й.
Секретарь З е н ь к о в и ч»¹⁰⁶.

Так окончилось «дело о тайной типографии МК РСДРП в доме Конопина по Ново-Чухнинскому переулку». Все приведенные нами материалы говорят о том, что Маяковский был тесно связан с типографскими рабочими.

Он не принимал непосредственного участия в организации подпольной типографии, но знал о ее существовании и даже предлагал Трифонову свою помощь. Мы теперь знаем литературу, которой Маяковский пользовался в рабочих кружках типографщиков. Несомненно, что арест был неожидан для Маяковского. Документы показывают, как вел себя Маяковский во время следствия и на суде. Юный большевик приобрел свой первый тюремный опыт. Надо отметить, что Маяковский с честью прошел эту трудную школу.

III

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАЯКОВСКОГО ЛЕТОМ 1908 г.

ВЫХОД ИЗ ТЮРЬМЫ. — КАК МАЯКОВСКИЙ ПОПАЛ ПОД НАБЛЮДЕНИЕ. —
ДНЕВНИК НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА «ВЫСОКИМ».

Итак, 9 апреля 1908 г. Маяковского выпустили из тюрьмы и отдали под негласный надзор полиции. 8 мая 1908 г. помощник начальника Московского охранного отделения послал приставу 1-го участка Суцевской полицейской части следующее предписание:

«Согласно отношения судебного следователя Московского окружного суда по особо важным делам Р. Р. Вольтановского от 9 минувшего апреля за № 709, Охранное отделение просит ваше высокоблагородие учредить за проживающим в доме Безобразова, по 4-й Тверской-Ямской улице, дворянином Владимиром Владимировым Маяковским особый надзор полиции и о последующем уведомить отделение и названного судебного следователя»¹⁰⁷.

Однако уже 3 мая Маяковские уехали из дома Безобразова на дачу в Петровско-Разумовское в районе Соломенной сторожки¹⁰⁸. Предписание Охранного отделения из Суцевского полицейского дома было переслано для исполнения приставу Петровско-Разумовского участка. Последний 16 мая доносил в Московское охранное отделение:

«Имею честь уведомить, что за дворянином Владимиром Владимировичем Маяковским особый надзор полиции, вследствие отношения Охранного отделения от 8 мая за № 5829, присланного при подписи г<осподина> пристава 1-го уч<астка> Суцевской части от 14 мая за № 142, с сего числа учрежден, о чем и донесено г<осподину> судебному следователю Вольтановскому»¹⁰⁹.

Маяковский знал, что за ним наблюдает полиция. Кроме того, дело о подпольной типографии еще не было закончено и следователь, как уже было сказано выше, продолжал вызывать на допросы и обследования. Вероятно, чувствуя, что каждым своим неосторожным движением он может провалить товарищей, Маяковский в первое время не рисковал восстанавливать партийные связи и не включался в активную работу. Скорее всего поэтому, выйдя из тюрьмы, Маяковский не продолжал работу партторга Лефортовского района. Во всяком случае, у нас нет об этом никаких сведений.

29 июня 1908 г. в доме Соколова (1-го участка Арбатской части), в квартире Сахаровых был арестован Московский комитет РСДРП. К счастью, к моменту ареста на заседание Московского комитета собрались еще не все члены комитета. В числе десяти арестованных был и В. И. Вегер. По агентурным сведениям охранки, большевики Пресно-Хамовнического района предполагали организовать нелегальную типографию и имели на это денежные средства, которые хранились у В. Н. Сахаровой, хозяйки той квартиры, в которой произошел провал МК¹¹⁰.

Будучи членом МК, Маяковский, несомненно, знал об аресте товарищей. Восстанавливать порванные связи становилось все труднее и труднее. Приходилось искать новых людей, новые связи. Где бывал и с кем встречался Маяковский весной и летом 1908 г.? В какой-то степени на эти вопросы помогают нам ответить сохранившиеся в фонде Московского охранного отделения дневники наружного наблюдения.

Особый отдел, организованный в 1902 г. при Охранном отделении, имел штат филеров, следивших по заданию отделения за революционерами. Негласный надзор полиции, установленный за Маяковским после выхода его из тюрьмы, не предполагал наружного наблюдения. Маяковский попал под наблюдение филеров не потому, что был однажды арестован, а потому, что был замечен при встречах с другими людьми, за которыми агенты Охранного отделения уже вели наблюдение. Всякого, кто хоть раз встречался с кем-либо из поднадзорных, полицейские агенты провожали домой, а потом негласно наводили о нем справки. Таким способом полиция еще до ареста революционера пыталась выяснить его связи. Всем попадавшим под наблюдение лицам агенты полиции давали клички, иногда переходившие из дневника в дневник, которые велись этими агентами. Клички эти не всегда расшифровывались в Охранном отделении, и в настоящее время их можно расшифровать только на основании косвенных данных.

Как удалось выяснить, наблюдение за Маяковским было начато раньше, чем считалось до сих пор в литературе о нем ¹¹¹.

Впервые Маяковский появляется в дневниках наружного наблюдения 4 июня 1908 г. под кличкой «Кленовый». 7 мая агентами Охранного отделения была установлена слежка (как записано в дневнике наблюдения) за неким Сергеем Семеновичем Трофимовым под кличкой «Дубовый» и какой-то женщиной (фамилия не установлена), жившей с ним и упоминавшейся в дневниках под кличкой «Гороховая». Вначале Трофимов и эта женщина жили в номерах гостиницы. Наблюдением установлено, что они два раза ездили в Петровско-Разумовское, ходили в Кремль осматривать памятники старины, посылали телеграмму в Саратов и выясняли адреса Александра Ильича Попетова, Михаила Николаевича Бунина и Быкова. Последняя фамилия нам еще будет встречаться в связи со вторым арестом Маяковского. Несколько дней Трофимов с женой искали комнату и, наконец, 15 мая переехали в Даев переулок, дом Биркель.

Вот материалы слежки за ними от 4 июня 1908 г., когда в орбиту наблюдения филеров вошел Маяковский:

«С в е д е н и е

„Дубовый“ и „Гороховая“ проживают в доме Биркель по Даеву переулку.

(От „Трубача“)

В 10 часов утра „Дубовый“ вышел из дома и отправился на Сретенку в молочную Чичкина, где купил молока и колбасы, и напротив зашел в булочную Филиппова, где купил хлеба и вернулся домой. В 1 час дня вышел из дома вторично, зашел в пивную Платова, скоро вышел, купил газету и отправился в Дегтярный переулок, дом Деляновой во дворе, в парадное налево, где пробыл 35 минут, вышел и пошел на Тверскую, дойдя до Брюсовского переулка, где встретил молодого человека, кличка коему будет „Кленовый“, с которым поздоровались и вернулись на Страстную площадь, оттуда пошли в Большой Козихинский переулок, дом Попова, парадное кв. 17—24, куда заходил „Кленовый“, а „Дубовый“ его ожидал на улице. „Кленовый“ пробыл 10 мин., вышел и оба пошли на Страстной бульвар, где просидели на лавочке 25 мин. и пошли к Петров-

по скрипучей деревянной лестнице. В первом этаже жили хозяйева дачи — Битрих (совладельцы булочной Бартельс у Никитских ворот). Они не любили нас, называли „революционной бандой“ и однажды донесли в полицию, что у нас часто бывают собрания. В результате этого доноса полиция, конная и пешая, оцепила дачу, закрыла все выходы и произвела ночью проверку всех живущих. Когда вошли в комнату Володи, он спал. У него ночевал товарищ и тоже спал. Полицейские удивленно спросили:

— Как, вас двое и вы спите?!

На что Володя ответил:

— А вам сколько надо?— повернулся на другой бок и заснул. Таким образом, затея наших хозяев не удалась, но они не оставили нас в покое и подали на нас в суд, требуя выселения. Мы, не дожидаясь суда, до окончания дачного сезона, переехали в Москву»¹¹³.

Из воспоминаний Л. В. Маяковской видно, что полиция не ограничилась одной агентурной слежкой. Была ли ночная проверка вызвана доносом владельцев дачи, как предполагает Л. В. Маяковская, или же она явилась следствием агентурных наблюдений, нам неизвестно.

Вернемся к агентурным наблюдениям. В донесении агента от 4 июня мы можем расшифровать еще один адрес. В упоминавшемся доме Елизарова по Лихову пер. жил знакомый семьи Маяковских, товарищ Владимира по партии, Сергей Медведев¹¹⁴.

18 июня С. С. Трофимов попал под наблюдение нового филера. На него завели дневник, где он числился под кличкой «Хлюст». В сведениях наружного наблюдения за ним от 21 и 23 июня 1908 г. упоминается Маяковский.

«21 июня 1908 г.

С в е д е н и е

„Хлюст“ проживает в доме Биркель по Даеву пер.

В 12 ч. дня вышел из дому и, дойдя до Сретенского бульвара, где сел на скамейку, просидел 15 минут, затем пошел на Мясницкую улицу, где сел на трамвай и в Петровском парке слез и ходил минут 30 по лесу — по-видимому, кого-то ожидал, затем пошел к трамваю и опять кругом осматривался. Потом сел в трамвай у Страстного монастыря слез и пошел в городской ломбард по проезду Страстного бульвара, где пробыл 30 м., вышел и на Большой Дмитровке ул. сел в трамвай, на Сретенке слез и здесь же зашел в молочную Чичкина и булочную Филиппова, что-то купил и вернулся домой.

В 5 ч. 15 м. вечера вышел вторично с неизвестным молодым человеком, кличка ему будет „Новый“; дойдя до Сухаревой площади, сели в конку, на Долгоруковской ул. пересели в трамвай, доехали до Бутырской заставы, слезли и у паровичка распростились. „Новый“ на паровичке доехал до Соломенной сторожки, слез и пошел на дачу Битрих по улице Новое шоссе, где и был оставлен, а „Хлюст“ пошел без наблюдения»¹¹⁵.

Кличка «Новый» в документе перечеркнута и сверху написано «Кленовый».

«23 июня 1908 г.

С в е д е н и е

Трофимов С. С.

„Хлюст“ проживает в доме Биркель по Даеву переулку.

В 10 часов 50 м. утра вышел из дома, пошел на Сретенку, чего-то спросил газетчика, пошел на Мясницкую ул., купил газету, вернулся домой.

В 1 час 30 м. дня вышел вторично, пошел в молочную Чичкина на Сретенке, купил что-то, вернулся домой. В 6 часов вечера пришел „Кленовый“. В 6 ч. 30 м. вечера вышел „Хлюст“, пошел в булочную Филиппова по Сретенке; купив булок, вернулся домой, а „Кленовый“, пробыв 1 час

20 м., вышел, пошел без наблюдения к Сухаревой, а „Хлюста“ выхода больше не видали»¹¹⁶.

Затем, вплоть до августа, насколько нам известно, Маяковский не попадал в поле зрения филеров. Но с 5 августа на него был заведен индивидуальный дневник наружного наблюдения. На первой странице дневника написано: «„Высокий“, он же „Кленовый“. Взят первый раз 4 августа 1908 г. со сходки из дому Дербеневой»¹¹⁷.

Известно, что дом Дербеневой значился под № 213 по Садово-Триумфальной улице. В делах Московского охранного отделения и Департамента полиции имеются указания на то, что в дом Дербеневой незадолго до осуществления побега ходила Роза Самуиловна Ландсберг (революционная кличка «Маргарита») — одна из организаторов побега 13 политкаторжанок¹¹⁸. По тому же делу о побеге политкаторжанок в этом доме, в квартире Памфила Федоровича Костромина, был произведен обыск¹¹⁹. Вероятнее всего, в квартире Костромина и состоялась интересующая нас сходка. Что происходило на сходке, мы не знаем.

Дневник наружного наблюдения за Маяковским:

«5 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в доме Бутюгиной, № 47, по Долгоруковской улице.

В 8 часов утра вышел из дома и пошел в Верхние Торговые ряды, где я был утерян. В 7 час. 50 мин. вечера вторично вышел из дому и прошелся несколько раз по Долгоруковской улице и вернулся домой».

«6 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в д(оме) Бутюгиной по Долгоруковской улице.

В 8 часов 45 мин. утра вышел из дома и пошел в булочную Макарычева по Тверской улице, где купил булок и вернулся домой; вторично вышел из дома в 10 час. 40 мин. дня с неизвестным молодым человеком и пошли в дом Персиц по Триумфальной-Садовой во двор, откуда взяты не были».

«7 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в д(оме) Бутюгиной по Долгоруковской улице.

В 11 часов 20 мин. дня вышел из дома и пошел в Городские номера по Никольской ул., где пробыл 35 мин., возвратился домой, откуда выхода более не видали».

«8 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в доме Бутюгиной по Долгоруковской ул.

В 10 час. 35 мин. утра вышел из дома и пошел в колониальную лавку Захарова по Долгоруковской ул., откуда скоро вышел, вернулся домой; вторично вышел из дома в 11 час. дня и пошел в Городские номера по Никольской ул., где пробыл 30 мин., вышел и пошел в дом Биркель по Даеву пер. во двор налево, где проживает „Дубовый“, где пробыл 30 мин.; вышел вместе с „Дубовым“; дойдя до Сухаревой площади, разошлись; „Дубовый“ пошел под наблюдением, а наш пошел домой, более выхода не видали»¹²⁰.

Как легко можно догадаться, человек, упоминаемый в данном случае под кличкой «Дубовый», был не кто иной, как С. С. Трофимов¹²¹.

«9 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в д(оме) Бутюгиной по Долгоруковской ул. В 9 час. 15 мин. утра вышел из дома и пошел в булочную Филиппова, угол Селезневской и Долгоруковской ул(иц), купил булок, вернулся домой; вторично вышел из дома в 11 час. дня и пошел в Городские номера по Никольской ул(ице), где пробыл 30 мин.; вышел и пошел в дом Биркель по Даеву пер(еулку), во двор, где проживает „Дубовый“, пробыл 2 часа; вышел Садовой-Сухаревской, встретился с неизвестным молодым человеком, немного поговорили и пошли на Цветной бульвар, где просидели 20 минут на лавке, расстались; неизвестный пошел в дом Воронцова по Цветному бульвару в парадное, где зубоорачебный кабинет Эстрен, где пробыл 3 часа; вышел, пошел в Божедомский пер., в д(ом) Макарова, во двор, откуда выхода замечено не было. А „Высокий“ пошел домой в 6 часов 15 м. вечера; вышел из дома с двумя неизвестными барыньками по Каретной Садовой ул.; все втроем зашли в булочную Алиханова, где купили булок, и пошли в дом Елизарова, угол Лихова пер. и Малого Спасского пер., в парадное №№ 9—16; через 10 минут вышел „Высокий“ и пошел в Крымскую кондитерскую по Триумфальной-Садовой, где что-то купил и вернулся в д(ом) Елизарова, где пробыл 2 часа 30 мин.; вышел и пошел домой, а две неизвестные барыньки остались в д(оме) Елизарова, выхода их не видел, которым будет кличка „Лихая“ и „Шустрая“. Наблюдение составлено в 10 час. 20 минут вечера»¹²².

«Неизвестные барыньки», получившие у агентов клички «Лихая» и «Шустрая» — вероятно, сестры С. Медведева, знакомые Маяковских: Людмила Сергеевна и Елена Сергеевна Медведевы.

«10 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в д(оме) Бутюгиной по Новослободской ул(ице). В 9 час. 50 мин. утра вышел из дома и пошел в булочную Макарычева, по 1-й Тверской-Ямской ул(ице), что-то купил и (пошел) домой; через 10 мин(ут) вышел вторично, на углу Селезневской улицы купил газету и вернулся домой.

В 12 час. дня к нашему пришел неизвестный господин, имел при себе фотографический аппарат (кличка ему „Ценный“); через 2 часа вышли „Высокий“ и „Ценный“ и пошли в ипвную-ресторан Павловского по Новослободской ул(ице), пообедали и пошли домой, т. е. к „Высокому“.

В 4 часа дня из дома Бутюгиной вышли „Ценный“ и три барыньки. „Ценный“ имел при себе вышеупомянутый аппарат; сели в трамвай у Бутырской заставы, слезли и пошли к церкви Рождества, что на Бутырках, где против самой церкви „Ценный“ снимал упомянутых барышек; затем сели в паровой трамвай и поехали в Петровско-Разумовскую академию, где слезли и пошли в сад, к озеру, где подошли к углублению (гроту). „Ценный“ на каменной стенке написал: „Буда“, „Липа“, „Глеб“ и „Соня“. 10 авг(уста) 1908 г. „Затем пошли по роще гулять, где и были утеряны. Возвращения в Москву к Бутырской заст(аве) не видали. Наблюдение кончили в 12¹/₂ час. ночи»¹²³.

По свидетельству Л. В. Маяковской¹²⁴, читавшей эти сведения, надпись, сделанная на каменной стенке грота, позволяет установить, кто был в этот день с Маяковским. «Буда» — это Анна Степановна Туркия-Сиверс, подруга Л. В. Маяковской; «Липа» — Олимпиада Степановна Туркия, сестра А. С. Сиверс; «Глеб» (он же «Ценный») — Глеб Новиков, вольнослушатель Сельскохозяйственной академии, знакомый Маяковских; «Соня» — Соня Шклярская, слушательница зубоорачебных курсов, подруга А. С. Туркия-Сиверс.

«11 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в доме Бутюгиной по Новослободской улице. В 10 ч. 35 мин. утра вышел из дома и пошел в дом Бородина по Оружейному переулку, в парадное, где сапожная мастерская Бурлова, пробыл 35 мин.; вышел и отправился на Тверской бульвар; пройдясь немного, вернулся и пошел на Никольскую улицу, в Городские номера, где пробыл 45 мин. и вернулся домой. Более не видали.

В 2 часа 45 мин. дня из дома Бутюгиной вышли две барыньки, утерянные 10-го сего августа вместе с „Ценным“ в Петровско-Разумовском саду, и пошли в булочную Филиппова на углу Селезневской ул., где купили коробку конфет и вернулись домой, т. е. в дом Бутюгиной»¹²⁵.

«Две барыньки», упоминаемые в сведении,— очевидно, А. С. Сиверс и О. С. Туркия.

«12 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в доме Бутюгиной по Новослободской ул(ице).

В 11 час. 50 мин. утра вышел из дома, сел в трамвай и отправился в Городские номера по Никольской ул(ице), где пробыл 50 мин.; вышел и пошел в дом графа Сумарокова-Эльстон по проезду Тверского бульвара, в парад(ное), где контора типографии градоначальства; скоро вышел, имея при себе небольшие листочки в виде листа почтовой бумаги, свернув, положил в карман; дойдя до М. Дмитровки ул(ицы), сел в трамвай и вернулся домой.

А в 4 часа 30 мин. пополудни вышел вторично из дома и, дойдя до церкви св. Николая на Новослободской ул(ице), вернулся обратно домой; через 1 час пришел в дом Бутюгиной „Ценный“.

Больше выхода замечено не было до 11 час. ночи».

ДОМ БУТЮГИНОЙ НА ДОЛГОРУКОВСКОЙ УЛИЦЕ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА КАЛЯЕВА № 35); ЗДЕСЬ В 1908—1910 гг. ЖИЛ МАЯКОВСКИЙ

Квартира Маяковских была в 1-м этаже

Фотография В. Ф. Земскова, 1957 г.

«13 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в д. Бутюгиной, по Новослободской улице. В 9 час. 40 мин. утра вышел из дома и пошел в булочную Макарычева по Тверской ул., где купил бублик, вернулся домой; вторично вышел из дома в 11 час. 30 мин. дня, имея при себе сверток в виде книги, завернутой в газетную бумагу; тут же сел в трамвай у Страстного монастыря, слез и пошел в Городские номера по Никольской ул<ице>, где пробыл 20 мин.; вышел и пошел в дом Биркель, по Даеву пер., где проживает „Дубовый“, откуда взят не был».

«14 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в д<оме> Бутюгиной по Новослободской улице. В 10 час. 40 мин. дня вышел из дома и пошел в дом Елизарова, угол Лихова и Малого Спасского переулков, в парадное № 9—16, где пробыл 20 мин.; вышел и пошел в Городские номера по Никольской ул<ице>, где пробыл 20 мин.; вышел и пошел вторично в д<ом> Елизарова, откуда скоро вышел и вернулся домой. Более выхода до 8 час. вечера не видали».

«15 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в доме Бутюгиной по Новослободской ул<ице>. В 9 час. 45 мин. утра вышел из дома и пошел в дом Елизарова, угол Лихова и Малого Спасского пер<еулков>, в парадное за № 9—16, где пробыл 10 минут; вышел; дойдя до Сухаревой башни, сел в трамвай, доехал до Ярославского вокзала, слез и пошел в вокзал, где взял билет II класса до стан<ции> Лосиноостровская, сел в поезд № 6 и доехал до ст<анции> Лосиноостровская; слез и пошел тут же на дачу № 108 Щекина, откуда до 11 час. 30 мин. <вечера> возвращен не был. По наблюдению, остается до последнего поезда».

«16 августа 1908 г.

С в е д е н и е

Маяковский Владимир Владимиров.

„Высокий“ проживает в д<оме> Бутюгиной по Новослободской ул<ице>. В 9 час. 35 мин. утра вышел из дома и пошел в булочную Макарычева по 1-й Тверской, где что-то купил; тут же зашел в колбасную, скоро вышел, вернулся домой; вторично вышел из дома в 11 час. 30 мин. дня и пошел в Городские номера по Никольской ул<ице>, где пробыл 1 час; вышел с неизвестным молодым человеком; дойдя до Лубянской площади, сели в трамвай. „Высокий“ у Сухаревки слез и пошел в д<ом> Биркель по Даеву пер<еулку>, во двор, где проживает „Дубовый“; пробыв 55 минут, вышел, пошел домой; в 4 часа 50 мин. дня вышел; дойдя до Лесной ул<ицы>, сел в трамвай<ный> вагон „Вокзальный“ и поехал по направлению к Сухаревской площади, где и был из виду упущен. После чего не видали. Неизвестный был проведен в дом № 5 Злоказовой по Ново-Воротниковскому пер<еулку> во двор, где был оставлен в 7 час. вечера»¹²⁶.

Неизвестный молодой человек, замеченный агентами и именованный далее в дневниках наружного наблюдения «Субботинским» или «Субботним», — это Исидор Иванович Морчадзе, старый знакомый семьи Маяковских, живший у них на квартире еще в Козихинском переулке. И. И. Морчадзе — член партии социалистов-революционеров, участник революции 1905 г. Бежав из ссылки, он сменил фамилию и жил нелегально по паспорту Сергея Семеновича Коридзе. Под этим именем с 19 августа 1908 г. он прописался в квартире Маяковских¹²⁷. В семье знали о революционной работе Морчадзе и, сколько могли, помогали ему. В фонде Московского охранного отделения имеется дневник наружного наблюдения

И. И. МОРЧАДЗЕ (С. С. КОРИДЗЕ)

Рисунок Маяковского, 1908 г.

Собрание Л. В. Маяковской,
Москва

за И. И. Морчадзе (С. Коридзе), который упоминался в них под кличкой «Субботный» (взят от «Высокого»).

Сведения дневника почти целиком повторяют публикуемые нами материалы и ничего нового о Маяковском не раскрывают¹²⁸.

«17 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в доме Бутюгиной по Долгоруковской ул⟨ице⟩. В 1 час 20 мин. дня „Высокий“ вышел из дому с неизвестным мужчиной, кличка будет „Благой“; сели в трамвай, доехав до Садовой, пересели в конку; доехав до Сухаревой башни, сели в трамвай, отправились в дом Благова, № 2, по Митьковской ул⟨ице⟩, в Сокольниках, откуда взяты не были, как „Высокий“, а также и неизвестный. Наблюдение кончено в 10¹/₂ час. вечера».

«18 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ проживает в доме Бутюгиной по Новослободской ул⟨ице⟩. В 10 час. утра вышел из дома и пошел на 1⟨-ю⟩ Тверскую-Ямскую ул⟨ицу⟩, в булочную Макарычева, что-то купил и вернулся домой. В 11 час. 20 мин. утра из дома Бутюгиной вышел „Субботинский“, сел в трамвай, у Сретенского монастыря слез и пошел на Тверской бульвар, где встретился с двумя неизвестными, из которых у одного был мягкий сверток в желтой бумаге, и пошли все в красильню Ломбар на Страстной площади, где неизв⟨естный⟩ господин упомянутый сверток оставил; выйдя из красильни, один неизвестный (который был без свертка) отделился и пошел по Тверской ул⟨ице⟩, а „Субботинский“ с другим неизвестным пошли в Мерзляковский пер⟨еулок⟩, постояв немного у парадного №№ 25—32 дома Титовой, вернулись и пошли к Никитским воротам, где неизвестный

незаметно отделился, а „Субботинский“ пошел к Страстному монастырю, купил виноград и вернулся в д⟨ом⟩ Бутюгиной по Долгоруковской ул⟨ице⟩.

В 1 час дня „Высокий“ пришел в Городские номера по Никольской ул., через 30 м. вышел и пошел в Кирово-Никольский переулок, в д⟨ом⟩ № 3/5 Мусина-Пушкина, в парадное, где карточка „Спиранский“, где пробыл 2 часа 40 мин.; выйдя, сел в трамвай и вернулся домой. В 6 час. 20 мин. веч⟨ера⟩ вышел из дома и пошел в Лихов пер⟨еулок⟩ в дом Елизарова, в парадном №№ 9—16, спросил что-то у швейцара, затем сел в конку и поехал в Сняжков пер⟨еулок⟩, в д. Смирнова, в парадное № 23—31, откуда взят не был».

«19 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ прож⟨ивает⟩ в доме Бутюгиной, по Долгоруковской улице. В 10 час. 45 мин. утра „Высокий“ вышел из дома вместе с „Субботинским“, дошли до Садовой ул⟨ицы⟩, расстались; „Субботинский“ пошел с наблюдением, а „Высокий“ пошел в Лихов пер⟨еулок⟩, в дом Елизарова, в парадную, где №№ 9—16; через 10 мин. вышел и пошел на Никольскую улицу, в Городские номера, где пробыл 35 мин.; вышел и вернулся домой. В 2 часа 40 мин. „Высокий“ вторично вышел из дома и пошел в булочную Филиппова, что-то купил и вернулся домой. В 4 часа 25 мин. пополудни „Высокий“ вышел из дома и пошел в дом Смирнова по Долгоруковской улице, в левые ворота, через 5 мин. вышел и вернулся домой. В 5 час. 40 мин. пополудни „Высокий“ вышел из дома и пошел в булочную Филиппова, откуда и вернулся домой. Больше выхода его не видали».

«20 августа 1908 г.

С в е д е н и е

„Высокий“ прож⟨ивает⟩ в доме Бутюгиной на Долгоруковской улице. В 9 часов 45 минут утра „Высокий“ вышел из дома и на углу Весковского пер⟨еулка⟩ купил газету и вернулся домой. В 11 часов 30 мин. утра „Высокий“ вторично вышел из дома вместе с „Субботинским“. „Высокий“ имел при себе какую-то книгу в виде журнала и дошли до дома Смирнова, по Долгоруковской ул⟨ице⟩. „Высокий“ пошел в дом Смирнова, в левые ворота, а „Субботинский“ остался ждать у ворот.

„Высокий“ скоро вышел с той же книгой и дошли до Садовой улицы, расстались — „Субботинский“ пошел с наблюдением, а „Высокий“ пошел в Даев переул⟨ок⟩, в дом Биркель, во двор, где пробыл 1 час 45 мин.; вышел без упомянутой выше книги и вернулся домой. Больше его выхода не видали».

«21 августа 1908 г.

С в е д е н и е

Маяковский.

„Высокий“ проживает в д⟨оме⟩ Бутюгиной по Долгоруковской ул⟨ице⟩. В 9 час. 50 мин. ут⟨ра⟩ вышел из дома и пошел в д⟨ом⟩ Смирнова, во двор, по Долгоруковской ул⟨ице⟩; через 20 мин. вышел и пошел домой. Более выхода не видали».

«22 августа 1908 г.

С в е д е н и е

Маяковский.

„Высокий“ проживает в доме Бутюгиной по Долгоруковской ул⟨ице⟩. В 10 час. 40 мин. утра вышел из дома, зашел тут же в молочную лавочку, чего-то купил, вернулся домой. В 6 час. 20 мин. вечера вышел вторично и пошел в булочную Филиппова на углу Селезневской ул⟨ицы⟩, откуда вышел и пошел домой. Более выхода не видали»¹²⁹.

На этом заканчиваются записи дневников наружного наблюдения за Маяковским в 1908 г. За скухими сведениями агентов, педантично фикси-

ровавших каждый шаг Маяковского, не всегда можно разглядеть его революционные связи. Но из автобиографии Маяковского и воспоминаний современников мы знаем, что в этом году он занимался партийной работой.

Из дневников же наружного наблюдения видно, что Маяковский ежедневно встречался с определенным кругом лиц, занимавшихся подпольной работой. Среди них — член социал-демократической партии С. С. Медведев, известный революционер И. И. Морчадзе. Нам не удалось выяснить, кто такой С. С. Трофимов, но наличие за ним длительной агентурной слежки говорит о том, что он был человеком, вызывавшим внимание полиции. Неизвестно также, кто жил в номерах на Никольской улице, куда часто ходил Маяковский. Но тот факт, что Морчадзе впервые был «взят» под наблюдение при выходе из этих номеров, наводит на мысль, что там жил кто-то из его окружения.

Мы знаем, что Маяковский участвовал в противоправительственной сходке в доме Дербеневой. Поездка же Маяковского на станцию Лосиноостровская, по-видимому, связана с событиями, о которых пойдет речь в следующем разделе.

IV

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАЯКОВСКОГО В 1909 г.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ С АДРЕСАМИ. — КТО ТАКАЯ ЕВСЕЕНКО? — АГЕНТУРНАЯ СЛЕЖКА ЗА МАЯКОВСКИМ В ЯНВАРЕ 1909 г. — ВТОРОЙ АРЕСТ. — ЧЕМ ЖЕ ЗАНИМАЛСЯ МАЯКОВСКИЙ? — ОРГАНИЗАЦИЯ ПОБЕГА ПОЛИТКАТОРЖАНОК

Как уже говорилось, 23 сентября 1908 г. распорядительное заседание Московского окружного суда признало Маяковского действовавшим при совершении преступления с разумением. 24 ноября дело поступило к прокурору Московской судебной палаты, и 23 декабря был составлен обвинительный акт.

В середине января секретарь Московской судебной палаты Зенькович занес в дело следующую справку:

«Определением палаты от 9 января 1909 г. постановляет(ся): дать делу ход, предоставив семидневный срок на вызов свидетелей»¹³⁰.

21 января были разосланы копии обвинительных актов. Из них: № 1074 — приставу Петровско-Разумовского участка гор. Москвы, № 1073 — Маяковскому, № 1075 — А. А. Маяковской¹³¹. Пристав Петровско-Разумовского участка запросил сведения о местожительстве Маяковского в адресном столе. 24 января оттуда сообщили:

«По сведениям Московского адресного стола — есть сын багдадского лесничего Владимир Владимирович Маяковский.

На жительство по Москве значился с ... Суцевской части 1<-го> участка, в доме Безобразова, № 28, кв. ... по 3<-й> Тверской-Ямской ул.

4 мая 1908 года выбыл в город Самару»¹³².

Получив справку, пристав Петровско-Разумовского участка отправил копии обвинительных актов в Самару¹³³.

20 января 1909 г. пристав 1-го участка Суцевской части доносил следователю Московской судебной палаты:

«Вследствие отношения от 8 апреля 1908 года, за № 699, уведомляю ваше высокоблагородие, что состоящий под надзором полиции по вверенному мне участку дворянин Владимир Маяковский из-под такового скрылся и о розыске его мною распоряжение сделано»¹³⁴.

3 февраля адресный стол города Самары ответил, что «В. В. Маяковский на жительство в г. Самаре не значится»¹³⁵. Повестки и копии обвинительного акта были, наконец, пересланы обратно в Москву. Но пристав Суцевской части был прав — Маяковского дома уже не оказалось.

10 февраля в Московскую судебную палату поступило заявление от Людмилы Владимировны — сестры Маяковского:

«В 3-й Уголовный департамент Московской судебной палаты,

Людмилы Владимировны
Маяковской

З а я в л е н и е

Ввиду того, что моего брата, Владимира Владимировича Маяковского, считают скрывающимся в городе Самаре, я, его сестра, заявляю, что он все время жил с семьей в гор. Москве, а летом в Соломенной сторожке Петровско-Разумовского участка. В данное время он находится в Суцевской части под стражей.

Л. Маяковская

10-го февраля.

Москва. Долгоруковская ул.
д. № 47, кв. 38»¹³⁶.

На заявлении надпись секретаря палаты:

«С п р а в к а

Определением палаты от 19 февраля 1909 года постановлено: затребовать сведения от смотрителя Суцевского дома, по какому распоряжению Владимир Маяковский содержится под стражей.

Секретарь Зенькович».

На этом же листе надпись: «Исполнено 26 февраля 1909 г. за № 4946»¹³⁷. В тот же день канцелярия уголовного отделения Московской судебной палаты направила отношение к смотрителю Суцевского полицейского дома. Последний переправил его к смотрителю Мясницкого полицейского дома, где содержался Маяковский. Смотритель прислал следующий ответ:

«Настоящую переписку препровождаю в канцелярию 3<-го> Уголовного департамента Московской судебной палаты, уведомляю, что Владимир Маяковский содержался по постановлению Московского охранного отделения, на основании § 21 высочайше утвержденного Положения об усиленной охране, и 28 минувшего февраля освобожден означенным отделением.

1 марта 1909 г.

Мясницкого полицейского дома смотритель (подпись)»¹³⁸.

Что же произошло с Маяковским? Почему он вдруг оказался под стражей?

В списке вещей, отобранных при обыске у Маяковского, значатся:
«1. Карманный блокнот с двумя адресами:

1) Божедомский переулок, дом Маркевича, кв. № 4.

2) Сретенка, Просвирный переулок, дом Журавлевых, кв. № 56, Елена Алексеевна.

2. Письмо от Евсеенко из Пречистенского полицейского дома на имя Маяковского Владимира Владимировича по адресу: Долгоруковская улица, дом № 47 Бутюгиной, кв. 38. Письмо содержит просьбу: принести кофточку, отдать белье в стирку, купить закусок, узнать, как дела на службе, похлопотать о свидании (Евсеенко с Маяковским). В письме описывается порядок содержания при охранном отделении и при Пречистенском полицейском доме»¹³⁹.

Мы заинтересовались, кто такая была Евсеенко и почему она писала Маяковскому, и нам удалось несколько яснее представить картину

палатой на три года крепости с зачетом срока предварительного заключения¹⁴³.

При обыске у П. Ф. Евсеенко полиция нашла и отобрала письма, записки, фотографии, 16 нелегальных брошюр, прейскуронт оружия. В протоколе ареста от 31 декабря 1908 г. сказано: «Евсеенко заявила, что вещи в комнате принадлежат ей, Веригина же пользуется ее вещами»¹⁴⁴. В деле Евсеенко сохранилась любопытная «записка», как значится в протоколе обыска, — размноженный на стеклоглафе список номеров извозчиков, состоявших на службе в полиции и шпионивших за пассажирами, адресов провокаторов и списки лиц и домов, за которыми велось наблюдение агентов тайной полиции. Этот список, вероятно, использовался подпольщиками, так как он чрезвычайно затерт от того, что носился в кармане¹⁴⁵.

Нелегальные издания, прейскуронт оружия и, наконец, «записка» говорят о том, что Евсеенко была не случайной знакомой Веригиной, как она показала на допросе¹⁴⁶, а имела отношение ко всей группе.

Евсеенко была привлечена к суду за укрывательство К. Г. Веригиной и находилась под стражей в Пречистенском полицейском доме. Вероятно, вскоре после ареста Евсеенко написала Маяковскому письмо, которое и отобрали у него 18 января. Как бы ответом на это письмо служит найденная в деле Евсеенко опись переданных ей вещей. Опись сделана рукой Маяковского:

«Для передачи Полине* Федоровне Евсеенко от Маяковского:

2 простыни

2 полотенца

мыло и гребень

3 руб. денег (три рубля)

Передает Владимир Владимирович Маяковский

{Получила Евсеенко»¹⁴⁷.

Но не переписка с П. Ф. Евсеенко привела ко второму аресту Маяковского. В деле Московского охранного отделения «О дворянине Владимире Владимировиче Маяковском» имеется справка, которая подтверждает связь Маяковского со всей группой арестованных в Лосиноостровской и других местах:

«Справка из дела № 463—1909 года.

При разработке группы грабителей (читай — экспроприаторов. — В. З.), ликвидированной в связи с делом в дачной местности „Лосиный остров“ в декабре 1908 года, наблюдался также имевший тесную связь с группой неизвестный — кличка наблюдения „Шар“, — оказавшийся Николаем Исаевым, который исключительно по агентурным сообщениям оставлен на свободе.

Наблюдением за „Шаром“ установлена связь его с целым рядом лиц, составивших, как установлено агентурой, отдельные грабительские шайки, с целью производства экспроприации. В январе 1909 года часть этих лиц была ликвидирована, причем обыску и задержанию подвергнулся дворянин Владимир Владимирович Маяковский, переписка о котором никуда не передавалась»¹⁴⁸.

Мы просмотрели дневники филерских наблюдений.

Из толстого и подробного дневника наблюдения за Николаем Дмитриевичем Исаевым («Шаром») узнаем, что 12 января 1909 г. на Патриарших прудах Исаев встретил двух молодых людей, с которыми разговаривал и заходил в столовую. Они получили клички «Сковородник» и «Котел». Первого из них филеры проводили в дом Волкова № 32, по 2-й Рогожской улице, во двор; второго — в дом Каштанова, по Сивцеву Вражку¹⁴⁹.

* Так в документе. — В. З.

На следующий день за ними была установлена индивидуальная слежка. И уже 15 января при наблюдении за «Котлом», как выяснилось впоследствии — Григорием Алексеевичем Петровым, была замечена его связь с Маяковским:

«15 января 1909 г.

С в е д е н и е

„Котел“ проживает в доме Каштанова, угол Сивцева Вражка и Денежного пер.

В 12 час. 30 мин. пришел „Сковородень“. В 4 час. вечера „Котел“ вышел вместе со „Сковородедем“ и с ним еще неизвестный господин, который был утерян 14 января на Грузинской ул(ице), кличка которому будет „Горшок“; на Арбатской улице расстались. „Сковородень“ пошел на Рождественку в трактир Чуева, откуда скоро вышел и пошел на Никольскую ул.; дойдя до Черкасского пер., вернулся и пошел по Никольской ул. обратно и у Верхне-Торговых рядов был упущен из виду, а „Котел“ и „Горшок“ у Смоленского рынка сели на конку, на Долгоруковской ул. пересели в трамвай и отправились в дом Бутюгиной № 47, во двор („Горшок“ был одет в енотовую шубу с капюшоном). В 5 час. вечера „Котел“ вышел вчетвером, т.е. „Котел“ и „Горшок“ (одетый в короткий черный пиджак), „Скорый“ и неизвестный и все пошли в Газетный пер., в дом Маньковой № 5, во дворе, последняя парадная налево, по-видимому кварт. № 25 или 26. В 8 час. вечера „Скорый“ вышел переодетый в пиджак, вместо пальто, с неизвестной барынькой. Проводив до Триумфальной площади, расстались: барынька пошла без наблюдения, а „Скорый“ вернулся обратно в дом Манькова по Газетному пер. В 10 час. вечера вышли вместе все четверо и пошли в пивную Мамыриной — угол Тверской и Газетного пер., где пробыли 30 м.; вышли, на Тверской расстались. „Скорый“ и неизвестный, которому кличка будет „Блин“, и пошли в дом Бутюгиной № 47, по Долгоруковской ул., где были оставлены в 12 часов ночи, а „Горшок“ с „Котлом“, дойдя до Охотного ряда, расстались. „Котел“ сел в трамвай и вернулся домой, более выхода не видали, а „Горшок“ сел в трамвай, у Красных ворот пересел на другой трамвай и на Землянке был упущен из виду в 11 ч. 45 м. ночи.

Из дома Бутюгиной „Горшок“ вышел, имея при себе футляр с ручкой верш(ков) 5 дл(ины), верш(ков) 3 шир(ины) и верш(ков) 2 толцины, с которым и был упущен»¹⁵⁰.

На документе сверху помета: «„Скорый“ кличк. стор.(?) от „Дубового“».

На следующий день охранка запрашивала надзирателя Суцевской части:

«16 января 1909 г.

По делу „Котла“

Полиц(ейскому) надзир(ателю) 1(-го) уч(астка)
Суцевской ч(асти)

Вьяснить негласно и довести подробно:

15 января в д. 47 Бутюгиной, по Долгоруковской ул., во двор проведены „Скорый“ и „Блин“, где и оставлены»¹⁵¹.

Надзиратель Суцевской части доложил:

«„Скорый“ проведен в кв. № 38 дома Бутюгиной, где проживают следующие лица:

Маяковская Александра Алексеевна, вдова коллежского секретаря, 46 лет, прибыла из д(ачи) Битрих Петровско-Разумовского участка 7 августа 908 года и дети:

Маяковская Людмила Владимировна, 22 лет.

Маяковская Ольга Владимировна, 20 лет.

Маяковский Владимир Владимиров, 17 лет, прибыли все из д(ачи) Битрих 7 августа 908 г.

Сиверс Анна Степановна, жена графа, коллежского секретаря, 23 лет; прибыла из того же дома 7 августа 908 г.

Туркия Олимпиада Степановна, дочь сухумского, 2-й гильдии купца, 25 лет, прибыла тогда же.

Хлестов Николай Иванов, [саратовский мещанин, 20 лет, прибыл 11 сентября 908 г.

Коридзе Сергей Семенов, дворянин Кутаисской губ., 27 лет, прибыл 19 августа 908 г.

Полицейский надзиратель (подпись).
20 января 908 г.»¹⁵².

Таким образом, в орбиту наблюдений полицейских агентов снова попали Маяковский и Морчадзе. Как потом узнала охранка ¹⁵³, неизвестный молодой человек, получивший кличку «Горшок», упущенный агентами на Землянке, был Герулайтис (под этой фамилией жил К. В. Сцепуро — член партии социалистов-революционеров).

Вернемся к слежке за Г. А. Петровым («Котлом»):

«16 января 1909 г.

С в е д е н и е

„Котел“ проживает в доме Каштанова по Сивцеву Вражку пер.

В 12 часов 35 мин. дня пришли к „Котлу“ „Горшок“, „Скорый“, „Блин“; спустя 20 м. туда же пришел „Шпиль“ ¹⁵⁴, где пробыли до 2-х часов дня; вышли все пятером; дойдя до Арбатской площади, сели в трамвай; на Средтенке, против Даева пер., слезли. „Котел“, „Шпиль“, „Блин“ и „Скорый“ пошли под наблюдением, а „Горшок“ доехал до Сухаревой площади, слез, пошел в столовую Лобова по Сухаревой площади, через 20 м. вышел, пошел в д. Никифоровой по Домниковской ул. во двор, где пробыл 30 мин., вышел и имел сверток мягкий в виде белья; дойдя до Сухаревой площади, встретил „Котла“, „Блина“ и „Скорого“, которые его ждали, сели в трамвай у Тверской заставы, пересели и поехали в Петровский парк, где были упущены из виду» ¹⁵⁵.

Полиция пыталась выяснить, кто проживает в доме Никифоровой:

«17 января 1909 г.

По делу „Котла“

Полиц(ейскому) надзир(ателю) 1(го) уч(астка)
Мещанской ч(асти)

Выяснить негласно и донести подробно:

16 января д(ом) Никифоровой, по Домниковской ул., во двор, на 30 м. посетил „Горшок“, откуда вышел со свертком в виде белья.

С п р а в к а

В № 28 Никифорова по Домниковской ул(ице) имеется четыре флигеля, из коих 28 квартир, которые преимущественно занимают кондуктора, носильщики и слесаря железных дорог. Кого посетил „Горшок“ в доме Никифорова, выяснить не представляется возможности. Кроме того, в упомянутом доме имеется прачечное заведение, которое содержит: Белоусов Константин Николаев, 27 лет, кр(естьянин) Угличского уезда, Покровской вол., дер. Буларева; при нем жена Евдокия Иванова, 25 л., приб(ыла) 23 октября 1908 г. с родины, п(аспорт выдан) вол(остным) правл(ением) от 2 апреля 1908 г., № 439, на 1 год.

Надзиратель (подпись).

19 января 1909»¹⁵⁶.

№ 1. Сидорова

По листу: Голосица

Писка, Владим. 1 кв. Суздальский 7

1909

Выдана в Москве в количестве ПОДРОБНО
№ 3 47 Бумажный, под
достоверности от 14. Выход
привалист: Северный, Бибико
и др. и остальные.

Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Бумажный под достоверности от
Судья: судья.

Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2

№ 2. Сидорова

По листу: Голосица

Писка, Владим. 1 кв. Суздальский 7

Выдана в Москве в количестве ПОДРОБНО

№ 3 47 Бумажный, под
достоверности от 14. Выход
привалист: Северный, Бибико
и др. и остальные.

Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Бумажный под достоверности от
Судья: судья.

Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2

№ 3. Сидорова

По листу: Голосица

Писка, Владим. 1 кв. Суздальский 7

Выдана в Москве в количестве ПОДРОБНО

№ 3 47 Бумажный, под
достоверности от 14. Выход
привалист: Северный, Бибико
и др. и остальные.

Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Бумажный под достоверности от
Судья: судья.

Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2
Судья: Представителю в ст. 2 2 2 2

СПИСОК ЖИЛЬЦОВ КВАРТИРЫ МАЯКОВСКИХ В ДОМЕ БУТЮГИНОЙ

Составлен по запросу Охранного отделения 16 января 1909 г.

Центральный исторический архив, Москва

Мы помним, что в доме Никифорова жила П. Ф. Евсеенко. Сопоставляя все известные факты, можно теперь понять, куда ходил Герулайтис («Горшок»). В Даевом же переулке, против которого сошла с трамвая вся группа, жил, как мы помним, С. С. Трофимов.

В тот же день — 16 января — началась индивидуальная слежка за Маяковским и Морчадзе:

«16 января 1909 г.

С в е д е н и е

„Скорый“ и „Блин“ проживают в доме Бутюгиной, № 47, по Долгоруковской ул<ице>.

Прихода „Горшка“ замечено не было, а в 11 ч. 30 м. утра вышли из дому втроем, т. е. „Скорый“, „Блин“ и „Горшок“ („Блин“ был одет в енотке) и отправились в Московский городской ломбард по проезду Страстного бульвара, где заложили енотку; через 20 м. вышли и отправились к „Котлу“, в д<ом> Каштановой, угол Сивцева Вражка и Денежного переулка. В 1 час 56 м. дня вышли „Скорый“, „Блин“, „Котел“ и „Шпиль“ и все вместе на Арбатской площади сели в трамвай. На Сретенке, у Даева переулка, „Скорый“ и „Блин“ слезли и были упущены из виду в 3 часа дня»¹⁵⁷.

Маяковский и Герулайтис, вероятно, ночевали у Петрова, так как на следующее утро Маяковского видели выходящим от Петрова.

«17 января 1909 г.

С в е д е н и е

„Котел“ проживает в д. Каштанова по Сивцеву Вражку.

В 11 часов 20 мин. утра „Скорый“ вышел из дома Каштанова со свертком, завернутым в серую шаль; пошел в Пречистенский полицейский дом, в контору смотрителя, там оставил сверток, вышел и вернулся в дом Каштанова. В 12 часов 10 мин. дня вышли „Котел“, „Горшок“ и „Скорый“, пошли в дом Бутюгиной по Долгоруковской улице, там пробыли 40 минут, вышли. „Скорый“ имел при себе сверток в трубку; вошли в дом Злоказовой, а „Котел“ заходил в булочную Филиппова на углу Подвесков, купил булок и пошел. Там пробыли 40 мин., вышли все, „Скорый“ с тем же свертком; пошли на Никольскую улицу, в аптекарский магазин Столкиндр, через 20 мин. вышел без свертка, пошли в столовую и чайную лавку по Сухаревой площади, там пробыли 1 час 30 мин., вышли на Сухаревой площади. „Котел“ отделился, пошел под наблюдением, сел в трамвай на Арбатской площади слез, пошел в дом Тшенинова по Годаинскому пер., во дворе; через 25 минут вышел и вернулся домой. А „Горшок“ и „Скорый“ пошли в дом Локтева, № 59, по 1-й Мещанской улице, в парадное; там пробыли 20 мин., вышли, у Сухаревой башни сели в трамвай. На Арбатской площади слезли, пошли в дом Каштанова, где живет „Котел“, откуда выхода не выдали»¹⁵⁸.

В Пречистенский полицейский дом Маяковский, наверное, относил вещи П. Ф. Евсеенко, взятые накануне Герулайтисом в доме Никифоровой.

Наблюдения за Маяковским за этот день целиком повторяют публикуемые «сведения» о Петрове. Они начинаются с момента появления Маяковского, Герулайтиса и Петрова в доме Маяковского.

На следующий день, вероятно, охранка дала распоряжение арестовать всю группу.

«18 января 1909 г.

С в е д е н и е

Маяковский В. В.

„Скорый“ и „Блин“ проживают в доме Бутюгиной по Долгоруковской ул.

В 11 час. утра вышел из дома „Скорый“; дойдя до Садовой, был арестован и препровожден в 1-й Суцевский участок. В 4 часа 10 мин. вечера при-

ехал на трамвае „Горшок“, имел при себе сверток, завернутый в газетную бумагу, длиной в 6 вершков, ширина 4 вершка, толщиной 1 вершок, и пошел в дом Бутюгиной, где проживает „Скорый“, откуда выхода не выдали, а „Блина“ в течение дня выхода и прихода не выдали¹⁵⁹.

На документе последние даты написано крупно красным карандашом и подчеркнуто: «арестован».

В этот же день взяли Г. А. Петрова, а спустя два дня был арестован на улице человек, встречавшийся нам под кличкой «Сковородень». Он назвался Иваном Ивановичем Барановым. По счастливой случайности, избежал ареста только Морчадзе.

Мы видим, что Маяковский продолжал встречаться с теми же людьми, с которыми он виделся летом 1908 г. Встречи с этими людьми привели ко второму аресту Маяковского.

В Сущевской части, куда доставили Маяковского, был составлен следующий протокол:

«1909 года, января 18 дня, в 11 ч. утра, околоточный надзиратель 1(-го) участка Сущевской части Пантелеймонов составил настоящий протокол о нижеследующем: в сказанное время членом охранного отделения задержан и доставлен в управление участка неизвестного звания мужчина, назвавшийся потомственным дворянином Владимиром Владимировичем Маяковским, 15 лет, но на вид ему около 21 года.

При обыске Маяковского оказалось при нем в карманах: две записных книжки, одно письмо, одна фотографическая карточка, билет за № 51, два куска старой газеты, перочинный нож, резинка для стирания карандаша. О чем составлен настоящий протокол, который представляется на распоряжение г. пристава.

Окол(оточный) надзират(ель) П а н т е л е й м о н о в¹⁶⁰.

Московский градоначальник вынес следующее постановление о производстве обыска у Маяковского:

«1909 года, января 18 дня, я, московский градоначальник генерал-майор Адрианов, получив сведения, дающие основания подозревать дворянина Владимира Владимировича Маяковского в политической неблагонадежности, руководствуясь § 24 высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 года Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, постановил: произвести у названного лица обыск, подвергнув его задержанию, впредь до выяснения обстоятельств дела, независимо от результатов обыска.

Генерал-майор А д р и а н о в¹⁶¹.

На основании этого постановления в тот же день 18 января на квартире Маяковских был учинен обыск, в протоколе которого говорилось:

«1909 года, января 18 дня, я, старший помощник пристава 1(-го) участка Сущевской части капитан Алексеев, согласно предложения московского градоначальника, переданного в ордере Охранного отделения от сего числа за № 47, в 1 час дня прибыл с нижеподписавшимися понятыми в дом Бутюгиной, по Долгоруковской улице, в квартире № 38, занимаемую женою коллежского асессора Александрой Алексеевной Маяковской, и в порядке § 21 Положения к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, высочайше утвержденного 14 августа 1881 года, произвел обыск во всей квартире. Опись отобранными вещам при сем прилагается.

Квартира находится в двухэтажном деревянном доме, в нижнем этаже, и состоит из шести комнат, из которых две сданы в наем.

Во времени моего прибытия в квартире находились: хозяйка квартиры Александра Алексеевна Маяковская, дочери Людмила и Ольга Владими-

ровны Маяковские и квартирантка, дочь купца Олимпиада Степановна Туркия; другая квартирантка, жена графа Сиверс, Анна Степановна, отсутствовала, о чем и постановлено записать в настоящий протокол.

Старший помощник пристава <подпись>.

При обыске присутствовала Олимпиада Степановна Туркия.

При обыске в принадлежащем мне сундуке, но не запертом и стоящем в общем коридоре, близ выходной парадной двери, оказался револьвер системы „Браунинг“, кому принадлежит револьвер, я не знаю.

Александра Алексеевна Маяковская
Понятые (подписи)»¹⁶².

На предметы, которые показались полиции подозрительными, составили опись, а вещи отобрали.

«Опись

предметов, оказавшихся 18 января месяца 1909 года при производстве обыска в кв. Маяковской Александры Алексеевны в доме Бутюгиной по Долгоруковской ул.:

№ по порядку	Наименование вещей	Число вещей	Отметка
	Олимпиада Степановна Туркия		
1	Закрытые письма	23	
2	Визитные карточки	2	
3	Адресов	4	
	Анна Степановна Сиверс		
1	Финский нож	1	
2	Открытка «Обыск»	1	
	Ольга Владимировна Маяковская		
1	Открыток	4	
	Людмила Владимировна Маяковская		
1	Открытка «Спиридонова»	1	
	Владимир Владимирович Маяковский		
1	Карточка фотографическая	1	
2	Картинка	1	
	Александра Алексеевна Маяковская		
1	Револьвер «Браунинг» № 330044 с заряженной обоймой	1	

Старший пристав (подпись)»¹⁶³.

В квартире Маяковских была оставлена засада. На следующий день полицейский надзиратель доносил охранному отделению:

«Имею честь донести охранному отделению, что во время засады в д(оме) Бутюгиной по Долгоруковской ул(ице), в кв. № 38 Маяковской, пришли и задержаны следующие лица:

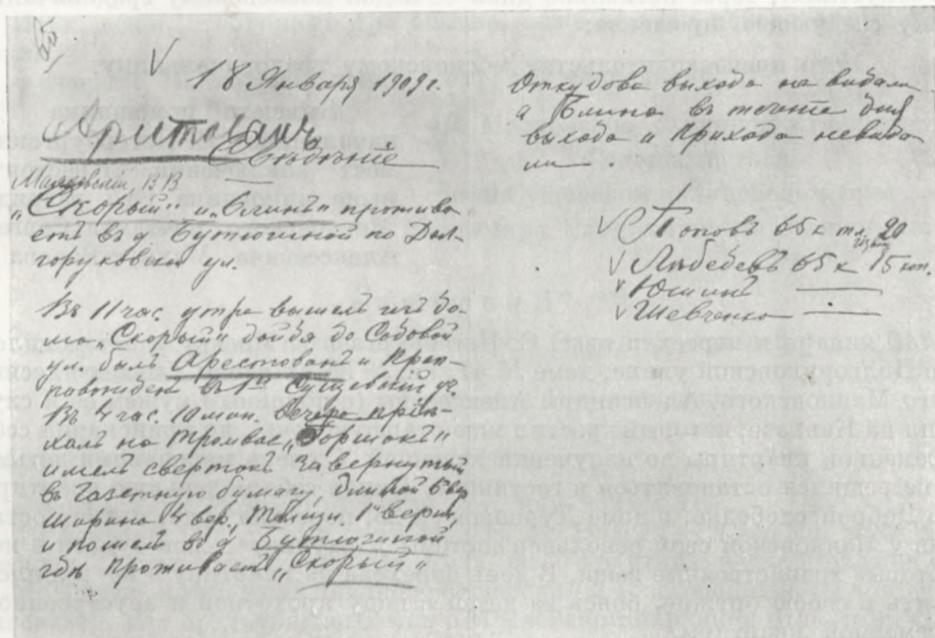
В 5 час. дня 18-го числа пришел в квартиру Иван Мартушевич Герулайтис (под ключикой „Горшок“); того же числа в 8 час. вечера пришел студ(ент) Моск(овского) унив(ерситета) Андрей Самсонович Арджеванидзе. 19-го числа, в 11 час. утра, пришел Николай Иванович Хлестов, ученик филармонического училища. В 1 час дня пришел студент Моск(овского) унив(ерситета) Михаил Самсонович Арджеванидзе. В 2 часа пришел помощник начальника Спб. одиночной тюрьмы Сергей Алексеевич Махмут-Беков.

Все упомянутые лица задержаны и препровождены в 1<-й> участок Суцевской части. При личном обыске у всех задержанных, кроме мелких записок, ничего не найдено.

(Помощник надзирателя (подпись)

19 января 1909 г.»¹⁶⁴.

Кроме указанных выше, в квартире Маяковских были задержаны знакомые сестер Маяковских и знакомые соседей. Всех их, после проверки документов, освободили.

СТРАНИЦЫ «ДНЕВНИКА НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ» ЗА МАЯКОВСКИМ
МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ 18 ЯНВАРЯ 1909 г.

Сверху помета: «Арестован»

Центральный исторический архив, Москва

Вечером 19 января в засаду попал Морчадзе, его также отправили в Суцевскую часть, но 20-го числа, после установления личности, он был отпущен. Почему-то его документы у полиции не вызвали подозрений.

21 января состоялся первый допрос Маяковского. На предложенные вопросы Маяковский ответил:

«Пистолет системы „Браунинг“, найденный во время обыска в нашей квартире, принесен, вероятно, кем-либо из приходивших ко мне моих знакомых. Но кем именно он принесен, я не знаю. Может быть, что „Браунинг“ принесен кем-либо из знакомых живущей в квартире нашей Олимпиады Туркия. Ни к каким политическим партиям я не принадлежу.

Владимир Владимирович М а я к о в с к и й
Поручик (подпись)»¹⁶⁵.

Хранение браунинга было наиболее тяжелой уликой во всем деле. Л. В. Маяковская в своих воспоминаниях писала, каким образом им удалось вызвать своего знакомого С. А. Махмут-Бекова, который имел право на ношение оружия и мог, поэтому, помочь.

«В то время, — вспоминала Л. В. Маяковская, — так как у нас были жильцы, у нас жила домашняя работница Наталия Савкина. В этот день пришел ее муж, работавший в железнодорожных мастерских. Мы написали записку С. А. Махмут-Бекону и ждали его помощи. Эту записку мы передали через Савкину, которая делала вид, что относится к нам плохо, чтобы не вызвать подозрения. Благодаря этому, выпустили ее мужа из квартиры, и он передал записку по назначению»¹⁶⁶.

Вероятно, получив записку, С. А. Махмут-Бекон пришел к Маяковским. Его, как мы уже знаем, задержали, отправили в Сущевскую часть и вскоре отпустили. Через несколько дней он подал московскому градоначальнику следующее прошение:

«Его превосходительству московскому градоначальнику.

Бывшего помощника
начальника С.-Петербургских
мест заключения „Крестов“,
ныне чиновника 1-го разряда
Московского почтамта Сергея
Алексеевича Махмут-Бекова

П р о ш е н и е

10 января я переехал из г. С.-Петербурга в г. Москву и остановился по Долгоруковской улице, доме № 47, кв. № 38, у вдовы бывшего лесничего Маяковского, Александры Алексеевны (с покойным мужем ее я служил на Кавказе, который крестил мою старшую дочь), до приискания себе временной квартиры до получения казенной. С очень маленькими детьми я не решился остановиться в гостинице. Наняв себе маленькую квартиру по Доброй слободке, в доме Дурновой № 25, переехал туда, причем оставив у Маяковской свой револьвер системы „Браунинг“, свои бумаги и некоторые хозяйственные вещи. В день перехода на квартиру я не решился взять с собою оружие, боясь за детей в виду крохотной и неустроенной временной квартиры.

На ношение этого револьвера, № которого я не помню (так как их у меня было не один), я имел право по должности до 15 января, а по переводе моем в Почтовое ведомство я просил тотчас же ходатайства московского почт-директора перед вашим превосходительством о разрешении мне ношения оружия ввиду угрожающей мне опасности со стороны революционеров (так как на меня были неоднократные покушения) и неудовольствия арестантов.

18 или 19 января, я твердо не помню, поехал по поручению жены за оставшимися вещами и, кстати, за своим револьвером к упомянутой выше Маяковской, причем наткнулся на засаду, устроенную в этом доме полицией Сущевской части. Здесь я был подвергнут обыску и, по моей же просьбе, я был отправлен в Сущевскую часть, где, по удостоверении моей личности, я был немедленно отпущен.

Несмотря на мою просьбу, до сих пор я револьвера своего не получил, хотя об этом я тогда же просил г. дежурного офицера. Ввиду вышеизложенного, я решил besпокоить ваше превосходительство с покорнейшей просьбой приказать, кому следует, возвратить мне мой револьвер по моему адресу: Добрая слободка, д(ом) № 25 Дурновой, кв. № 5.

М а х м у т - Б е к о в

28/I—1909 г.
Москва»¹⁶⁷.

Проверив у московского почт-директора, обращался ли Махмут-Бекон за разрешением на право ношения оружия к нему или нет, и получив

утвердительный ответ, московский градоначальник решил вернуть браунинг¹⁶⁸. Таким образом, самая важная из имеющихся улики отпала.

В ведомостях «о результатах осмотра предметов», отобранных при обыске 18 января у Ольги Владимировны и Людмилы Владимировны Маяковских, значится: «Четыре открытых письма без текста, с рисунками нелегального содержания» и «открытое письмо с портретом политической ссыльно-каторжной Спиридоновой»¹⁶⁹. Документы, отобранные у О. С. Туркия, были ей возвращены, так как «письма носят характер семейный и для дела не представляют надобности»¹⁷⁰. Финский нож, взятый у А. С. Сиверс, также был возвращен.

Итак, вещи, отобранные при обыске, тоже не дали повода для обвинения.

8 февраля Маяковский подал в охранку заявление:

«В Московское охранное отделение.
Содержащегося
при Суцьевском полицейском доме
Владимира Владимировича Маяковского

З а я в л е н и е

Покорнейше прошу вас вызвать меня в Охранное отделение для дачи дополнительных показаний.

Владимир Владимирович
М а я к о в с к и й

8 февраля 1909 г.»¹⁷¹.

Вызывали ли Маяковского или нет, нам неизвестно.

10 февраля 1909 г. был допрошен Е. М. Власов — владелец дачи на станции Лосиноостровская, где была штаб-квартира экспроприаторов. Е. М. Власов, не имевший никакого отношения к арестованным, на допросе рассказал: «Из предъявленных мне в Московском охранном отделении фотографических карточек я узнал двоих, а именно: Петрова Александра и Герулайтиса Ивана, которые приходили на мою дачу к Дмитрию Сидоркину¹⁷². Петров приходил 10 декабря 1908 года, в 1 час дня, а Герулайтис был 12 декабря 1908 года, в 3 часа дня»¹⁷³. Так подозрения охранки о связи группы Герулайтиса с событиями на станции Лосиноостровская получили новое подтверждение.

Московский градоначальник посылает отношение директору Департамента полиции:

«Прошу ходатайства (<о> продлении срока ареста Владимиру Маяковскому, Ивану Герулайтис, Григорию Петрову, Василию Долгову, Александру Петрову, арестованным 18 января партии грабителей.

Генерал-майор А д р и а н о в

13 февраля 1909 г.»¹⁷⁴.

Департамент полиции телеграфировал: «Продление срока ареста министром разрешено»¹⁷⁵. На основании разрешения министра выносится постановление:

«1909 года, февраля 14 дня, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Паструлин, ввиду полученного уведомления директора Департамента полиции, изложенного в телеграмме от 13 сего февраля за № 376, на имя московского градоначальника, о том, что его высокопревосходительство министр внутренних дел, на основании примечания к ст(атье) 33 Положения о государственной охране, разрешил продлить срок содержания под стражею находящемуся под арестом в Суцьевском полицейском

доме Владимиру Владимировичу Маяковскому впредь до разрешения вопроса о высылке его, — постановил: объявить об изложенном вышеупомянутому Маяковскому под его собственную расписку на настоящем постановлении.

Подполковник П а с т р ю л и н

Настоящее постановление мне объявлено февраля 16 1909 г.

М а я к о в с к и й» 176.

Таким образом, Маяковскому грозила административная ссылка. Родные и знакомые Маяковского принимали все меры, чтобы добиться освобождения его на поруки.

«Его превосходительству господину московскому градоначальнику.

Вдовы коллежского асессора
Александры Алексеевны Маяковской

П р о ш е н и е

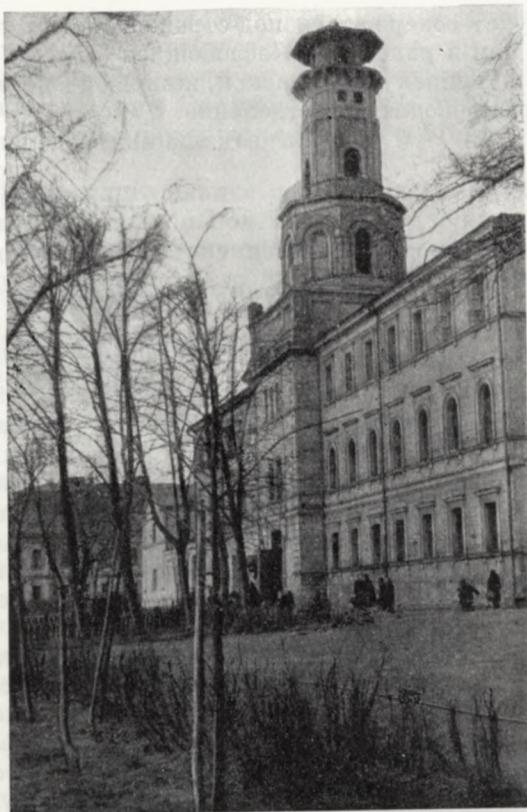
Муж мой прослужил 24 года на Кавказе и умер 3 года тому назад, будучи лесничим, и оставил меня без всяких средств стремя учащимися детьми. Не имея возможности там дать им образование, я переехала в Москву. Старшая дочь по окончании института поступила в Строгановское художественное училище, вторая в этом году кончает гимназию, сына же Владимира, 13-ти лет, я определила в гимназию, откуда через год его пришлось взять по болезни (катарр легких) и за отсутствием средств. Вот этого-то мальчика, ваше превосходительство, сына отца, беззаветно и безупречно прослужившего 24 года, ныне обвиняют в политических преступлениях. 18 января сего года, по распоряжению местной полиции, у меня дома произвели обыск, в отсутствие сына, оказавшегося арестованным на улице; при обыске ни у него, ни в доме ничего предосудительного не было найдено, за исключением револьвера, оказавшегося в незапертом сундуке в коридоре. Присутствие этого револьвера меня страшно поразило, а потому я и сказала, что не знаю, кому он принадлежит. По счастью, это недоразумение тут же выяснилось в присутствии полиции: владельцем его оказался мой кум, помощник начальника С.-Петербургских мест заключения Махмут-Беков, перешедший на службу в Москву и остановившийся на несколько дней у меня. Оказывается, переходя, он бросил револьвер в сундук, крикнув об этом мне, выходя, в дверях, но я, должно быть, за шумом перевозки не расслышала.

Участь этого мальчика и благополучие всей семьи зависит исключительно от вас, ваше превосходительство. Я не допускаю, чтобы мой сын был каким-либо организатором или членом какой-либо преступной партии. В прошлом году он случайно был задержан на квартире, в которой была засада, его арестовали, но скоро выпустили. Это обстоятельство послужило поводом к подозрению, и он все время находился под надзором. В продолжение этого времени он во 1) занимался на вечерних классах в Строгановском училище, 2) готовился на аттестат зрелости и в 3) зарабатывал рисованием несчастные гроши; таким образом, он был все время занят.

Он пользуется пособием Министерства государственных имуществ, и если этот арест продлится, его могут лишить такового, тогда он погибнет без образования, даже среднего, так как я не имею средств даже для существования. Прибегая к вашей справедливости, я уверена, что ваше превосходительство своим судом накажет, если найдет нужным, этого мальчика. Прикажете Охранному отделению отдать его на поруки мне, не высылая его из пределов Москвы (где он без семьи и средств погибнет), дайте нам

ЗДАНИЕ БЫВШЕЙ СУЩЕВСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЧАСТИ. ЗДЕСЬ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО И ВТОРОГО АРЕСТОВ СОДЕРЖАЛСЯ МАЯКОВСКИЙ

Фотография В. Ф. Земскова, 1957 г.

возможность доказать, что мы люди исключительно труда, не принимающие никакого участия в каком-либо преступном деянии.

Александра Маяковская

12 февраля 1909 г.

Москва. Долгоруковская улица, д. 47, кв. 38¹⁷⁷.

На документе надпись: «Охр. отд. 14 февр. 1909 г. Прошу справку» и помета: «Срочно».

Охранное отделение прислало следующую справку:

«Секретно».

Справка

Маяковский Владимир Владимиров арестован с 18 января ввиду сношения с анархистами-грабителями, содержится в Сущевском полицейском доме; всех задержанных по этому делу 6 человек и содержатся они под стражей до выяснения обстоятельств дела, вызвавших их задержание. 17 февраля 1909 г.»¹⁷⁸.

На документе надпись: «К свед(ению). Сообщить просит(ельнице), что до выяснения дела об освобождении хлопотать нечего. (Подпись) 23/II».

Московское охранное отделение направило в Сущевскую часть предписание:

«Приставу 1(го) участка Сущевской части.

Вследствие прошения вдовы коллежского ассессора Александры Алексеевны Маяковской, Отделение просит объявить ей, что сын ее Владимир

будет содержаться под стражей впредь до выяснения обстоятельств дела о нем и ранее этого освобожден быть не может.

Расписку Маяковской, живущей в доме № 47 по Долгоруковской улице, препроводить в отделение.

За начальника отделения помощник,
подполковник (подпись).
Делопроизводитель (подпись)»¹⁷⁹.

На документе расписка А. А. Маяковской:

«1909 г., 28 февраля, содержание настоящего предписания мне объявлено.

Александра Алексеевна М а я к о в с к а я
Пристав подполковник (подпись)».

Пока прошение А. А. Маяковской ходило по инстанциям, всех арестованных освободили. К концу февраля было закончено следствие по делам основной группы экспроприаторов. Так как у полиции, вероятно, никаких других доказательств, кроме сведений от агентов наружного наблюдения о связи между основной группой и арестованными на квартире у Маяковских, не было, то, «ввиду безрезультатности обысков и отсутствия достаточных улик, все упомянутые лица, по выяснении их легальности, были изпод стражи освобождены»¹⁸⁰.

Маяковский вышел на свободу в тот день, когда Александра Алексеевна получила отказ на прошение о его освобождении. В отношении Герулайтиса полиция выяснила, что он жил под чужим паспортом. Из-за упорного отказа Герулайтиса назвать свою фамилию полиция заключила, что перед нею крупный государственный преступник. Для выяснения его личности были разосланы фотокарточки Герулайтиса во всевозможные учреждения. Он был предан суду как бродяга и выслан в Туруханский край¹⁸¹.

Итак, на следствии выяснились дополнительные факты, подтверждавшие связь группы Герулайтиса с Лосиноостровской группой экспроприаторов, но и оно не показало, чем именно занималась группа, в которую входил Маяковский.

Сведения об этом можно найти в автобиографии Маяковского и в мемуарах. «Живущие у нас — Коридзе (нелегальн. Морчадзе), Герулайтис и др. ведут подкоп под Таганку <...>», — писал Маяковский (I, 17). По воспоминаниям Морчадзе мы знаем, что осенью и зимой 1908 г. Морчадзе и его товарищу по партии социалистов-революционеров Сценуро была поручена организация побега из Таганской тюрьмы группы заключенных.

«План состоял в следующем, — писал Морчадзе, — с берега Москва-реки, пройдя по водосточной трубе по ул(ице) Б. Каменщики до стены Таганской тюрьмы, мы должны были свернуть налево у этой стены и провести подкоп под баню этой тюрьмы, расположенной по тюремной стене в метрах 40. Материальные средства на это я получил от тов. Н. Суханова, а техническую сторону должен был выполнить я с товарищем. Все шло великолепно, и подкоп мы довели бы до конца, но случилась не от нас зависящая история, которая положила конец дальнейшему ведению дела. По неосторожности ли тех товарищей из Таганской тюрьмы, для которых готовился этот подкоп, или, быть может, по провокации кого-либо, охранка прослышала об этом и, в результате, хотя сам подкоп и не был обнаружен охранкой, но, ввиду усиленной слежки за тюрьмой, дальнейшее продолжение дела стало невозможным»¹⁸².

«Зная наше сочувствие революции, — вспоминала Л. В. Маяковская, — организаторы подкопа привлекли нашу семью к подготовительным работам. Мама шила колпаки для участников земляных работ и давала ночлег нелегальным.

На наше имя велась конспиративная переписка, у нас устраивались встречи для переговоров, мама носила в тюрьму передачи и т. д.»¹⁸³.

Так как квартира Маяковских находилась далеко от места подкопа, то Морчадзе и Герулайтис сняли комнату в доме Смирнова, № 419, по Земляному валу, и, как это видно из слежки, продолжали бывать у Маяковских.

Таким образом, второй арест Маяковского явился результатом слежки филеров за группой, подготавливавшей подкоп под Таганскую тюрьму. Скорее всего, полиция не знала о существовании подкопа, а предполагала участие всех членов группы в организации экспроприаций. Арест был предпринят полицией в качестве профилактической меры.

Для организаторов подкопа обстановка складывалась неблагоприятно. Сначала они заметили за собой слежку, потом последовали аресты и, наконец, высылка Герулайтиса, одного из активных участников подкопа,— все это заставило прекратить работы, а затем и вообще ликвидировать подкоп.

Дальнейшие события привели к тому, что Морчадзе стал одним из организаторов побега 13 политкаторжанок из Новинской тюрьмы. К организации этого побега был близок и Маяковский.

Через несколько дней после ликвидации подкопа к Морчадзе пришел незнакомый ему человек, назвавшийся Василием Калашниковым. Он принес ему записку от каторжанки Е. Матье, сидевшей в женской Новинской тюрьме. В записке содержалась просьба, от имени всех политкаторжанок, принять участие в организации побега. Оказалось, что

К. В. СЦЕПУРО (И. М. ГЕРУЛАЙТИС)

Фотография, 1916 г.

Собрание Т. В. Сценуро, Москва

Калашникову рекомендовали обратиться к Морчадзе как к специалисту по подобным делам¹⁸⁴.

Известно, что Калашников жил в одном доме с В. И. Вегером (д. № 8, Шерстнева, по Волкову переулку). Можно предположить, что именно Вегер направил Калашникова к Морчадзе, так как, несомненно, знал о последнем от Маяковского.

Василий Калашников еще в Петербурге во время процесса социал-демократической фракции II Государственной думы принимал меры к устройству побега одной из участниц процесса, Анны Ивановны Морозовой, члена военной организации РСДРП(б), осужденной Особым присутствием сената 1 декабря 1907 г. на пять лет каторжных работ. После перевода Морозовой в Москву Калашников продолжал поиски возможностей для осуществления побега. Он завязал знакомство с надзирательницами Новинской тюрьмы, куда поместили Морозову. Так как она содержалась в общей камере, побег мог быть предпринят совместно со всеми заключенными в этой камере.

«Состав камеры был пестрый, но очень крепкий, — писала одна из участниц побега Е. Д. Никитина, — социал-демократок — 4 чел.: три — по делам военной организации и одна — за типографию; социалистско-революционерок — 9 чел.: две — по военной и семеро — по боевым организациям; анархисток — 2; беспартийных — 2. Кроме того, в камере сидели две уголовных женщины и с ними две девочки 3—4 лет — Муся и Марфушка. Впоследствии состав камеры несколько изменился, но основное ядро осталось то же»¹⁸⁵.

Публикуемые ниже отрывки из справки Охранного отделения дают яркое представление о людях, которые помогали побегу, о социальном составе этой группы:

«Из числа вышепоименованных лиц в делах Охранного отделения имеются неблагоприятные в политическом отношении сведения о нижеследующих:

1) Владимир Калашников 18 мая 1906 года был арестован в Москве по сношениям с родным братом Александром Калашниковым, членом летучего боевого отряда партии социалистов-революционеров, организовавшего 14 мая 1906 года покушение на коменданта Неплюева в Севастополе; 23 июня из-под стражи освобожден без всяких для него последствий.

2) Василий Калашников 18 мая 1906 года был арестован по тому же делу. По обыске в его квартире, где он проживал с сожительницей своей Ниной Морозовой, обнаружена компрометирующая переписка, значительное число брошюр и прокламации Российской социал-демократической рабочей партии, одно шифрованное письмо, два чистых бланка свидетельств на право временного проживания от имени Нижегородского городского полицейского управления и одно письмо на имя сожительницы Калашникова, Нины Морозовой, в котором необнаруженный автор, между прочим, пишет: „Помните, я вам рассказывал про своего товарища, необыкновенного химика, который все время проводил за выделкой „орехов“. На днях у него в руках разорвалась бомба. Вышибло окно, потолок. Его ранило во все части тела, кроме лица; главное обжог. Ему сейчас 19 лет...“ 21 сентября 1907 года Василий Калашников был арестован в гор. С.-Петербурге в квартире известного С.-Петербургскому охранному отделению редактора журнала „Былое“, Павла Елисеева Щеголева. При задержании Калашников первоначально отказывался дать сведения о своей личности. Ввиду возникшего сомнения в личности Калашникова, а также ввиду обнаружения у него писем для передачи арестантам в места заключения, он был препровожден этапным порядком в Москву, а затем, по удостоверении его личности, возвращен обратно в распоряжение Петербургского охранного отделения, которым и был из-под стражи освобожден.

НОВИНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ТЮРЬМА. ОТСЮДА 1 ИЮЛЯ 1909 г. БЫЛ СОВЕРШЕН ПОВЕГ
13 ПОЛИТКАТОРЖАНОК

В организации этого побега принимал участие Маяковский
Фотография В. Ф. Земскова, 1956 г.

помощник начальника С.-Петербургских мест заключения, а ныне чиновник 1<-го> разряда Московского почтамта Сергей Алексеевич Махмут-Беков, оставлен был у Маяковского в квартире им, Махмут-Бековым, которому разрешено хранение у себя огнестрельного оружия. 27 февраля сего года Маяковский был освобожден из-под стражи без всяких для него последствий.

10) Наталия Смирнова 22 июня 1908 года была арестована в Москве на собрании народных учителей и учительниц, организованном местной группой партии социалистов-революционеров с целью ознакомления с программой этой партии<...>

11) Мальвина Бергман в ноябре 1908 года была арестована в Москве при ликвидации Московской окружной организации Российской социал-демократической рабочей партии<...>

12) Анна Константинович, по совершенно секретным сведениям, в 1908 году входила в состав особой финансовой комиссии при Московском окружном комитете Российской социал-демократической рабочей партии.

13) Тамара Спокойная 7 марта 1909 года была обыскана по совместному жительству с своей сестрой, ныне высланной под гласный надзор полиции в гор. Тверь, Ревеккой Соломоновной Спокойной, причем по обыску у Тамары Спокойной обнаружены открытые письма с фотографиями государственных преступников и видных революционных деятелей.

14) Пелагея Пустынова-Романова 27 августа 1906 года была обыскана ввиду ареста сына ее Михаила Егорова Пустынова, серьезного деятеля партии социалистов-революционеров<...>

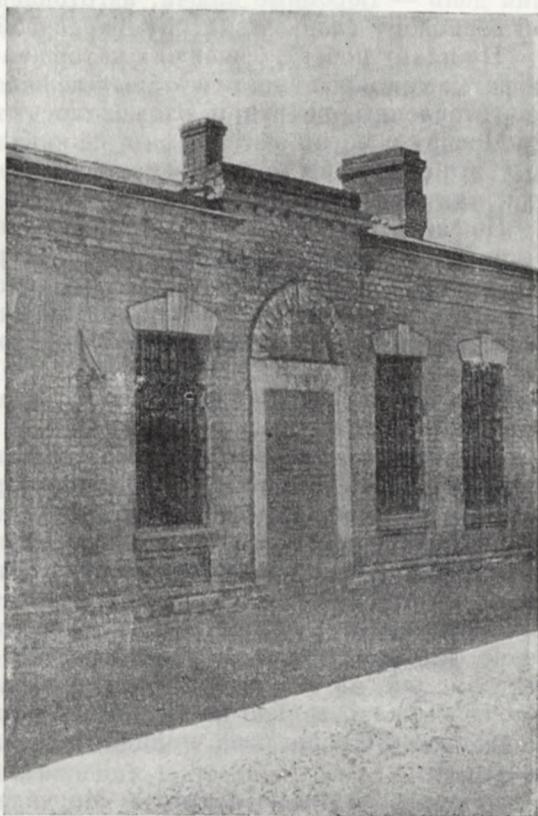
15) Николай Астров с 1904 года известен своим крайне либеральным направлением. В настоящее время он является одним из лидеров конституционно-демократической партии.

16) Мария Трескина в январе 1909 года подлежала обыску по делу обнаруженной в гор. Москве тайной типографии Московского комитета РСДРП, в которой печатался журнал „Рабочее знамя“, но до производства обыска Трескина выбыла из Москвы, не указав адреса.

17) Юлия Липинская с 1902 года известна Московскому охранному отделению принадлежностью своей к РСДРП. 21 апреля 1902 года она была обыскана по принадлежности к местной организации означенной партии, но ввиду безрезультатности обыска оставлена на свободе. Впоследствии Липинская примкнула к партии социалистов-революционеров и 21 января 1907 года была арестована на собрании лиц, принадлежавших к группе максималистов, арестованных в столовой Шимкевич. Ввиду безрезультатности проведенного у нее обыска, она через несколько дней после ареста была освобождена»¹⁸⁸.

Таким образом, как заключенные, так и их освободители являлись в большинстве своем представителями двух партий — социал-демократов и социалистов-революционеров. Многие (и даже такие, как Морчадзе) считали, что побег подготавливался внепартийной группой. По всей вероятности (об этом свидетельствует в своих воспоминаниях В. И. Вегер), группа действовала с одобрения МК РСДРП(б).

«После долгих усилий и проектов, — вспоминал Морчадзе, — наконец был выработан план побега, совместно с каторжанками. Он заключался в следующем. При помощи Тарасовой (надзирательница тюрьмы, помогавшая бежать заключенным), запасаемся своими ключами <от> тюремной камеры № 8, в которой сидели каторжанки, а также ключом от конторы, через которую нужно было пройти бежавшим. Посредством нее же переправляем в тюрьму платье, деньги и все прочее, необходимое для побега.

ДВЕРЬ НОВИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ТЮРЬМЫ. ИЗ ЭТОЙ ДВЕРИ ПОЛИТКАТОРЖАНКИ ВЫШЛИ ВО ВРЕМЯ ПОБЕГА 1 ИЮЛЯ 1909 г.

Позднее дверь была заложена

Фотография В. Ф. Земскова, 1956 г.

В назначенный день побега Тарасова угощает своих приятельниц-надзирательниц пирожными, начиненными снотворным веществом. Таким путем, при помощи снотворного вещества напаиваем в пивной и надзирателя Федорова, единственного мужчину на посту внутри тюрьмы, который спал всегда на ларе и у которого ночью хранились ключи от выходных дверей (на улицу) конторы. Все каторжанки разделяются на две группы — сильную и слабую. Одна из бежавших принимает на себя роль начальницы тюрьмы в том расчете, чтобы при первом взгляде тюремные надзирательницы, в том числе и дежурившая в ночь побега в конторе тюрьмы, могли бы принять их за ночной обход. Для этой цели мнимая начальница одевается в такое же платье, которое обыкновенно носит начальница тюрьмы, и в назначенный час для побега каторжанки ждут нашего сигнала с воли и после этого действуют по вышесказанному. Вот приблизительный план, который был выработан; но он не был окончательным и требовал более детальной разработки.

«...»Я получил от каторжанок через Тарасову письмо, в котором они требовали назначить побег в ночь на 1 июля 1909 г. и сообщали, что у них есть сведения, что после 1 июля 1909 г. внутренний распорядок тюрьмы меняется, и этим надолго, если не навсегда, отодвигается побег. До первого числа оставалось всего два дня, и вот за эти два дня нужно было успеть все сделать: заготовить собственные тюремные ключи, платье, деньги и технически выполнить план.

И вот начинается лихорадочная, прямо головокружительная работа по организации побега.

Спешно шьются платья и днем и ночью семьею Владимира Маяковского и через Тарасову направляются, частями на теле, в тюрьму; пересылаются деньги, адреса квартир и прочее, необходимое для побега, а в самый последний день — тюремные ключи, изготовленные нашим товарищем-слесарем по восковому слепку, святому Тарасовой.

По плану побега, бежавших каторжанок должны были поджидать прожатые, на обязанности которых лежало доставить беглянок на заранее подготовленные квартиры. Это делалось оттого, что не все каторжанки знали Москву и могли запутаться и не найти квартиру — во-первых; во-вторых, это отняло бы много времени, а нужно было дорожить каждой минутой, так как предвидели погоню»¹⁸⁹.

По свидетельству И. И. Морчадзе, Маяковский знал о том, что предполагается развезти беглянок по квартирам, и предлагал свою помощь. Но товарищи отказали ему из-за слишком заметной внешности, а также потому, что за ним могла быть установлена слежка полиции¹⁹⁰. Свидетельство автора заметки «Новые материалы о Маяковском» (опубликованной в «Вечерней Москве»¹⁹¹), что Маяковский подавал заключенным сигналы с колокольни, ни на чем не основано и не выдерживает критики.

Побег удался, несмотря на то, что полиция еще до побега следила за участниками организации. Организаторы побега сумели обмануть агентов наружного наблюдения и в то время, когда филеры дожидались у освещенных окон квартиры в Волковом переулке, все поднадзорные прошли через задний двор в Зоологический сад и оттуда на улицу. Бежавших развезли по квартирам. Морчадзе проводил четырех беглянок на заранее намеченную квартиру. Вернувшись из-за города, он сразу попал под наблюдение филеров. Тогда он уничтожил все компрометирующие записки и уехал домой, но там его уже дожидалась полицейская засада.

Основываясь только на дневниках наружного наблюдения за группой Морчадзе и Калашникова, полиция смогла арестовать всех организаторов побега¹⁹².

2 июня в засаду на квартире Морчадзе попал Маяковский.

Итак, опубликованные материалы показывают, что Маяковский после выхода из тюрьмы, с апреля 1908 г., стал встречаться с представителями партии социалистов-революционеров. Вероятно, И. И. Морчадзе познакомил его со своими единомышленниками.

Ленинская критика эсеров, будучи суровой, принципиально-непримиримой и революционно-последовательной, была в то же время направлена к тому, чтобы помочь некоторым демократически настроенным элементам эсеровских групп рассеять их предубеждение в отношении рабочего движения, его роли и задач. Большевики Московской организации РСДРП в годы реакции руководствовались резолюцией V съезда РСДРП, которая подчеркивала необходимость разоблачения псевдосоциалистического характера «программы» эсеров и в то же время предлагала «всеми силами вырывать их из-под влияния и руководства либералов», привлекая на сторону социал-демократов против черносотенцев и кадетов.

«...Вытекающие отсюда совместные действия,— подчеркивалось в резолюции,— должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска одновременно против реакции и против предательской либеральной буржуазии»¹⁹³.

Руководствуясь этим решением съезда, члены партии большевиков в отдельных мероприятиях могли выступать совместно с представителями эсеровских групп.

V

МАЯКОВСКИЙ В ТЮРЬМЕ

АРЕСТ. — МЕЩАНСКАЯ, БАСМАННАЯ, МЯСНИЦКАЯ ЧАСТИ. — ОДИНОЧКА № 103. — ОСВОБОЖДЕНИЕ.

Сообщение о побеге из Новинской тюрьмы появилось 2 июля в утренних газетах. Маяковский, вероятно желая узнать подробности, отправился на квартиру жены Морчадзе — Елены Алексеевны Тихомировой. Морчадзе не был прописан на этой квартире и поэтому она считалась безопасной. Но там уже сидела засада. В протоколе об аресте Маяковского говорится:

«1909 года, июля 2 дня, 3(-го) уч(астка) Мещанской ч(асти) помощник пристава поручик Якубовский, находясь в засаде, по поручению Охранного отделения, задержал в доме Локтевых, по 1(-й) Мещанск(ой) ул(ице), в кв(артире) № 9, явившегося в ту квартиру в 1 час 20 м(инут) дня воспитанника императорского Строгановского училища, дворянина Владимира Владимировича Маяковского, 15(-ти) лет от роду, живущего при матери в д(оме) 47 Бутюгиной, кв. 38, 1(-го) уч(астка) Суцеской ч(асти). При личном обыске у него найдена записка с адресом Лидова, каковая при сем прилагается; другого у него ничего не оказалось. Спрошенный Маяковский объяснил, что он пришел к проживающей в кв. № 9 дочери надворного советника Елене Алексеевне Тихомировой рисовать тарелочки, а также получить какую-либо другую работу по рисовальной части. О чем и составил сей протокол.

Подлинный за надлежащим подписом»¹⁹⁴.

При составлении этого протокола произошел случай, который характеризует Маяковского как человека уже хладнокровно и даже с юмором относящегося к своему аресту.

«У меня же в засаде попали известный поэт Владимир Маяковский,— пишет Морчадзе.— Во время составления протокола, когда Владимиру Маяковскому пристав задал вопрос, кто он такой и почему пришел сюда, Маяковский ответил ему каламбуром:

— Я, Владимир Маяковский, пришел сюда по рисовальной части, отчего я, пристав Мещанской части, нахожу, что Владимир Маяковский виноват отчасти, а посему надо разорвать его на части.

Общий хохот...»¹⁹⁵.

Меньше чем через два часа полиция явилась на квартиру Маяковских, предъявив следующий ордер на обыск:

«1909 года июля 2 дня, начальник Московского охранного отделения, согласно постановлению г. московского градоначальника от 2 сего июля за №... просит господина пристава 1<-го> участка Сущевской части с получением сего произвести, в порядке ст<атьи> 21 Положения о мерах к охранению общественной безопасности и государственного порядка, самый тщательный и всесторонний обыск у студ<ента> Строганов<ского> училища Владимира Владимировича Маяковского, проживающего в доме Бутюгина, кв. 38, по Долгоруковской улице.

Всем обнаруженным по обыску бесцензурным изданиям, *всей без исключения переписке*, фотографическим и визитным карточкам и адресам, а равно всем предметам, запрещенным к хранению или могущим свидетельствовать о преступности или неблагонадежности обыскиваемого лица, должна быть составлена опись, после чего их надлежит опечатать и при протоколе обыска препроводить с нарочным в отделение при надписи на сем же.

Документам арестованного, а равно и ценностям, буде таковые будут отобраны, следует составить особую опись, опечатать их в отдельный пакет и также препроводить в отделение.

Обыскиваемый уже задержан.

За начальника отделения
помощник подполковник (подпись)»¹⁹⁶

На ордере о производстве обыска наверху помечено: «Безрезультатно».

В протоколе обыска говорится:

«1909 года, 2 июля, в г. Москве, помощник пристава 3<-го> участка Сущевской части Бунар, временно прикомандированный к 1-му участку Сущевской части, вследствие постановления московского градоначальника, сообщенного в ордере Охранного отделения от 2 сего июля за № 613, прибыл в 3 часа пополудни в дом № 47 Бутюгиной по Долгоруковской улице, в квартиру № 38, занимаемую вдовой коллежского асессора Александрой Алексеевной Маяковской, произвел в присутствии нижеподписавшихся понятых тщательный обыск в комнате, занимаемой родным сыном квартирной хозяйки, учеником Строгановского училища — Владимиром Владимировичем Маяковским. Обыск произведен в порядке ст<атьи> 21 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия; обыскиваемого Маяковского налицо не оказалось и, как объяснила его родная мать, присутствовавшая при обыске, что сын Владимир ушел из квартиры сегодня около 11 часов утра, и где находится — она не знает. Квартира состоит из шести комнат, передней и кухни, расположенных в нижнем этаже двухэтажного надворного флигеля. Ко времени моего прибытия для производства обыска в квартире находились: квартирная хозяйка Александра Алексеевна Маяковская, дочь ее Ольга Владимировна, прислуга Екатерина Николаевна Колодина — все трое прописаны; в квартире оказались не прописанными: вольнослушатель Сельскохозяйственного института, потомственный дворянин Лев Николаевич Яковлев, который заявил, что проживает в доме Ефимова, по Долгоруковской улице, 3<-го> участка Сущевской части, в кв. № 12, и в квартиру Маяковских пришел несколько минут тому назад к своему товарищу Владимиру Маяковскому (при личном обыске у Яковлева ни-

чего не оказалось), и назвавшаяся крестьянкой Можайского уезда, Глазовской волости, села Мышкана Фекла Терентьева, без фамилии, проживающая, как объяснила, на даче Горвица в Соломенной сторожке Петровско-Разумовского участка; в квартиру пришла к Маяковским около 10 минут тому назад, как к подруге — Ольге Маяковской. Никаких документов как Яковлев, так Терентьева в удостоверение своей личности не предъявили, а потому и задержаны, и, вследствие телефонного сообщения из Охранного отделения, Лев Яковлев отправлен в Охранное отделение. В комнате, занимаемой Маяковским, никаких предметов, свидетельствующих о принадлежности его к преступному сообществу, не оказалось, о чем положено записать в протокол, а Терентьеву задержать при участке.

Подлинный за надлежащими подписями.

1909 года, 2 июля, назвавший себя вольнослушателем Сельскохозяйственного института Львом Николаевичем Яковлевым, во время составления протокола, по окончании обыска, бежал из квартиры, но был задержан полицейским надзирателем Седуном, который шел навстречу бежавшему по двору от телефона в квартиру, и за Яковлевым гвались дворники, находившиеся понятыми при обыске — Иван Салохин и Семен Губанов.

Подлинный за надлежащими подписями»¹⁹⁷.

Л. Н. Яковлев — один из участников организации побега. По свидетельству Л. В. Маяковской¹⁹⁸, он приходил к ним на квартиру для того, чтобы отдать ключ от тюремной двери.

На следующий день после ареста Маяковский был вызван на допрос. В графах допроса записано: «Все сведения имеются в делах Московского охранного отделения». На вопрос по существу дела Маяковский ответил:

«2 июля сего года около 1 часа 20 мин. дня я пришел к Елене Алексеевне Тихомировой просить работы по рисованию, так как я знал, что там могу найти работу.

С проживающим у госпожи Тихомировой Сергеем Семеновичем Коридзе я знаком; познакомился я с ним у госпожи Сиверс — зубного врача. Во вторник 30 июня с. г. до 4 часов я был дома; потом пошел к знакомым, по Долгоруковской улице, д(ом) № 51, где живет ученик Строгановского училища Бронштейн; там пробыл до 11—11½ вечера, а потом, прогулявшись минут 15, пошел домой. О побеге из Московской женской тюрьмы заключенных я знаю из газет, других сведений о побеге я не имею. Из заключенных в Московской женской тюрьме я никого не знаю.

Владимир Владимирович М а я к о в с к и й»¹⁹⁹.

Публикуемое ниже постановление московского градоначальника было, вероятно, составлено после ареста Маяковского и помечено задним числом — 1 июля. Предполагать, что полиция заранее намеревалась арестовать Маяковского, нет оснований, так как Маяковский не был даже замечен агентами наружного наблюдения:

«1909 года, июля 1 дня, я, московский градоначальник, получив сведения, дающие основание признать дворянина Владимира Маяковского вредным для общественного порядка и спокойствия, руководствуясь § 21 высочайше утвержденного в 31 день августа 1881 года Положения об усиленной охране, постановил: означенного Маяковского впредь до выяснения обстоятельств дела заключить под стражу при <пропуск> с содержанием согласно ст(атьи) 1043 Уст(ава) угол(овного) судопр(оизводства). Настоящее постановление, на основании 431 ст(атьи) того же устава,

объявить арестованному, а копию с постановления препроводить прокурору Московской судебной палаты и в место заключения задержанного.

Московский градоначальник
генерал-майор А д р и а н о в²⁰⁰.

На документе расписка Маяковского:

«Настоящее постановление мне объявлено. Маяковский».

Но жандармы были уверены в причастности Маяковского к побегу политкаторжанок. Московский градоначальник сообщал министру внутренних дел в числе других лиц и о Маяковском:

«Владимир Маяковский знал заранее о готовившемся побеге и обещал свою помощь по дальнейшему устройству беглянок, но на другой же день после побега был арестован засадой в квартире вышеупомянутого Сергея Коридзе; во время же производства обыска у Владимира Маяковского к нему пришел и был арестован вышеупомянутый Лев Яковлев»²⁰¹.

«Сидеть не хотел. Скандальил. Переводили из части в часть — Басманная, Мещанская, Мясницкая и т. д. — и, наконец, Бутырки. Одиночка № 103», — писал Маяковский в автобиографии (I, 17).

Первое заявление, в составлении которого участвовал Маяковский, написано из 3-го участка Мещанской части 5 июля 1909 г.:

«Доводим до сведения вашего превосходительства, что, находясь третий день под арестом при 3-м участке Мещанской части и не имея возможности принимать подаваемую уголовным арестантам пищу, просили господина заведующего полицейским домом выдавать на руки причитающиеся кормовые, в чем он нам отказал. Поэтому имеем честь просить, ваше превосходительство, сделать соответствующее распоряжение о выдаче нам на руки причитающихся денег.

К. А л е к с и н

Н. В л а д и м и р о в

В. М а я к о в с к и й».

В конце документа имеется направление смотрителю полицейского дома:

«Г. смотритель Мещанского полицейского дома. Для законных исполнений и распоряжений препровождаю. Июля 5 дня 1909 г. Пристав 3-го участка Мещанской части г. Москвы Якубовский»²⁰².

На препровождении к этому заявлению — резолюция товарища прокурора окружного суда 4-го участка:

«13/VII — 09. Сообщить, чтобы по инструкции».

К тому времени Маяковского, вероятно, уже перевели в другой полицейский дом, так как ответ Охранного отделения направлен смотрителю Басманного дома:

«Секретно».

Вследствие заявления содержащегося во вверенном вам полицейском доме Владимира Владимировича Маяковского о выдаче ему на руки кормовых денег, Отделение просит ваше высокоблагородие объявить Маяковскому, что кормовые деньги могут быть выдаваемы на руки политическим арестованным лишь в том случае, если арестованный имеет собственные средства, хранящиеся в конторе полицейского дома, из которого (?) ему готовится особая пища; в противном случае кормовые деньги выдаваться на руки арестованному не должны, и арестованный получает пищу на общем основании из общего продовольственного котла.

Справка: Циркуляр московского градоначальника от 4 мая 1908 года за № 5426.

За начальника отделения ротмистр

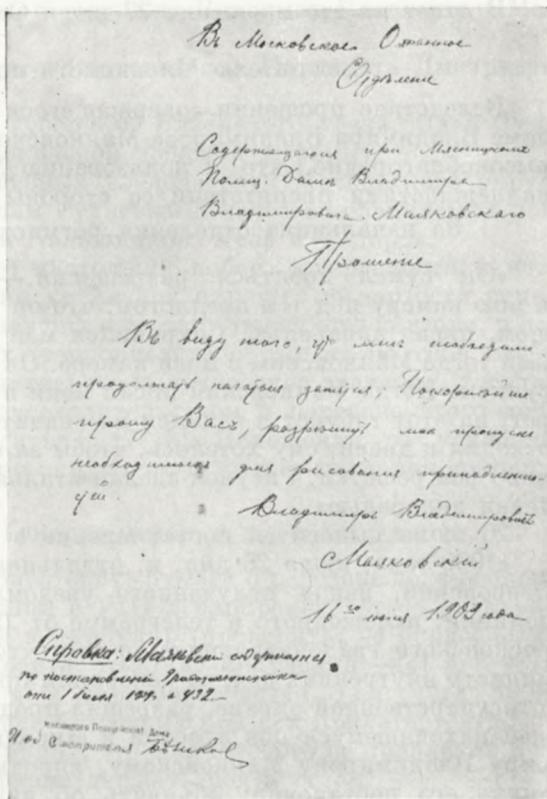
О з е р о в с к и й»²⁰³.

Ответ этот не застал Маяковского и в Басманном доме: его перевели в Мясницкий полицейский дом. Там и была взята у него соответствующая расписка:

ПРОШЕНИЕ МАЯКОВСКОГО
В МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ ОТ 16 ИЮЛЯ 1909г.

Маяковский просит о разрешении
передать ему в тюрьму принад-
лежности для рисования

Центральный исторический архив,
Москва

«1909 года, июля 22 дня, настоящая переписка мне объявлена.
М а я к о в с к и й»²⁰⁴.

В Мясницком полицейском доме Маяковский встретил Вегера, кото-
рый также был арестован по делу о побеге политкаторжанок.

«Вскоре после того как Маяковский попал в тюрьму, его выбрали
старостой тюрьмы,— рассказывал в своих воспоминаниях Вегер.— О его
кандидатуре сначала была договоренность среди немногих. В тюрьме си-
дели не только большевики. Большевики должны были поставить старос-
той своего надежного товарища. Кандидатура Маяковского была одобрена
мною, как членом МК».

16 июля Маяковский подал в Московское охранное отделение следу-
ющее прошение:

«В Московское охранное отделение

Содержащегося
при Мясницком полиц(ейском)доме
Владимира Владимировича Маяковского

П р о ш е н и е

Ввиду того, что мне необходимо продолжать начатые занятия, покор-
нейше прошу вас разрешить мне пропуск необходимых для рисования
принадлежностей.

Владимир Владимирович М а я к о в с к и й

16 июля 1909 года».

В конце документа справка Мясницкого полицейского дома: «Маяков-
ский содержится по постановлению московского градоначальника от
1 июля 1909 г., № 432»²⁰⁵.

В ответ на это прошение 27 июля Охранное отделение сообщало:

«Секретно.

Смотрителю Мясницкого полицейского дома

Вследствие прошения содержащегося во вверенном вам полицейском доме Владимира Владимировича Маяковского, Отделение уведомляет ваше высокоблагородие, что к пользованию Маяковским рисовальными принадлежностями препятствий со стороны отделения не встречается.

За начальника отделения ротмистр О з е р о в с к и й²⁰⁶.

«Он сумел добиться разрешения,— вспоминает Вегер,— заходить в мою камеру под тем предлогом, что он художник. Он рисовал карандашом, писал акварелью. Сохранился мой акварельный портрет, написанный тогда Маяковским в моей камере. Он и тогда уже неплохо владел рисунком. Когда Маяковский писал меня в моей камере, то ставился табурет, на этот табурет я садился на значительном расстоянии от стены, он отходил к двери; ему хотелось, чтобы за спиной природы получался отчетливо фон решетки. Рисунок сделан итальянским карандашом и потом разделан акварелью».

26 июля выносится постановление о продлении срока ареста:

«1909 года, июля 26 дня, я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Озеровский, ввиду полученного уведомления директора Департамента полиции, изложенного в телеграмме от 25 сего июля за № 1842, на имя московского градоначальника, о том, что его высокопревосходительство министр внутренних дел, на основании примечания к ст(атье) Положения о государственной охране, разрешил продлить срок содержания под стражей находящегося под арестом в Мясницком полицейском доме Владимиру Владимировичу Маяковскому, впредь до разрешения вопроса о высылке его постановил: объявить об изложенном вышепоименованному Маяковскому под его собственноручную расписку на настоящем постановлении.

Ротмистр О з е р о в с к и й».

Расписка В. В. Маяковского:

«Настоящее постановление мне объявлено июля 28 дня 1909 года.

В. М а я к о в с к и й»²⁰⁷.

К 1 августа было подготовлено отношение московского градоначальника министру внутренних дел о побеге 13 политкаторжанок и поимке организаторов побега. Отношение содержало ходатайство о передаче дела на рассмотрение военно-окружного суда:

«В ночь на 1-е сего июля из Московской женской тюрьмы состоялся побег 13 каторжанок, причем с ними сбежала и надзирательница этой тюрьмы Тарасова».

Далее следовал перечень бежавших.

«Из числа бежавших удалось обнаружить и арестовать только трех: Иванову, Шипкареву и Карташеву.

Произведенным подведомственным мне Охранным отделением розыском была выяснена группа лиц, подготовлявших побег и способствовавших ему, почему из этой группы арестованы:

1. Дворянин Кутаисской губернии Сергей Семенов Коридзе.
2. Студент Московского университета, потомственный почетный гражданин, Василий Васильев Калашников.
3. Студент Московского университета, потомственный почетный гражданин, Владимир Васильев Калашников.
4. Слушатель Московского сельскохозяйственного института Лев Николаев Яковлев.
5. Сын ученого мастера Сергей Николаев Усов.

6. Воспитанник Строгановского училища Владимир Владимиров Маяковский.

7. Дочь действительного статского советника Маргарита Дмитриевна Львова.

8. Крестьянин Смоленской губернии, Вяземского уезда, Иван Федоров Федоров (надзиратель Московской женской тюрьмы).

Из поименованных лиц судебным следователем Московского окружного суда по особо-важным делам Рудневым в качестве обвиняемых пока привлечены: Коридзе, Василий Калашников, Усов и Федоров.

Принимая во внимание, что настоящий побег, совершенный в местности, находящейся в состоянии усиленной охраны, по дерзости исполнения, участием лиц, принадлежавших к составу тюремного надзора, и особенно по личностям бежавших (террористки) обращает на себя особое внимание как имеющий исключительное политическое значение, ходатайствую перед вашим высокопревосходительством о передаче этого дела, согласно п<ункту> 1<-му> ст<атьи> 17<-й> Положения об усиленной охране, на рассмотрение военно-окружного суда для суждения виновных по законам военного времени.

Генерал-майор А д р и а н о в».

На документе резолюция: «Заготовить бумаги о передаче дела воен<ному> суду и просить о доставлении в VIII д<ело>производство> разысканных ведомостей для включения в циркуляр (проверить, не включены ли уже. 3/VIII)». Наверху документа отметки: получения — «1 авг<уста> 1909 г., 2218» и регистрации: «7-е делопроизводство, 3 авг<уста> 1909».

На полях: «Циркуляр розыска бежавших при сем прилагается»²⁰⁸.

Из приведенного документа видно, что Маяковского не привлекли в качестве обвиняемого, но продолжали держать под арестом.

В Мясницком полицейском доме Маяковский находился недолго. 17 августа смотритель дома подал в Охранное отделение следующую жалобу:

«Секретно.

Содержащийся под стражею при вверенном мне полицейском доме, по постановлению Охранного отделения от 26 июля с. г., № 432, переведенный ко мне из Басманного полицейского дома 14 того же июля Владимир Владимиров Маяковский своим поведением возмущает политических арестованных к неповиновению чинам полицейского дома, настойчиво требует от часовых служителей свободного входа во все камеры, называя себя старостой арестованных; при выпуске его из камеры в клозет или умываться к крану не входит более получаса в камеру, прохаживается по коридору. На все мои просьбы относительно порядка Маяковский не обращает внимания. С получением повестки 7 сего августа Московской судебной палаты, коей он вызывается в палату в качестве обвиняемого по 1<-й> ч<асти> 102 ст<атьи> Угол<овного> улож<ения>, Маяковский более усилил свои неосновательные требования и неподчинения. 16 сего августа в 7 часов вечера был выпущен из камеры в клозет, он стал прохаживаться по коридору, подходя к другим камерам и требуя от часового таковыя отворить; на просьбы часового войти в камеру — отказался, почему часовой, дабы дать возможность выпустить других по одиночке в клозет, стал убедительно просить его войти в камеру. Маяковский, обозвав часового „холуем“, стал кричать по коридору, дабы слышали все арестованные, выражаясь: „Товарищи, старосту холуй гонит в камеру“, чем возмутил всех арестованных, кои, в свою очередь, стали шуметь. По явке мною с дежурным помощником порядок водворен.

Сообщая о сем Охранному отделению, покорно прошу не отказать сделать распоряжение о переводе Маяковского в другое место заключения;

при этом присовокупляю, что он и был ко мне переведен из Басманного полицейского дома за возмущение.

Смотритель С е р о в».

На документе резолюция: «17/VIII. Перевести в пересыльную тюрьму в одиночную камеру; о распоряжении прошу доложить». И пометы о получении и об исполнении: «Охранное отделе(ние) 18 августа 1909 г.»; «Переведен 18 августа. Пер(есыльная) тюрьма»²⁰⁹.

Итак, Маяковский очутился в Центральной пересыльной тюрьме (Бутырки), в одиночной камере № 103. Камера находилась в левом крыле, выходящем к северной башне, на четвертом этаже. В тюрьме имелись четыре отделения: каторжное, следственное, срочное и пересыльное. Вот что писал тюремный инспектор начальнику Бутырок:

«Осмотрев 6 апреля одиночный корпус вверенной вам тюрьмы, я нашел, что он содержится невероятно грязно: в коридорах стены, покрытые масляной краской, забрызганы грязью; печи в камерах не промыты после давно бывшей побелки; в камерах в углах кучи грязи и мусора. Далее, в некоторых одиночных камерах у заключенных замечены отдельные листки бумаги, разные записки и прочее, что не должно быть допускаемо»²¹⁰.

Кормили сытно, но однообразно. На день полагалось два с половиной или два фунта ржаного хлеба; обед состоял из двух блюд: картофельного или горохового супа, щей или борща — на первое, пшенной или гречневой каши — на второе; на ужин — тоже каша. Всё на подсолнечном масле. Если бы у Маяковского были в тюремной кассе так называемые кормовые деньги, он мог бы как дворянин получать улучшенный обед. Но денег не было. «В семье всё внимание, все заботы были направлены на поддержку Володи. Ходили его навещать, нужно было добывать денег для передач», — вспоминает Л. В. Маяковская ²¹¹.

С 21 сентября по 20 октября фамилия Маяковского стояла в ведомости на получение улучшенных обедов за плату 10 коп в день. Потом наступил перерыв. Вероятно, в семье было безденежье. С 25 декабря по 9 января Маяковский опять на улучшенном питании. В делах Бутырской тюрьмы найдена раскладка на улучшенный обед. Судя по ней, в такие обеды входили мясные блюда на второе, пища готовилась на сливочном масле ²¹².

Два раза в месяц заключенных водили в баню. Именно в бане Маяковский вновь встретился с Т. Трифоновым, которого сюда перевели из Суцевской части.

24 августа Маяковский подал прошение в Охранное отделение об освобождении:

«В Московское Охранное отделение
Содержащегося при Центральной пересылочной тюрьме
политического заключенного дворянина
Владимира Владимировича Маяковского

П р о ш е н и е

Ввиду того, что у Охранного отделения нет и, конечно, не может быть никаких фактов, ни даже улик, указывающих на мою прикосновенность к деяниям, приписываемым мне Охранным отделением, что в моей полной неприкосновенности к приписываемому мне легко убедиться, проверивши факты, которые были приведены мною при допросе как доказательство моей невинности,— покорнейше прошу вас рассмотреть мое дело и отпустить меня на свободу.

Прошу также Охранное отделение на время моего пребывания в Центральной пересыльной тюрьме разрешить мне общую прогулку.

Владимир Владимирович М а я к о в с к и й

На прошении резолюция: «31.VIII. Сообщить Маяковскому, что до окончания дела он освобождению не подлежит; просьбу об общих прогулках отклонить».

5 сентября пришел ответ из Охранного отделения на имя начальника тюрьмы ²¹⁴. Маяковский узнал, что его просьба отклонена.

Как уже говорилось ранее, 9 сентября Маяковский присутствовал на заседании суда по делу тайной типографии. 19 сентября был вынесен приговор, копии которого были присланы в Бутырки 21 числа.

«Канцелярия Судебной палаты просит вас препровождаемые при сем копии приговора Судебной палаты от 9 сего сентября выдать под расписки, которые представить в Судебную палату, Тимофею Трифонову Трифонову и Владимиру Владимирову Маяковскому», — писал начальнику тюрьмы секретарь Зенькович. На этом препровождении имеется помета: «Исполнено 23 сент. 1909» и подписи Трифонова и Маяковского ²¹⁵.

В Московскую судебную палату была отослана следующая подписка: «1909 года, сентября 23 дня, я, нижеподписавшийся, дал свою подписку г. начальнику Московской центральной пересыльной тюрьмы в том, что я получил 23/IX 09 г. копию приговора.

Т. Т р и ф о н о в
В. М а я к о в с к и й

Подписку отбирал помощник начальника (подпись)»²¹⁶.

21 сентября врач Московской центральной пересыльной тюрьмы осматривал Маяковского.

«Согласно предложению Отделения по охранению общественной безопасности и порядка от 13 сент<ября> с. г., № 10781, мною осмотрен сегодня арестант Владимир Владимиров Маяковский и по данным этого осмотра мною определен его возраст приблизительно в 16—19 лет», — сообщал в рапорте начальнику тюрьмы врач Влад. Антушевский²¹⁷.

29 сентября охранка подготовила сведения о Маяковском для канцелярии генерал-губернатора:

СВЕДЕНИЯ МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ О МАЯКОВСКОМ

«Предст<авлены> 29 сент<ября> 1909 г., № 11266, Канц<елярии> ген<ерал>-губ<ернатора> 4 окт<ября>, № 11583.

1. Фамилия	Маяковский
имя и отчество	Владимир Владимиров
Звание	Дворянин
2. Время рождения	7 июля 1893 года, по заключению
врача возраст Маяковского по
внешнему виду от 16 до 19 лет.
3. Место постоянного жительства
(его самого и его родственни-
ков)	Москва
4. Место приписки по званию и по
отбытию воинской повинности	Москва
5. Привлекался ли ранее к дозна-
ниям	Не привлекался
6. Время ареста	2 июля 1909 года.
7. Время освобождения из-под стра-
жи	Содержится под стражей.
8. Настоящее место нахождения	Московская центральная пересыль-
ная тюрьма.
9. Время продления срока ареста	25 июля 1909 года, телеграммой
директора департамента поли-
ции за № 1892.

Справка по делам Московского охранного отделения	Агентурные сведения и данные наружного наблюдения
<p>28 марта 1908 г. Маяковский был задержан полицейской засадой, оставленной в квартире № 7 дома Коноплина по Ново-Чухнинскому пер(еулку), где была обнаружена тайная типография Московского комитета РСДРП. При задержании у Маяковского были отображены социал-демократические газеты „Рабочее знамя“ № 1 — 84 экз(емпляра); „Солдатская газета“ № 1 — 6 экз(емпляров) и прокламация „Новое наступление капитала“ — 76 экземпляров. По настоящему делу Маяковский был привлечен к предварительному судебному следствию и отдан под особый надзор полиции.</p> <p>18 января 1909 г. Маяковский был обыскан по связям с ликвидировавшейся в это время группой грабителей; по обыску обнаружен пистолет „Браунинг“, каковой при расследовании оказался принадлежащим чиновнику Московского почтамта Сергею Алексеевичу Махмуд-Бекову; 27 февраля сего года Маяковский освобожден из-под стражи без всяких для него последствий.</p>	<p>По агентурным сведениям Маяковский был членом Московского комитета РСДРП и имел непосредственное отношение к тайной типографии этой партии, арестованной 29 марта 1908 г. в доме Коноплина, в кв(артире) № 7 по Ново-Чухнинскому пер(еулку), где он и был задержан полицейской засадой.</p> <p>Наружным наблюдением установлены сношения Маяковского с лицами, принадлежащими к местной организации РСДРП.</p>

Обстоятельства задержания и результаты обыска	Данные расследования
<p>Задержан 2 июля 1909 г. полицейской засадой, оставленной в квартире арестованного по делу побега из Московской женской тюрьмы 13 каторжанок — Сергея Коридзе.</p> <p>Обыск безрезультатен.</p>	<p>Участие свое в совершении побега, а равно принадлежность к революционной организации отрицает.</p>

Предполагаемая мера взыскания:

Высылка под гласный надзор полиции в Нарымский край Томской губернии, сроком на три года.

За начальника отделения —

Ротмистр Озеровский²¹⁸.

Этот документ представляет особый интерес — в нем первый и единственный раз говорится, что Маяковский был членом МК РСДРП.

Начальник Охранного отделения запрашивал следователя Московской судебной палаты 29 сентября 1909 г.:

«Ввиду ареста 2-го минувшего июля дворянина Владимира Владимировича Маяковского и предположенного представления его к высылке в административном порядке, прошу ваше высокородие сообщить мне, чем раз-

решено судебное дело о названном Маяковском, по которому он в апреле прошлого года был отдан вами под особый надзор полиции, а также не встречается ли по ходу этого дела препятствий к высылке Маяковского»²¹⁹.

30 сентября был отправлен ответ Охранному отделению:

«С возвращением отношения, уведомляю г. начальника Московского охранного отделения, что дело о Маяковском заслушано в Московской судебной палате и он, по приговору означенной палаты, отдан под ответственный присмотр родителей»²²⁰.

Это решение относилось к первому аресту, но так как следствие по третьему аресту продолжалось, Маяковский оставался в тюрьме.

Мать Маяковского, Александра Алексеевна, хлопотала о сыне, что видно из отношения помощника Московского градоначальника:

«Г-жа Маяковская на приеме у г. градоначальника заявила, что в переписке о Владимире Маяковском упоминается, что он совершеннолетний. Она просит иметь в виду в подлежащих случаях, что ему всего 16 лет, в подтверждение чего она представила метрическое свидетельство.

Помощник градоначальника

В. П е т р о в

7. X. 1909 г.»²²¹.

Сам Маяковский также подавал прошения:

«Его превосходительству г-ну Московскому градоначальнику

Содержащегося
при Центральной пересыльной тюрьме
политического заключенного дворянина
Владимира Владимировича Маяковского.

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство рассмотреть мое дело и исполнить нижеследующую просьбу. 2 июля сего года я пришел в квартиру Елены Алексеевны Тихомировой, дом Локтева, по Мещанской улице, кв. 9, для получения кое-какой работы по своей специальности, т. е. по рисовальной части, и был задержан чинами полиции, которые находились там по случаю ареста жильца, проживавшего в данной квартире. При допросе в Охранном отделении я указал и на цель прихода в вышеупомянутую квартиру, и на то, каким образом были проведены дни, предшествующие аресту. Все эти факты легко могут быть подтверждены и таким образом доказана моя полная неприкосновенность к предписываемому, но, несмотря на все это, я вот уже три месяца и пять дней нахожусь в заключении и этим поставлен в очень тяжелое положение, так как, во-первых, пропустил экзамены в училище и, таким образом, потерял целый год; во-вторых, каждый день дальнейшего пребывания в заключении ставит меня во все большую и большую необходимость совершенного ухода из училища, а значит, и потерю долгого и упорного труда предшествующих лет; в-третьих, мной потеряна вся работа, дававшая мне хоть какой-нибудь заработок и, наконец, в-четвертых, мое здоровье начинает расшатываться и появившаяся неврастения и малокровие не позволяют мне вести никакой работы. Ввиду всего изложенного, т. е. моей полной невиновности и тех следствий заключения, которые становятся с каждым днем все тяжелее и тяжелее, покорнейше прошу ваше превосходительство разобрать мое дело и отпустить меня на свободу.

Владимир Владимирович

М а я к о в с к и й

7 октября 1909 г.».

На документе отметка: «Прощение принял 9 октября 1909 г. Московской центральной тюрьмы помощник начальника»²²².

24 октября на имя начальника тюрьмы был направлен ответ Охранного отделения на заявление Маяковского:

«Секретно.

Отделение просит объявить содержащемуся под стражей дворянину Владимиру Владимирову Маяковскому, что 29 минувшего сентября, за № 11266, возбуждена перед министром внутренних дел переписка по высылке его под гласный надзор полиции в Нарымский край на три года, и до получения ответа он из-под стражи освобожден быть не может.

Расписку Маяковского препроводить в Отделение.

За начальника Отделения

Помощник — подполковник П а с т р ю л и н²²³.

К публикуемому отношению приложена расписка Маяковского:

«1909 года, октября 27 дня, я, нижеподписавшийся, дал сию подписку г. начальнику Московской центральной пересыльной тюрьмы в том, что сие отношение мне объявлено за № 12426.

Дворянин Владимир Владимирович М а я к о в с к и й

Подписку отбирал помощник начальника (подпись)»²²⁴.

В этот же день Маяковский подал заявление, требуя разрешить ему общую прогулку:

«В Московское охранное отделение

Содержащегося при Центральной
пересыльной тюрьме политического заключенного
Владимира Владимировича Маяковского

З а я в л е н и е

Ввиду того, что по сообщению мне Охранным отделением от 27 октября, мое дело перешло в Министерство внутренних дел, покорнейше прошу вас разрешить мне общую прогулку, так как в баню водят заключенных в количестве 10 (десяти) человек, и, следовательно, водится гораздо большее число лиц, чем на общей прогулке, на которую выводят всего четыре человека.

Владимир Владимирович

М а я к о в с к и й

27 октября 1909 г.».

На документе отметка: «Прошение принял 31 октября 1909 г. Московской центральной пересыльной тюрьмы помощник начальника»²²⁵.

В ответ на это заявление помощник начальника Охранного отделения на имя начальника Центральной пересыльной тюрьмы писал:

«Секретно.

«Вследствие заявления содержащегося во вверенной вам тюрьме Владимира Владимировича Маяковского, Отделение просит ваше высокоблагородие объявить Маяковскому, что к разрешению ему общей прогулки со стороны Отделения препятствий не встречается»²²⁶.

Вероятно, в связи с переходом дела в Министерство внутренних дел семье Маяковских разрешили свидания.

«М. В. Д.

Отделение по Охранению общественной безопасности и порядка
в Москве. 24 <сентября>. № 3259.

С в и д е т е л ь с т в о

Дано сие Александре, Людмиле и Ольге Маяковским на предмет представления в пересыльную тюрьму в том, что им разрешено московским

градоначальником иметь свидание с содержащимся под стражей в означенной... Владимиром Маяковским, что подписом с приложением казенной печати удостоверется.

За начальника отделения (подпись).
За делопроизводителя (подпись)».

Сбоку документа помета: «На десять (10) раз».

На обороте печати: «М. П. Т. свидание дано» и даты, когда происходили свидания: 6, 20 и 27 октября, 3, 10, 17 и 24 ноября, 8, 15, 22 декабря²²⁷.

Вскоре было рассмотрено дело об организации побега политкаторжанок. 7 ноября 1909 года Департамент полиции извещал московского градоначальника:

«Секретно.

По рассмотрении особым совещанием, образованным согласно ст(атье) 34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о содержащихся под стражей в Московской губернской тюрьме, Московской центральной пересыльной тюрьме и Пречистенском и Мясницком полицейских домах нижепоименованных десяти лиц, изобличенных в содействии побегу в ночь на 1 июля 1909 г. 13 каторжанок из Московской женской тюрьмы, г. министр внутренних дел постановил:

А) Выслать под гласный надзор полиции:

1) потомственного дворянина, бывшего вольнослушателя Московского сельскохозяйственного института Льва Николаевича Яковлева — в Якутскую область на пять лет; 2) мещанку Анну Марковну Гефтер — в Нарымский край Томской губернии на четыре года, а дочь священника, домашнюю учительницу Наталию Павлиновну Смирнову, и мещанина, бывшего студента Императорского московского университета Альберта Львовича Клупта — в Нарымский край Томской губернии, на три года каждого, разрешив Клупту выезд за границу; 3) крестьянку Московской губернии, Клинского уезда, дер(евни) Сидорково — Анастасию Дмитриевну Федотову — в Архангельскую губернию на три года.

Б) Настоящую переписку в порядке ст(атьи) 34 Положения о государственной охране прекратить в отношении крестьян Зиновия Иванова Костюка и Пелагеи Марковой Пустыново-Романовой и дочери дьякона Людмилы Ивановой Никольской.

В) Признавая необходимым выяснить, какими именно данными подтверждается приписываемая дворянину Владимиру Владимирову Маяковскому и отставному штабс-капитану Николаю Николаеву Гефтерту преступная в политическом отношении деятельность, затребовать дополнительные о Маяковском и Николае Гефтерте сведения.

О таковом постановлении, сообщенном к исполнению Якутскому, Томскому и Архангельскому губернаторам по принадлежности, Департамент полиции уведомляет ваше превосходительство, вследствие отношения от 29 сентября 1909 г. за № 11266, для зависящих распоряжений и объявления названным лицам, присовокупляя:

1) что срок высылки и гласного надзора полиции Яковлеву, Гефтер, Смирновой и Федотовой надлежит считать с 31 октября 1909 г.; 2) что в случае возвращения Клупта в пределы империи ранее 31 октября 1912 г., изложенное выше постановление особого совещания в отношении названного лица подлежит немедленному приведению в исполнение и 3) что распоряжение о высылке указанного выше Льва Яковлева в Якутскую область должно быть сделано около 15 ноября.

О Маяковском и Гефтерте Департамент будет ожидать уведомления.

Вице-директор Зубовский²²⁸.

В отношении Маяковского и Гепферта Охранное отделение прислало в Департамент полиции следующее уведомление:

«Секретно.

В Департамент полиции

Уведомляю, что никаких других данных, которые подтверждали бы причастность дворянина Владимира Владимировича Маяковского и отставного штабс-капитана Николая Николаевича Гепферта к делу побега 13 каторжанок из Московской женской тюрьмы в ночь на 1 июля сего года, помимо данных, изложенных в представлении моем на имя г. министра внутренних дел от 29 сентября сего года за № 11266, в моем распоряжении не имеется.

Что же касается обстоятельств дела, изложенных в прошении матери Гепферта, Екатерины Васильевны Гепферт, то таковые проверяются и о результате сей проверки мною будет сообщено дополнительно.

Нач. отделения подполковник К о т е н»²²⁹.

Несмотря на разрешение охранки, Маяковскому, вероятно, так и не дали общей прогулки, так как 18 ноября он снова подает заявление:

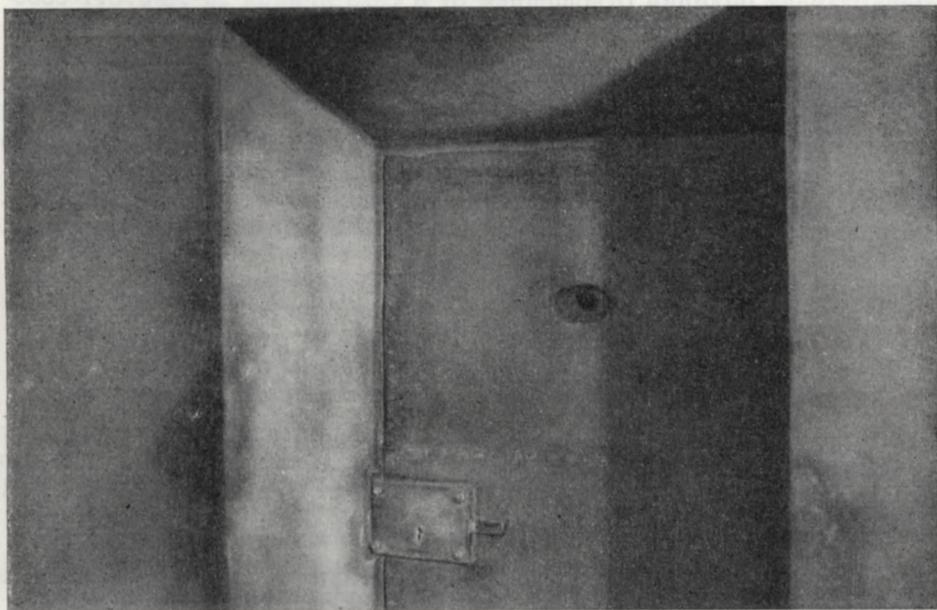
«В Московское охранное отделение

Содержащегося при Центральной
пересыльной тюрьме политического заключенного
Владимира Владимировича Маяковского
З а я в л е н и е

Покорнейше прошу Охранное отделение разрешить мне общую прогулку.

Владимир Маяковский

18 ноября 1909 г.»²³⁰.

ДВЕРЬ КАМЕРЫ № 103 В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕРЕСЫЛЬНОЙ ТЮРЬМЕ (БУТЫРКАХ),
ГДЕ С 18 АВГУСТА 1909 ПО 9 ЯНВАРЯ 1910 г. СОДЕРЖАЛСЯ МАЯКОВСКИЙ И

Фотография

Литературный музей, Москва

На документе резолюция: «Разрешается, если это не идет в разрез с установленным порядком».

20 ноября прокурор Московской судебной палаты сообщал в палату о невозможности исполнения приговора об отдаче Маяковского под надзор родителей:

«Вследствие отношения от 28 октября сего года за № 233662, имею честь уведомить Судебную палату, что приговор палаты от 9 сентября 1909 года, коим Владимир Владимиров Маяковский присужден к отдаче под ответственный надзор родителей, не может быть приведен в исполнение ввиду того, что названный Маяковский, по сообщению начальника Московской пересыльной тюрьмы, содержится под стражею по постановлению Московского охранного отделения от 26 июля 1909 года, в порядке примечания к ст(атье) 33 Положения о государственной охране, и подлежит высылке под гласный надзор полиции в Нарымский край на три года.

И(сполняющий) д(олжность) прокурора
судебной палаты (подпись)».

На документе помета: «Определением Судебной палаты от 26 ноября 1909 года постановлено: принять к сведению. Секретарь К. Я. Зенькович»²³¹.

Это сообщение было тяжело воспринято семьей Маяковских. Александра Алексеевна ездила в Петербург хлопотать за сына. Как мы уже видели, у полиции не могло быть прямых улик об участии Маяковского в организации побега политкаторжанок. Это обстоятельство и усиленные хлопоты матери привели к тому, что дело Маяковского было прекращено. 8 января 1910 г. Охранное отделение сообщало в тюрьму, в которой находился Маяковский:

«Секретно.
Срочно.

Департамент полиции отношением от 4 сего января за № 67077 сообщил, что, по рассмотрении особым совещанием, образованным согласно ст(атье) 33 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о содержащемся под стражею в Московской центральной пересыльной тюрьме дворянине Владимире Владимирове Маяковском, заподозренном в способствовании побегу каторжанок из женской тюрьмы, г. министр внутренних дел 28 декабря 1909 года постановил переписку о Маяковском, в порядке, указанном ст(атьей) 34 Положения об охране, прекратить. Об изложенном Отделение просит объявить Владимиру Маяковскому, освободив его немедленно из-под стражи.

Расписку Маяковского препроводить в Отделение.

За начальника Отделения
Помощник, подполковник П а с т р ю л и н»²³².

На следующий день у Маяковского была отобрана подписка:

«1910 года, января 9 дня, я, нижеподписавшийся, даю сию подписку г. начальнику Московской центральной пересыльной тюрьмы в том, что отношении Московского охранного отделения от 8 января за № 247171 мне объявлено.

Владимир М а я к о в с к и й»²³³.

14 января 1910 г. эта подписка была переслана в Охранное отделение со следующим препровождением:

«Препровождая при сем подписку арестанта Владимира Маяковского, уведомляю, что Маяковский 9 января из-под стражи освобожден и отправлен к приставу З(а)-го уч(астка) Суцевской части для водворения его к родителям.

Начальник тюрьмы (подпись)».

На документе помета: «Охранное отделение. 16 янв. 1910 г.»²³⁴.

Документы следствия по третьему аресту также не дают возможности сколько-нибудь полно представить участие Маяковского в организации побега тринадцати политкаторжанок. Многое было скрыто от глаз полиции и следователей и не отразилось в тех архивных материалах, которыми мы располагаем.

Постоянные сношения между Вегером, Калашниковым, Морчадзе и Маяковским позволяют предположить, что связь МК с подпольщиками осуществлялась и через Маяковского. Зная свидетельство Вегера, можно полагать, что Маяковский активнее участвовал в подготовке и проведении побега, нежели это следует из архивных материалов. В документах следствия указывалось на принадлежность Маяковского к РСДРП.

Интерес к общественным наукам, правильное поведение на допросах, авторитет среди товарищей по заключению — все это свидетельствует о росте сознательности молодого Маяковского. Он начинает думать о своем будущем, о выборе профессии.

* * *

Итак, Маяковский был освобожден. Позади остались одиночная камера, допросы следователя, кончились волнения родных и близких за его будущее.

Много лет спустя Маяковский назвал период своего пребывания в Бутырской тюрьме «важнейшим» для него временем (I, 17). 1906—1907 гг. в биографии Маяковского были годами, когда формировался характер будущего поэта, годами становления его мировоззрения; 1909—1910 гг. стали для Маяковского временем, когда он осознал свое призвание. Маяковский вышел из тюрьмы с твердым желанием: «Хочу делать социалистическое искусство».

Что привело его к такому решению?

Еще в детстве, на Кавказе, Маяковский вместе со своей сестрой Людмилой брал уроки рисования у художника Краснухи. «Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. Учит даром,— писал Маяковский (I, 12). Профессия художника одобрялась в семье Маяковских. Старшая сестра Маяковского Людмила Владимировна училась в Строгановском училище. Она брала домой работу по раскраске и выжиганию кустарных изделий. В этой работе принимал участие и Маяковский. Друзья и близкие видели в Маяковском талант художника.

Пробовал Маяковский писать стихи. Одной из первых неудачных попыток писать стихи Маяковский сам считал «первое полустихотворение» для гимназического журнала «Порыв».

По свидетельству Л. В. Маяковской, в то время, когда семья жила в доме № 47 (Бутюгиной) по Долгоруковской улице, у них в квартире снимала комнату курсистка Л. Г. Ершова, которой Маяковский читал свои первые стихи²³⁵.

Но решила дело, вероятно, не неудача первых стихотворных опытов. Очевидно, профессия художника казалась Маяковскому более реальной, достижимой. Поэтому он и подает заявление в Строгановское училище. Ученье было прервано вторым арестом. Маяковский решил использовать пребывание в тюрьме для пополнения своего образования. Письмо Маяковского к Людмиле Владимировне говорит о его настроении, планах и устремлениях в тот период:

«Дорогая Люда!

Арестовали меня в тот день, как я вышел из дому, в 11 часов утра, на улице. Арестовали бог знает с чего; совершенно неожиданно схватили

на улице, обыскали и отправили в участок. Сижу опять в Сущевке, в камере нас 3 человека (всего политических — 9); кормят, или, вернее, кормимся очень хорошо. Немедленно начну готовиться по предметам, и если позволят, то усиленно рисовать»²³⁶. Далее в письме Маяковский просит принести книги и принадлежности для рисования.

В Бутырках Маяковский осмысливает свое призвание к поэзии.

«Важнейшее для меня время, — пишет Маяковский. — После трех лет теории и практики — бросился на беллетристику.

Перечел всё новейшее. Символисты — Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы и образы не моей жизни. Пробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось *так же про другое* — нельзя. Вышло ходульно и ревиваксиво. Что-то вроде:

В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям — при выходе отобрали. А то б еще напечатал!» (I, 17).

Несмотря на столь иронический отзыв о стихах, написанных в тюрьме, в 1919 г. Маяковский, выпуская сборник стихов «Все сочиненное Владимиром Маяковским», сдвинул даты ряда стихотворений к 1909 г., считая началом своей поэтической деятельности именно это время. В 1925 г. Маяковский занимался в читальном зале Архива революции. Сохранилась анкета, заполненная поэтом. Маяковский разыскивал в архиве:

«1) Наружное наблюдение и агентурные сведения Вл. Вл. Маяковского (парткличка „Константин“).

2) Отобранная при выходе тетрадка (рукопись) моих стихов»²³⁷.

Маяковский готовился стать художником. Увлечение рисованием, упорная учеба в студии Келина, куда он поступил в середине 1910 г., новые люди, окружавшие его, — все это привело к тому, что Маяковский отошел от революционного движения. Решение оставить партийную работу Маяковский объясняет так:

«Вышел взбудораженный. Те, кого я прочел, — так называемые великие. Но до чего же нетрудно писать лучше их. У меня уже и сейчас правильное отношение к миру. Только нужен опыт в искусстве. Где взять? Я неуч. Я должен пройти серьезную школу. А я вышиблен даже из гимназии, даже и из Строгановского. Если остаться в партии — надо стать нелегальным. Нелегальным, казалось мне, не научишься. Перспектива — всю жизнь писать летучки, выкладывать мысли, взятые из правильных, но не мной придуманных книг. Если из меня вытряхнуть прочитанное, что останется? Марксистский метод. Но не в детские ли руки попало это оружие? Легко орудовать им, если имеешь дело только с мыслью своих. А что при встрече с врагами? Ведь вот лучше Белого я все-таки не могу написать. Он про свое весело — „в небеса запустил ананасом“, а я про свое ною — „сотни томительных дней“. Хорошо другим партийцам. У них еще и университет. (А вышую школу — я еще не знал что это такое — я тогда уважал!).

Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы? Я зашел к тогда еще товарищу по партии — Медведеву. Хочу делать социалистическое искусство. Сережа долго смеялся: кишка тонка.

Думаю, все-таки, что он недооценил мои кишки.

Я прервал партийную работу. Я сел учиться» (I, 18).

С. С. Медведев вспоминает о своих разговорах с Маяковским в то время:

«Маяковский приходил и беседовал со мной об искусстве, о живописи.

Я был студентом первого курса, тогда историко-филологического факультета; на второй год я уже перевелся на физико-математический.

Я бы сказал, что разговоры велись в плане личного его дальнейшего устройства. И здесь, мне кажется, у него все-таки в этот период уже было явно выражено желание работать над рисунком, не столько над живописью, сколько над рисунком.

Рисовал он, действительно, очень хорошо. К сожалению, у меня не сохранилось его набросков, а он их делал много. Я помню, как не только я, но и наши домашние и мои приятели были в большом восторге от его набросков. И, может быть, под влиянием всех этих разговоров, постоянных похвал, у него стала появляться мысль: „А не будет ли это моим жизненным призванием?..“ Здесь уже начались разговоры насчет академического характера работы над рисунком — опять-таки почему-то всё о рисунке, — относительно того, что здесь надо что-то сделать, чтобы нарушить ту академическую косность, которая существовала в последнее время в русской живописи. Были такие разговоры: чтобы создать что-нибудь в области живописи, нужен ли для этого только талант, или талант плюс работа? В таких юношеских разговорах всегда бывает переоценка таланта. Но он занимал именно такую позицию, что упорным трудом и систематической работой над собой можно что-то сделать в этой области»²³⁸.

Объяснение Маяковским причин своего отхода от партии не вызывает сомнений, хотя оно написано в 1922 г. уже зрелым Маяковским. Вероятно, именно так и думал Маяковский в 1910 г. Тем не менее в автобиографии поэта имеется и самокритическая нотка. «Нелегальным, казалась мне, не научишься», — пишет он (разрядка наша. — В. З.)

Отходя от партии, Маяковский недостаточно понимал, что ему могла дать и давала партия, не понимал и того, что, оставаясь в ее рядах, он мог продолжать учиться. Может быть, здесь имело значение и то, что в нужный момент около Маяковского не было авторитетного товарища, который мог бы убедить его, что он ошибается. Вокруг Маяковского были уже другие люди, люди из мира искусства, далекие от партии.

Охранка больше не беспокоила Маяковского, но ярлык «неблагонадежного» был приклеен к нему надолго. Московское охранное отделение выдавало справки о благонадежности Маяковского 14 сентября 1911 г. и 4 марта 1914 г.²³⁹ Первый раз, вероятно, в связи с подачей заявления в Высшее художественное училище при Академии художеств о допущении к конкурсному экзамену, второй — в связи с запросом Гродненского губернатора о политической благонадежности московских футуристов.

В апреле 1915 г. Московское охранное отделение поручило полиции:

Г «Выяснить негласно и донести подробно выписку по Б. Гнездиновскому пер(еулку), д(ом) 4, кв. 317, на Владимира Маяковского, выяснив его занятия». 14 апреля помощник надзирателя в ответ на запрос отделения сообщал:

«Маяковский Владимир Владимиров, 20 лет <так в документе. — В. З.>, сын коллежского асессора, холост, приб(ыл) в упомянутый дом 13 марта с. г. из Петрограда, живет в кв. № 317-й; он художник, пишет картины и продает; прописан по удостоверению пристава 3(го) уч(астка) Пресненской части до 15-го августа 1915 года.

Более подробных сведений никаких не имеется»²⁴⁰.

За последующее время мы не встретили сообщений о Маяковском в делах Московского охранного отделения и Департамента полиции.

Первая русская революция произвела неизгладимое впечатление на молодого Маяковского. Революционные события захватили юношу. Он нашел правильный путь — «стал считать себя социал-демократом». Переезд в Москву, встречи с революционерами сыграли свою положительную роль

в формировании мировоззрения Маяковского. Школа революционной подпольной работы, аресты, пребывание в тюрьме закалили его волю и еще более укрепили ненависть к «сытым». В эти годы мы наблюдаем рост сознательности будущего поэта. Правильное отношение к миру, о котором Маяковский писал в автобиографии, сохранилось у него на всю жизнь. Оно привело Маяковского в первые дни Октябрьской революции в Смольный, оно позволило ему сказать — «моя революция». Желание делать социалистическое искусство определило направление поэзии Маяковского. Нельзя не отметить, что отход от партии, связь с футуристами значительно усложнили его творческий путь. Тем не менее, именно из «товарища Константина» вырос Маяковский — великий революционный поэт.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ И. И. Морчадзе. Организация побега 13 политкаторжанок в 1909 г.—«Каторга и ссылка», 1929, № 7, стр. 88—107.

² Г. И. Лурье. К биографии В. В. Маяковского.—«Каторга и ссылка», 1931, № 4, стр. 68—84.

³ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 563.

⁴ ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545.

⁵ ЦГИА, ф. 63, 1909 г., д. 463, 709.

⁶ См. Л. В. Маяковская. Детство и юность В. Маяковского.—«Молодая гвардия», 1936, № 9, стр. 124—145; 1937, № 2, стр. 82—105.

⁷ См. В. В. Маяковский. Собр. соч. в 10 томах, т. I, М.—Л., 1928, стр. 15.

⁸ См. В. О. Перцов. Товарищ Константин.—«Красная новь», 1939, № 8—9; см. также: сб. «Маяковский. Материалы и исследования». М., ГИХЛ, 1940.

⁹ См. В. О. Перцов. Маяковский. Жизнь и творчество, т. I. М.—Л., 1950; 2-е изд.—М., 1954.

¹⁰ Г. В. Бебутов. Ученические годы Владимира Маяковского. Тбилиси, 1955.

¹¹ В. А. Катанян. Маяковский. Литературная хроника. М., 1945; 2-е изд.—М., 1948; 3-е изд.—М., 1956.

¹² Е. З. Балабанович. Журнал «Порыв».—«Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР» т. XV, вып. 3, 1956, стр. 260—264.

¹³ См. Н. Плиско. Маяковский и революционная поэзия 1905 года.—«Октябрь», 1941, № 5, стр. 177—181; Е. Кострова. Новые документы о Маяковском.—«Лит. газета» от 5 апреля 1950 г.; Маяковский и царская полиция.—«Лит. Ленинград», от 14 апреля 1936 г.*

¹⁴ Цит. по указ. книге: В. О. Перцов. Маяковский. Жизнь и творчество, т. I, стр. 54.

¹⁵ Текст прокламации см. в книге: Г. В. Бебутов. Ученические годы Владимира Маяковского. Тбилиси, 1955, стр. 56—57.

¹⁶ Катанян, стр. 17.

¹⁷ Л. В. Маяковская. Указ. соч., «Молодая гвардия», 1936, № 9, стр. 139.

¹⁸ Там же, стр. 140.

¹⁹ Там же, стр. 140.

²⁰ Там же, стр. 143—144.

²¹ В. Канделаки. Встреча с Маяковским.—Сб. «Маяковский в Грузии», Тбилиси, 1936, стр. 138—139.

²² И. Б. Караян. Воспоминания. Не издано.—ЦГАЛИ, ф. 1924, ед. хр. 500.—Далее все цитаты из воспоминаний Карахана даются по этой рукописи.

²³ ГИАМО, ф. 459, 1907 г., д. 5122.—Попечитель Московского учебного округа писал директорам гимназий: «По сведениям, сообщенным министром внутренних дел, в городе Москве зарождается „Всероссийская фракция социалистов-революционеров, учащихся в среднеучебных заведениях“ во главе с „исполнительным бюро“, которое рассылает известным ему воспитанникам учебных заведений предложения о сформировании местных групп» (там же).

²⁴ ГИАМО, ф. 459, 1907 г., д. 5121, лл. 17—18.

²⁵ Из донесения начальника Московского охранного отделения начальнику Московского губернского жандармского управления от 8 февраля 1908 г. Там же, л. 19.

²⁶ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 15, л. 224.

²⁷ С. С. Медведев. Воспоминания. Не издано.—БММ.—Далее все цитаты из воспоминаний Медведева даются по этой рукописи.

²⁸ Е. З. Балабанович. Указ. соч.

²⁹ Владимир Михайлович Загорский (1883—1919, партийное имя «Денис») — видный партийный работник, погиб при взрыве в Леонтьевском пер., где происходило заседание МК.

- ³⁰ И. Б. Карахан. Указ. рукопись.
- ³¹ Медведева исключили из гимназии за участие в политической борьбе. Образование он был вынужден закончить за границей.
- ³² И. Д. Удальцов (1885—1958) был секретарем парторганизации Московского университета в 1906—1907 гг.
- ³³ В. И. Вегер. Воспоминания. Не издано.—ЦГАЛИ, ф. 1924, ед. хр. 500.— Далее все цитаты из воспоминаний Вегера даются по этой рукописи.
- ³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 325.
- ³⁵ «Известия ЦК РСДРП» от 17 августа 1907 г.
- ³⁶ Библиотека ИМЛ, Ц 33649 и Ц 33650.
- ³⁷ В. О. Перцов. Маяковский. Жизнь и творчество, т. I, стр. 108.
- ³⁸ См. воспоминания в сб. «Путь к Октябрю», вып. III, М., 1923, стр. 23, 111, 112.
- ³⁹ В. И. Вегер. Указ. рукопись.
- ⁴⁰ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 850.
- ⁴¹ Н. И. Мандельштам. После восстания 1906—1907 гг.—Сб. «Путь к Октябрю», вып. V. М.—Л., 1926, стр. 116—117.
- ⁴² ЦГИА, ф. 63, д. 390.
- ⁴³ Там же, д. 210, л. 38.
- ⁴⁴ Т. Т. Трифонов. Воспоминания.— Не издано.— ЦГАЛИ, ф. 1924, ед. хр. 500 (далее все цитаты по этой рукописи); Протокол допроса Трифонова.— ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 32.
- ⁴⁵ Карахан вспоминает: «...вместе с тов. Трифоновым в подпольной типографии был наборщик типографии Мамонтова — С. Иванов (также арестованный при провале типографии). Надо полагать, что Маяковский познакомился с Трифоновым через С. Иванова, так как в некоторое время работал пропагандистом в типографии Мамонтова, а через меня Маяковский знал товарища Иванова».
- ⁴⁶ ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 23.
- ⁴⁷ Там же, л. 17.
- ⁴⁸ Там же, л. 49.
- ⁴⁹ Рассказ Л. В. Маяковской опубликован в указ. книге: В. О. Перцов. Маяковский. Жизнь и творчество, т. I, стр. 110.
- ⁵⁰ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 563, л. 16.
- ⁵¹ ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, лл. 12—13.
- ⁵² ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 563, л. 16.
- ⁵³ ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 8.
- ⁵⁴ Там же, л. 59.
- ⁵⁵ Там же, лл. 34, 35.
- ⁵⁶ Там же, л. 33.
- ⁵⁷ Л. В. Маяковская. Паспортная книжка А. А. Маяковской. ЦГАЛИ, ф. 1924, ед. хр. 500.
- ⁵⁸ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 16.
- ⁵⁹ Довнесение пристава Пресненской части в Московское охранное отделение.— Там же, д. 563, л. 27.
- ⁶⁰ ЦГАЛИ, ф. 336, оп. 5, ед. хр. 3, л. 1.
- ⁶¹ Протокол допроса Трифонова.— ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 563, лл. 25—26.
- ⁶² Там же, л. 28.— Со слов «Сверток прокламаций...» опубликован: Катанян, стр. 24.— Упоминаемый в § 6 дом Безобразова выходил на 3-ю и 4-ю Тверскую-Ямскую. Поэтому в документах указывается иногда 3-я, иногда — 4-я Тверская-Ямская.
- ⁶³ Отношение помощника начальника Московского охранного отделения судебного следователю Московского окружного суда.— ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 32.
- ⁶⁴ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 10.
- ⁶⁵ Протокол осмотра квартиры.— ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 23.
- ⁶⁶ Протокол допроса Трифонова.— Там же, л. 27.
- ⁶⁷ Там же, л. 30.
- ⁶⁸ Там же, л. 31.
- ⁶⁹ Уголовное уложение. СПб., изд. Н. С. Таганцева, 1904 г., стр. 181.
- ⁷⁰ ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 108.
- ⁷¹ Там же, лл. 38—39.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же, лл. 41—42.
- ⁷⁴ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 15.
- ⁷⁵ Причины передачи дела другому следователю нам неизвестны.
- ⁷⁶ Протокол допроса Ф. И. Лебедева.— ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 563, лл. 20—21.
- ⁷⁷ Протокол допроса А. И. Сидоровой.— ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 60.
- ⁷⁸ Протокол допроса А. Ф. Кулыгина.— Там же, л. 61.
- ⁷⁹ Протокол осмотра вещественных доказательств.— Там же, л. 48. Текст записки полностью приведен в обвинительном заключении (см. наст. том, стр. 474).

- ⁸⁰ Протокол допроса В. Ф. Кулыгина.— Там же, л. 62.
- ⁸¹ Протокол допроса Ф. В. Виноградова.— Там же, л. 66.
- ⁸² Протокол допроса М. А. Голубева.— Там же, л. 65.
- ⁸³ Трифонов вспоминает: «Маяковский знал, что мне нужно организовать типографию, что типография МК провалилась и организовывается какая-то другая типография. Но где — он не знал. Один раз он пришел ко мне с Матросовым, а второй раз — когда его арестовали <...> Матросов — один из членов Городского комитета и с Маяковским он, конечно, тоже встречался».
- ⁸⁴ ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 66.
- ⁸⁵ Там же, л. 90.
- ⁸⁶ Там же, л. 41.
- ⁸⁷ Там же, л. 135.
- ⁸⁸ Там же, лл. 138—139.
- ⁸⁹ Там же, л. 137.
- ⁹⁰ Там же, л. 141.
- ⁹¹ Там же, лл. 2—6.
- ⁹² «Песни революции», изд. Московского комитета РСДРП. 16 стр. (В сборник входили следующие песни: «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Красное знамя», «Интернационал», «Смело, друзья, не теряйте», «Машиншкка», «Марсельеза», «Походной марш», «Беснуйтесь, тираны», «В память Чернышева», «Прочь с дороги», «Песня рабочих», «Первое мая», «Восемь часов», «Реакция дикой».)
- ⁹³ «Рассказы из русской истории». Народная революционная библиотека, № 13, чч. I и II. Изд. партии социалистов-революционеров, 1902.
- ⁹⁴ ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, лл. 6—11.
- ⁹⁵ Там же, л. 55.
- ⁹⁶ Л. В. Маяковская. Детство и юность В. Маяковского.— «Молодая гвардия», 1937, № 2, стр. 99.
- ⁹⁷ ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 56.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же, л. 62.
- ¹⁰⁰ Л. В. Маяковская. Указ. соч.— «Молодая гвардия», 1937, № 2, стр. 99.
- ¹⁰¹ ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, лл. 76—77.
- ¹⁰² «Московские ведомости» от 10 сентября 1909 г.
- ¹⁰³ «Биржевые ведомости» от 10 сентября 1909 г.
- ¹⁰⁴ ГИАМО, ф. 623, оп. 1, д. 277, л. 49.
- ¹⁰⁵ П. П. Лидов. Маяковский под судом.— «Лит. газета» от 10 июня 1931 г.
- ¹⁰⁶ В конце документа: «21 сентября 1909 года за № 20808 начальнику Московской центральной пересыльной тюрьмы с копиями приговора для выдачи Трифонову и Маяковскому».— ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, лл. 91—93.
- ¹⁰⁷ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 17.
- ¹⁰⁸ См. штамп прописки в паспортной книжке А. А. Маяковской.— ЦГАЛИ, ф. 336, оп. 5, ед. хр. 203.
- ¹⁰⁹ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 19.
- ¹¹⁰ Дело об аресте МК.— Там же, д. 1111.
- ¹¹¹ Например, даже в книге Катаняна материалы слежки за Маяковским даны, начиная с августа.
- ¹¹² ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 127.— «Трубач» — кличка человека, с которым встречался Трофимов, когда за ним впервые началось наблюдение.
- ¹¹³ Л. В. Маяковская. Паспортная книжка А. А. Маяковской. ЦГАЛИ, ф. 1924, ед. хр. 500.
- ¹¹⁴ Дневник наружного наблюдения за С. С. Медведевым.— ЦГИА, ф. 63, 1909 г., д. 1214.
- ¹¹⁵ Там же, 1908 г., д. 877.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же, д. 84, л. 1.
- ¹¹⁸ Там же, 1909 г., д. 709, л. 1 об.
- ¹¹⁹ ЦГИА, ф. Департамента полиции, 7-е делопроизводство, 1909 г., д. 2740, лл. 6, 21.
- ¹²⁰ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 84, лл. 2—5.
- ¹²¹ В дневнике наблюдения за «Дубовым» 8 августа имеется следующая запись: «В 1 час 30 мин. дня к „Дубовому“ пришел „Высокий“ под наблюдением, пробыл 30 мин.; вышли вместе с „Дубовым“, на Сухаревской площади расстались, „Дубовый“ сел в трамвай и отправился в Александровский переулок в дом Беревкина». — Там же, д. 127, л. 16.
- ¹²² Там же, д. 84, лл. 6—7.
- ¹²³ Там же, лл. 8—9.
- ¹²⁴ Сообщено Л. В. Маяковской автору настоящей работы.
- ¹²⁵ ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 84, л. 10.
- ¹²⁶ Там же, лл. 11—15.

- 127 Донесение надзирателя Сущевской части. — Там же, 1909 г., д. 1162, лл. 13—14.
- 128 Дневник наружного наблюдения за И. И. Морчадзе. — ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 787.
- 129 Там же, д. 84, лл. 16—22.
- 130 ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, т. II, л. 4.
- 131 Справка секретаря Московской судебной палаты. — Там же. — Приставу Петровско-Разумовского участка копию обвинительного акта послали, вероятно, потому, что в окружном суде не знали о переезде Маяковского с дачи (см. штамп прописки в паспортной книжке А. А. Маяковской. — ЦГАЛИ, ф. 336, оп. 5, ед. хр. 203).
- 132 Пропуски в подлиннике. — ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, т. II, л. 44.
- 133 Донесение пристава Петровско-Разумовского участка. — Там же, л. 15.
- 134 Там же, л. 24.
- 135 Там же, л. 45.
- 136 Там же, л. 30.
- 137 Там же.
- 138 Там же, л. 36.
- 139 ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 32.
- 140 ГИАМО, ф. 5, 1908 г., д. 131, л. 12.
- 141 Там же.
- 142 Там же.
- 143 Там же, ф. 623, 1910 г., д. без №, л. 52.
- 144 ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 1869, л. 13.
- 145 Там же, л. 16.
- 146 На допросе Евсеенко показала: «Что Веригина разыскивалась, мне было неизвестно. Дала я ей приют у себя потому, что она поссорилась с ее матерью. Познакомилась я с нею летом 1908 года, в поезде, она ехала в Мытицы» (ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 1869, л. 24).
- 147 Там же, л. 27.
- 148 Там же, д. 564, л. 22.
- 149 Дневник наружного наблюдения за Н. Д. Исаевым. — Там же, д. 1519, л. 22.
- 150 Дневник наружного наблюдения за Г. А. Петровым. — Там же, 1909 г., д. 1162, лл. 3—4.
- 151 Там же, л. 13.
- 152 Там же, л. 14.
- 153 Донесение надзирателя 1-го участка Арбатской части в Московское охранное отделение. — Там же, д. 564, л. 36.
- 154 Кто скрывался под кличкой «Шпиль» — полиция выяснить не удалось; не знаем этого и мы.
- 155 ЦГИА, ф. 63, 1909 г., д. 1162, л. 5.
- 156 Там же, д. 15.
- 157 Там же, д. 1388.
- 158 Там же, д. 1162, лл. 6—7.
- 159 Там же, д. 1388.
- 160 Там же, 1908 г., д. 564, л. 23.
- 161 Там же, л. 25.
- 162 Там же, л. 29.
- 163 Там же, л. 30.
- 164 Там же, л. 36.
- 165 Там же, лл. 43—44.
- 166 Л. В. Маяковская. Детство и юность В. Маяковского. — «Молодая гвардия», 1937, № 2, стр. 97.
- 167 ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 47.
- 168 Там же, л. 53.
- 169 Там же, лл. 33—34.
- 170 Там же, л. 35.
- 171 Там же, л. 57.
- 172 На квартире Сидоркина собирались экспроприаторы.
- 173 ЦГИА, ф. 63, 1909 г., д. 463, л. 7.
- 174 Там же, л. 8.
- 175 Там же, л. 9.
- 176 Там же, 1908 г., д. 564, л. 51.
- 177 Там же, л. 61—62.
- 178 Там же, л. 56.
- 179 Там же, л. 74.
- 180 Там же, 1909 г., д. 463, л. 14.
- 181 Там же, д. 466, л. 68.
- 182 И. И. Морчадзе. Указ. соч., стр. 88.
- 183 Л. В. Маяковская. Указ. соч. — «Молодая гвардия», 1937, № 2, стр.

- 184 И. И. Морчадзе. Указ. соч.
- 185 Е. Д. Никитина. Наш побег.—«Каторга и ссылка», 1929, № 7, стр. 115.
- 186 С. Усов, как выяснилось впоследствии, был провокатором.
- 187 А. Гейтлер — зубной врач, содержала центральную конспиративную квартиру на Кузнецком мосту, которой пользовались организаторы побега (И. И. Морчадзе. Указ. соч.).
- 188 ЦГИА, ф. 63, 1909 г., д. 709, лл. 182—184.
- 189 И. И. Морчадзе. Указ. соч.
- 190 «Володя в развозе беглянок не принимал участия из-за своего роста — слишком его рост бросался в глаза и не подходил из конспиративных соображений. Сам он рвался и просил меня, чтобы он помог мне в развозе беглянок» (Воспоминания И. И. Морчадзе.— БММ).
- 191 «Новые материалы о Маяковском».—«Вечерняя Москва» от 19 июля 1955 г.
- 192 Дневники опубликованы в журнале «Каторга и ссылка», 1929, № 7, стр. 102—ч. 105.
- 193 «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, 1953, стр. 160.
- 194 ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 76.
- 195 И. И. Морчадзе. Указ. соч., стр. 97.
- 196 ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 79.
- 197 Там же, лл. 81—82.
- 198 Л. В. Маяковская. Паспортная книжка А. А. Маяковской.— Не издано.
- 199 ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, лл. 83—84.
- 200 Там же, л. 82.
- 201 Там же, 1909 г., д. 709, л. 185.
- 202 Там же, 1908 г., д. 564, л. 87.
- 203 Там же, л. 89.
- 204 Там же, л. 90.
- 205 Там же, л. 88.
- 206 Там же, л. 94.
- 207 Там же, л. 96.
- 208 Там же, ф. Департамента полиции, 7-е делопроизводство, 1909 г., д. 2740, л. 13—14.
- 209 Там же, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 97.
- 210 ГИАМО, ф. 623, оп. 3, д. без номера.
- 211 Л. В. Маяковская. Детство и юность В. Маяковского.—«Молодая гвардия», 1937, № 2, стр. 99.
- 212 ГИАМО, ф. 623, оп. 3, л. 658, 659, 660, 736, 737.
- 213 ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 99.
- 214 Там же, л. 100.
- 215 ГИАМО, ф. 623, оп. 1, д. 277, л. 51.
- 216 Там же, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 97.
- 217 Там же, л. 105.
- 218 ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, лл. 106—107
- 219 Там же, л. 103.
- 220 Там же, л. 109.
- 221 Там же, л. 110.
- 222 Там же, л. 114.
- 223 Там же, л. 115.
- 224 Там же, л. 120.
- 225 Там же, л. 118.
- 226 Там же, л. 120.
- 227 ГИАМО, ф. 623, оп. 3, д. 650. В текст документа вкрались явные ошибки, которые мы исправляем по смыслу.
- 228 ЦГИА, ф. 63, 1909 г., д. 709, лл. 203—204.
- 229 Там же, 1908 г., д. 564, л. 122.
- 230 Там же, л. 123.
- 231 ГИАМО, ф. 32, 1908 г., д. 545, л. 105.
- 232 ЦГИА, ф. 63, 1908 г., д. 564, л. 128.
- 233 Там же, л. 128.
- 234 Там же, л. 127.
- 235 Л. В. Маяковская. Паспортная книжка А. А. Маяковской.— Не издано.
- 236 Л. В. Маяковская. Детство и юность В. Маяковского.— «Молодая гвардия», 1937, № 2, стр. 94—95.
- 237 Анкета хранится в архиве ЦГИА.
- 238 С. Медведев. Указ. рукопись.
- 239 Копии справок в ЦГИА, ф. 63, д. 564, лл. 129, 130, 134.
- 240 ЦГИА, ф. 63, 1915 г., д. 76.